

91-24
135

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 6 ФЕВРАЛЬ 1981

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 6 (2795)

7 ФЕВРАЛЯ 1981

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек», 1981

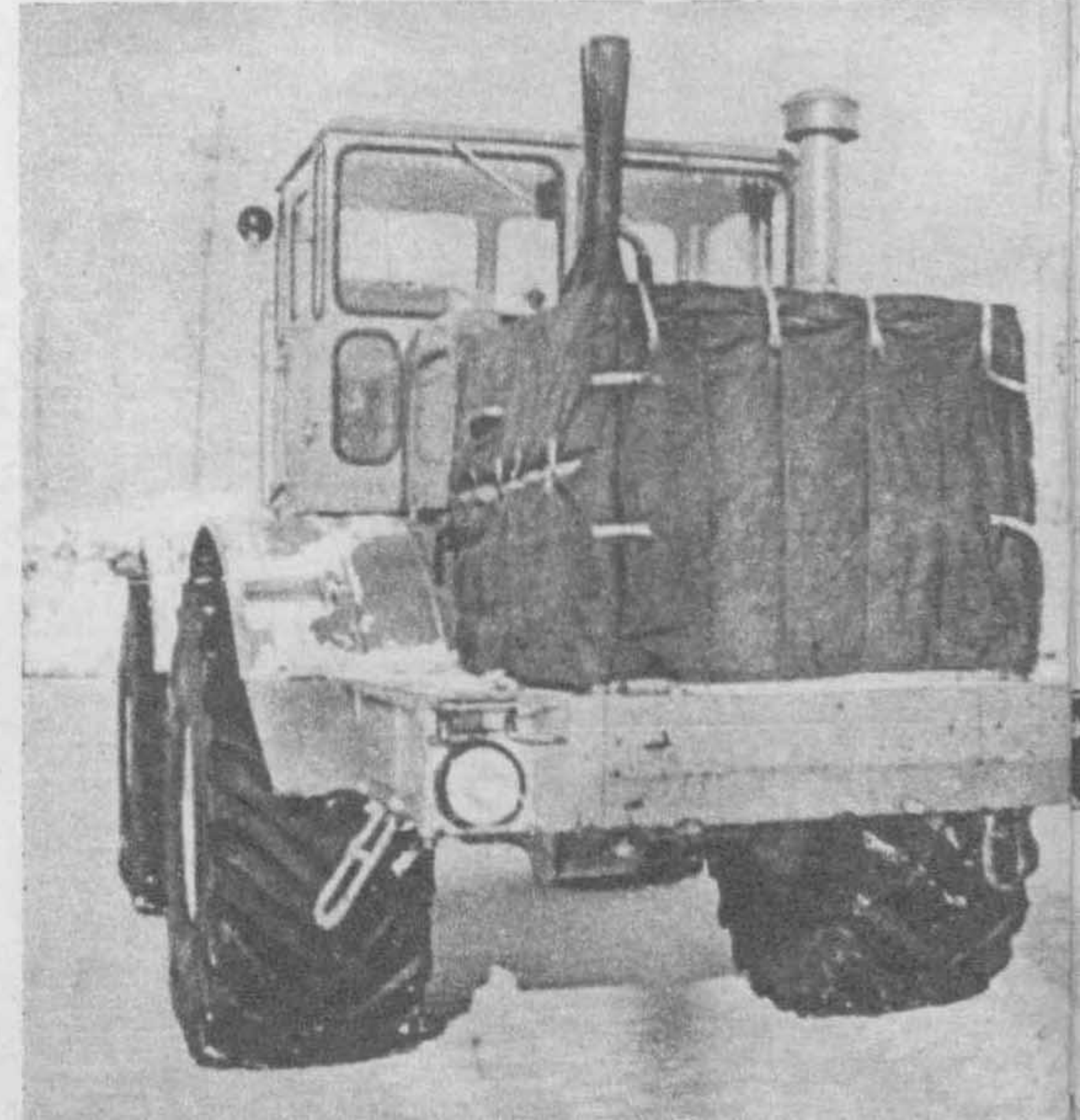
Э П О С

**Кадры
из кинофильма
«Целина».**

— Дух «Целины» животворный, деловой, партийный, он работает, действует, помогает людям быть более инициативными, принципиальными и в то же время внимательными, отзывчивыми.— Так говорят заслуженный деятель искусств Казахской ССР Касым Ахметов и Сергей Морозов, режиссеры шестисерийного телевизионного документального фильма «Целина», созданного по книге товарища Л. И. Брежнева. К этому убеждению кинематографисты

пришли в ходе самой работы над документальной экранизацией книги Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Беседы с сотнями людей, тысячи километров дорог, встречи с казахстанской новью подтверждали: «Целина» стала в полном смысле слова настольной книгой миллионов. С нее творят жизнь механизаторы и агрономы, партийные и советские работники, труженики совхозов и заводов,

ЩЕЛНИНЫ

руководители крупных хозяйств.

Масштабные обобщения, выводы, к которым читателя подводят живые и точные наблюдения, делают это произведение советчиком во многих случаях жизни.

Эпизоды «Щелнины» ярко и выпукло представляют нам время, проблемы жизни людей. Великолепный драматургический материал потребовал от кинематографистов столь же выразительного и точного изобразительного ряда. Кинокадры в соединении с му-

дрым словом литературного первоисточника слагают волнующее произведение: художественная сила новой многосерийной ленты — в крупных обобщениях, в отражении типических ситуаций, характеров, обстоятельств прошлого...

Создатели шестисерийной картины «Щелина», умело раскрывая всю глубину содержания книги, счастливо избегают иллюстративности. По сути дела, все без исключения важнейшие мысли произведения Л. И. Брежнева обрета-

ют для нас объемное, крупное выражение в эпизодах фильма.

Уместно сказать несколько слов об одном из полноправных создателей новой работы, народном артисте СССР, лауреате Ленинской и Государственной премий СССР Вячеславе Тихонове. На долю актера выпала серьезная задача, и его исполнение текста звучит убедительно и талантливо всегда, где бы артист ни находился, «за кадром» или «в кадре», повествуя нам о подвигах первоцелинников. Во

всех случаях участие Вячеслава Тихонова углубляет цельность, монolitность волнующего киноповествования.

В фильме мы видим, как в со-звездии братских республик еще ярче засияла звезда Казахстана. Видим те закономерности жизни, которые позволили буквально в считанные годы решить колоссальные задачи, поставленные партией перед советским народом. Эпизоды митингов, состоявшихся по всей стране сразу же после

февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС 1954 года, вводят нас в живую атмосферу того времени: на разных языках высказано горячее одобрение народа по поводу принятого Пленумом постановления «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». И когда началась великая битва в казахстанских степях, великое мирное сражение за хлеб, за дальнейшее благосостояние страны, в них приняли участие все союзные республики.

Новый фильм дает зримое представление о громадных территориях, которые первоцелинникам предстояло распахать заново. Это ведь 250 тысяч квадратных километров степи — площадь, превышающая территорию Англии...

Кадры кинохроники не таят от нас трудностей, выпавших на долю героев, тех, кто по зову партии и по велению сердца отправился в необжитые края. На всем протяжении своего масштабного киноповествования кинематографисты остаются верными духу «Целины», они ведут такой же откровенный, острый, в высшей степени интересный разговор, свойственный литературному первоисточнику, — о героических делах и буднях патриотов, начавших по-деловому, без парадной шумихи бой за миллиарды пудов целинного зерна.

И в книге и в фильме не случайно постоянные параллели с военными операциями, с атмосферой тех «боевых» действий, которая царит в дни и месяцы беспримерного штурма целины.

Кинокадры свидетельствуют: народ, лишь недавно одержавший великую победу в борьбе с гитлеризмом, с той же самоотверженностью, мужеством и героизмом ведет битву за будущее казахстанские урожан... И выигрывает эту битву.

В благодарной памяти людей — теперь они уже являются старожилками здешних мест — навсегда сохраняются имена замечательных тружеников Василия Рагузова, Амангельды Исакова, Евдокии Зайчуковой и многих других их товарищей и подруг. Об этих героях — о достойной смене, что продолжает дальше славные дела, — задушевно и тепло рассказывает нам фильм «Целина»... Одно из главных его достоинств видится еще и в том, что среди множества интересных эпизодов, исторических ретроспекций постоянно и мощно звучит магистральная тема жизни народа, живой преемственности поколений: она находит свое воплощение в конкретных делах славных хлеборобских династий.

Около тридцати тысяч метров киноматериала о сегодняшнем дне целины и целинников сняли операторы фильма Геннадий Лазаревский и Анатолий Федулов. В гармоничном и впечатляющем сочетании с уникальными историческими кадрами, найденными в процессе кропотливой работы в фильмохранилищах Москвы, Киева, Кишинева, Алма-Аты, материал этот усиливает изобразительный ряд, впечатляющую силу многосерийного фильма «Целина», рассказавшего миллионам людей о целинной эпопее. Она стала, по словам Леонида Ильича Брежневца, «...символом беззаветного служения Родине, великим свершением социалистической эпохи».

Феликс АНДРЕЕВ

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ ЦК КПСС К XXVI СЪЕЗДУ ПАРТИИ

Одиннадцатая пятилетка по-новому повернет судьбу нашего производственного объединения. Сейчас, в предсъездовские дни, у нас произошли важные события. Им предстоит не только поднять уровень республиканской химической промышленности и в некоторых случаях повысить сланцехимические мощности всей страны, но, пожалуй, повлиять и на мировые производственные процессы использования сланцев. Когда эти строки дойдут до читателей «Огонька», в объединении уже будет действовать «Кивитер» — самый мощный в мире агрегат для переработки сланца, производящий газ и сланцевую смолу.

В «Основных направлениях экономического и социального раз-

вития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» о нашей отрасли сказано: «Опережающими темпами развивать сланцехимическую... промышленность». Нам предстоит перевооружить технический процесс переработки сланца. И это будет сделано с помощью газогенераторов нового типа: «Кивитер» — разработка эстонских и ленинградских специалистов и «Галотер» — детище московского Энергетического института имени Г. М. Кржижановского.

«Кивитер» в состоянии переработать тысячу тонн сланца в сутки. Много это или мало? Наше крупнейшее в СССР и в мире сланцехимическое производственное объединение перерабатывает десять тысяч тонн слан-

ца в сутки. И вот теперь один агрегат даст десятую часть всей суточной продукции! «Кивитер» — автоматизированный агрегат, он управляется ЭВМ, и производительность труда в сланцехимической промышленности благодаря ему возрастет в пять раз.

Ныне, как никогда важно широко привлекать к нашему производству науку, усилить научно-исследовательские и проектно-конструкторские работы, чтобы в XI пятилетке на самом высоком техническом уровне строить новые заводы, базирующиеся как на эстонских сланцах, так и на сланцах других месторождений, например, в Поволжье. Для плодотворного союза науки и производства необходимо построить опытно-про-

НАСУЩНЫЕ ЗАБОТЫ МЕДИЦИНЫ

Непосредственно о нашей отрасли здравоохранения — последипломной подготовке врачей — в проекте ЦК КПСС «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» не говорится. Но в этом документе сказано: «Проявлять постоянную заботу о развитии системы здравоохранения. Повысить уровень и качество медицинского обслуживания населения». А уровень и качество в медицине — это прежде всего уровень профессиональной подготовки врачей. Пока, скажем прямо, он не до конца оптимален, хотя по количеству медицинского персонала, безусловно, мы уже давно занимаем первое место в мире.

Начнем с высшего медицинского образования.

Могут сказать, что это не совсем наша епархия. Но ведь мы, отвечающие за повышение квалификации дипломированных врачей, ежедневно пожинаем, образно выражаясь, плоды недостатков

высшего медицинского образования. Кроме объективных причин, обуславливающих необходимость существования института повышения квалификации: удвоение научной информации через каждые восемь — десять лет, стремительное развитие медицины и смежных наук, техники, оборудования, есть и субъективные причины, которые можно и просто необходимо устранить.

Теоретически многие выпускники медицинских вузов подготовлены неплохо. Но не уделяется еще должного внимания развитию проблемно-целевого обучения, подготовке комплексной, способной по-настоящему помочь молодому специалисту практике. Не продумана до конца экзаменационная система. В учебных расписаниях занимает сравнительно малое место привитие навыков работы с медицинскими приборами, техническим оснащением вообще...

Высшее образование должно строиться с учетом всего социально-экономического развития

страны, и обязательно в перспективе. Отдельные, даже самые выдающиеся достижения в медицине, как, впрочем, и в других областях, не показатель положения в целом. Нам необходимо повысить уровень и качество медицинского обслуживания населения, что в значительной степени определяется профессиональной подготовленностью специалистов и врачей первичных звеньев, то есть участковых, врачей поликлиник, женских консультаций...

Надо сказать, что в десятой пятилетке, в 1978 году, приказом министра здравоохранения СССР страна была разделена на девятнадцать регионов, в пределах которых институты и факультеты усовершенствования ведут последипломную подготовку врачей первичных звеньев и, что особенно важно, несут ответственность за ее состояние. Мы, в частности, отвечаем за тринадцать областей средней полосы — Калининскую, Брянскую, Орловскую и другие, а также за Северный Кавказ. В наши обязанности входит изуче-

ГЛАВНОЕ— КОНЕЧНЫЙ ПРОДУКТ

Громадный шаг вперед сделала Грузия в минувшей пятилетке в заготовке чайного листа. А вот мощности перерабатывающей промышленности оказались недостаточными. Между тем сбор чая по сравнению со сбором 1976 года увеличился к концу пятилетия более чем в полтора раза.

Жизнь идет вперед, и растут потребности в благородном напитке. Готовы ли мы увеличить выпуск чая? Да. Прежде всего обнадужить положение проекта ЦК КПСС к XXVI съезду партии, предусматривающие пропорциональный рост сельского хозяйства и обслуживающих его отраслей промышленности, в частности пищевой. Но выделенный нам лимит капитальных вложений способен лишь наполовину удовлетворить наши потребности. Надеемся, он будет пересмотрен.

Конечно, мы не сидим сложа руки в ожида-

ОМУ МЫ СЛУЖИМ

мысленную установку переработки мелкозернистого сланца по методам, предложенным эстонским НИИ сланцев (который, к слову сказать, уже нуждается в расширении). Разумеется, мы очень заинтересованы в сотрудничестве с учеными других республик. Через «Огонек» просим их принять участие в решении наших проблем, в осуществлении наших замыслов.

Пятилетки, неся с собой технический прогресс, улучшают нашу жизнь во всех ее аспектах. Меняя устаревшее оборудование, мы заменили для наших рабочих и жильцов в эти дни 150 семей покинули старые, поселки Паванду, Вахекюла и переехали в благоустроенные

квартиры современных домов Кохтла-Ярве.

И еще: десятая пятилетка отвела нам шестнадцать миллионов рублей на различные меры по охране окружающей среды. Естественно, что там, где действует производство со сжиганием высокозольного топлива, нужна особая забота об охране среды, о чистоте воздуха и воды. Мы построили сооружения для очистки 55 тысяч кубометров воды в сутки; коллектор для приема грязных вод для Пюсси и Кививыли, установки для утилизации фусов — золы, пропитанной смолой. Цех очистки генераторного газа от сероводорода будет улавливать всю серу и тем самым очищать воздух. Самое время и объединению «Глав-

эстонэнерго» последовать нашему примеру и незамедлительно заняться полной очисткой воздушного бассейна города от дымовых газов.

Пятилетки вносят новое и в нашу личную жизнь. У многих из нас, отдавших развитию сланцевой химии по 2—3 десятка лет, выросли дети и тоже стали сланцевиками.

Н. Д. СЕРЕБРЯННИКОВ,
генеральный директор производственного объединения «Сланцевхим» имени В. И. Ленина, кандидат технических наук, заслуженный инженер Эстонской ССР

Кохтла-Ярве.

ние потребностей населения в медицинской помощи, разработка методики повышения квалификации врачей исходя из конкретных условий каждой местности.

Выпускники медицинских вузов последних лет меня радуют своей увлеченностью, стремлением постоянно быть в курсе достижений медицинской науки, я бы сказал, даже боязнь отстать от времени. Но, к сожалению, перед ними пока встает и много трудностей, даже преград для поездки на циклы усовершенствования. Я имею в виду недостаточно продуманное управление медицинскими кадрами, что часто не дает возможности врачу оставить на определенный срок свой участок или свою больницу.

У врачей-женщин, которых у нас в стране, как известно, более семидесяти процентов, возникают и дополнительные трудности, связанные с семьей. Особенно наглядно это у женщин-врачей из Средней Азии, в семьях которых порой до десяти детей и более. К нам иногда приезжают женщины, нуждающиеся в устройстве их детей в детские сады и школы-интернаты, а это связано с определенными трудностями.

Учитывая такое положение, институты усовершенствования по

просьбе местных органов здравоохранения проводят выездные месячные курсы. Ездили на Дальний Восток и в Белоруссию, в Среднюю Азию и на Север. Но условия не везде равноценные. Посудите сами, насколько была бы наша работа эффективнее в условиях крупных стационаров, центров, оборудованных по последнему слову медицинской техники...

Кстати, о технике. В наших научно-исследовательских институтах разрабатывается прекрасная медицинская аппаратура, ничем не уступающая лучшим зарубежным образцам. Но отсутствие должной информации, а проще сказать, рекламы приводит к тому, что медицинские учреждения, как правило, и не подозревают о новинках, естественно, не заказывают их. Отсутствие же спроса, в свою очередь, не рождает и предложения. Можно привести десятки примеров: так обстоит, в частности, дело с атравматическими иглами, с наркозной аппаратурой, хирургическим инструментарием...

Через систему последипломного образования за год проходит больше ста двадцати тысяч врачей со всех концов нашей страны, а также других стран социалистиче-

ского содружества. Почему бы Министерству медицинской промышленности СССР не отправлять нам первые серии новых приборов и аппаратов? Это было бы лучшей их пропагандой и одновременно лучшим способом обучения работе с ними.

Мне думается, целесообразно в раздел Проекта Основных направлений, связанный с улучшением состояния здравоохранения, добавить следующий пункт:

«Предусмотреть дальнейшее развитие сети учреждений последипломного образования врачей, создание крупных центров повышения медицинской квалификации с собственными клиниками и производственными базами.

Предложить Министерству медицинской промышленности СССР первые серии новых приборов и аппаратов направлять на апробацию в клиники институтов усовершенствования врачей».

Ю. Н. КАСАТКИН,
доктор медицинских наук,
профессор,
проректор Центрального
ордена Ленина института
усовершенствования врачей

нии новых средств. Хочу рассказать об инициативах, которые должны изменить существующее положение уже в XI пятилетке. Во-первых, это комбинаты пищевых концентратов из чая. Такой комбинат уже создан в городе Махарадзе и в нынешнем году даст 2 тысячи тонн жидкого чайного концентрата и пять миллионов бутылок тонизирующего напитка «Бахмаро». Подобные комбинаты появятся и в Аджарской и в Абхазской АССР.

Немалый резерв видится в строительстве микрофабрик непосредственно на плантациях. В минувшем году такое предприятие с одной чаesuшальной печью действовало в колхозе Кахати Зугдидского района. Оно переработало тысячу четыреста тонн сырья. Преимущество микрофабрик неоспоримо. Строят их быстро, они максимально приближены к плантации, так что сберегается отличное ка-

чество зеленого сырья. Наконец, нет проблем с рабочей силой. Мы подсчитали, что десять микрофабрик равны по мощности трем крупным чаефабрикам, а обойдутся они в три раза дешевле. Вот какая выгода! А построят их за свой счет колхозы и совхозы. Наше объединение обеспечит монтаж. Такое содружество промышленности с сельским хозяйством обязательно даст прибыль.

В проекте ЦК КПСС к XXVI съезду партии записано: «Ввести в действие новые мощности по переработке чайного листа...» Это, несомненно, будет способствовать увеличению в нашей республике производства и повышению качества ценнейшего продукта.

Э. МАЛАЗОНИЯ,
начальник промышленного
объединения «Чай-Грузия»

ПОСУДА НА ВЫБОР?

Мы живем в мире вещей. И мелочей в нем нет — надо ли это доказывать? Да и не мелочь это вовсе — кастрюля или хорошая сковородка. Обойдешься ли без эмалированного чайника или простой кружки? Но в современную кухню не всякую внесешь: не тот интерьер, «выпадает» из него простенькая посуда. И торговля уже не первый год стучится в двери промышленности: дайте современную, с красочной деколью, красивого цвета кастрюлю и кофейник!

На Новомосковском трубном заводе Днепропетровской области выпускают продукцию хорошую. Тут доказали, что и кастрюля может украсить кухню, придать ей некую праздничность, «расширить» по кухонным полкам яркую эмаль; наверное, в такой кастрюле и готовить приятнее! Веселая, звонкая, радующая глаз, хорошо вписывающаяся в современный интерьер — это и есть нынешнего толка посуда. Чтобы увеличить ее выпуск, Минчермет стремится не снижать темпов. Строится цех по выпуску деколей — «переводных» картинок для эмали. Десять миллионов листов деколи — такова будет его годовая производительность. Создаются и новые эмали — они имеют повышенную стойкость. В разработке находятся посуда с покрытием, которое не случайно называют «антипригарным».

Понятие моды (вместе с рациональностью) распростерло свою власть над домашней утварью — это факт. Металлургические предприятия страны обстоятельно подошли к выпуску эмалированных изделий для дома. За последнее время введены крупные цеха выпуска посуды на Череповецком, Керченском, Узбекском металлургических заводах. Каждый такой цех — 25 тысяч тонн изделий в год.

— Опять тонны? — спросит читатель. — Снова соблазн — вместо пяти чайников делать один большой бак?

Но теперь производство планируется и в рублях. Такой подход принес свои хорошие результаты, но не решил всех проблем. Оказалось, что на некоторых заводах начинают забывать недорогие изделия, приносившие и производству комплектов — цена же их внушительна. Перевыполнив показатели «в рублях», металлурги недопоставили «штуки». За пятилетие промышленность недодала торговле 40 миллионов штук эмалированной посуды...

Спору нет, повышенного качества изделия должны и стоить больше, чем простейшие. Но надо, чтобы на прилавках были разные вещи: пусть покупатель сам выбирает, что ему по душе, что ему по карману. Между тем торговые организации не смогли разместить на предприятиях Министерства черной металлургии заказы на ту же эмалированную посуду на сумму в миллионы рублей!

Хотелось бы, чтобы работа велась активнее, чтобы заказы торговли выполнялись полностью, чтобы на полках магазинов всегда был выбор эмалированной посуды.

К. БАРЫКИН

ХАРЬКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

ИДУТ ПОЕЗДА... 1

Тот, кто не раз проезжал Лозовую, Харьковской области, наверняка видел на железнодорожных путях улыбающегося, небольшого роста человека с флажком в руке. Составитель поездов Александр Рыбка более тридцати лет трудится на железной дороге, управляя по расписанию тяжеловесные товарные составы во все концы страны.

На первый взгляд, работу составителя поездов творческой не назовешь. Но стоит присмотреться к действиям А. Рыбки, и начинаешь понимать: здесь, как в шахматах, надо видеть на пять ходов вперед. Тогда не будет ни «цейтнотов», ни досадных промахов.

...К платформе подкатывает тяжеловесный состав. Часть вагонов уйдет дальше, на Донецк, часть останется здесь. Остальные надо быстро разбросать по составам, уже готовым к отправке. Вот тут-то и проявляется мастерство составителя, который в считанные минуты уверенно с помощью флажка

дирижирует многотонными пульманами и маневровым паровозом, разбирая и составляя чуть ли не километровую «цепочку». На каждом таком составе А. Рыбка экономит по шесть минут. За год это составляет сотни тысяч сэкономленных рублей.

Кто-то из местных журналистов подсчитал: за тридцать лет работы через руки А. Рыбки прошло пять миллионов вагонов — и ни разу он не ошибся. Таким кпд по праву можно гордиться.

Сейчас коммунист Александр Гаврилович Рыбка передает опыт молодежи. Его лекции слушают с особым вниманием, его «университетами» дорожат.

Родина высоко оценила трудовые успехи мастера формирования поездов, присвоив А. Рыбке звание Героя Социалистического Труда.

В. ЗАСЕЕВ

На снимке: Александр Рыбка встречает состав.
Фото автора

РОСТОВ-НА-ДОНУ

РОЖДЕНИЕ НОВОГО КОМБАЙНА 2

К новому, 1981 году общее количество изготовленных на «Ростсельмаше» комбайнов составило более одного миллиона семисот тысяч. Сейчас каждый день завод выпускает 290—300 мощных степных кораблей. План десятой пятилетки ростсельмашевцы выполнили досрочно — к 23 октября 1980 года. А к первому января 1981 года завод выпустил сверх плана почти 15 тысяч «Нив». Так донские комбайностроители несут предсезонскую вахту «XXVI съезду КПСС — 26 ударных недель».

Заводские будни... Конструкторы сейчас заканчивают разработку новой, более совершенной модели зерноуборочной машины. Первые такие машины будут выпущены к открытию XXVI съезда партии.

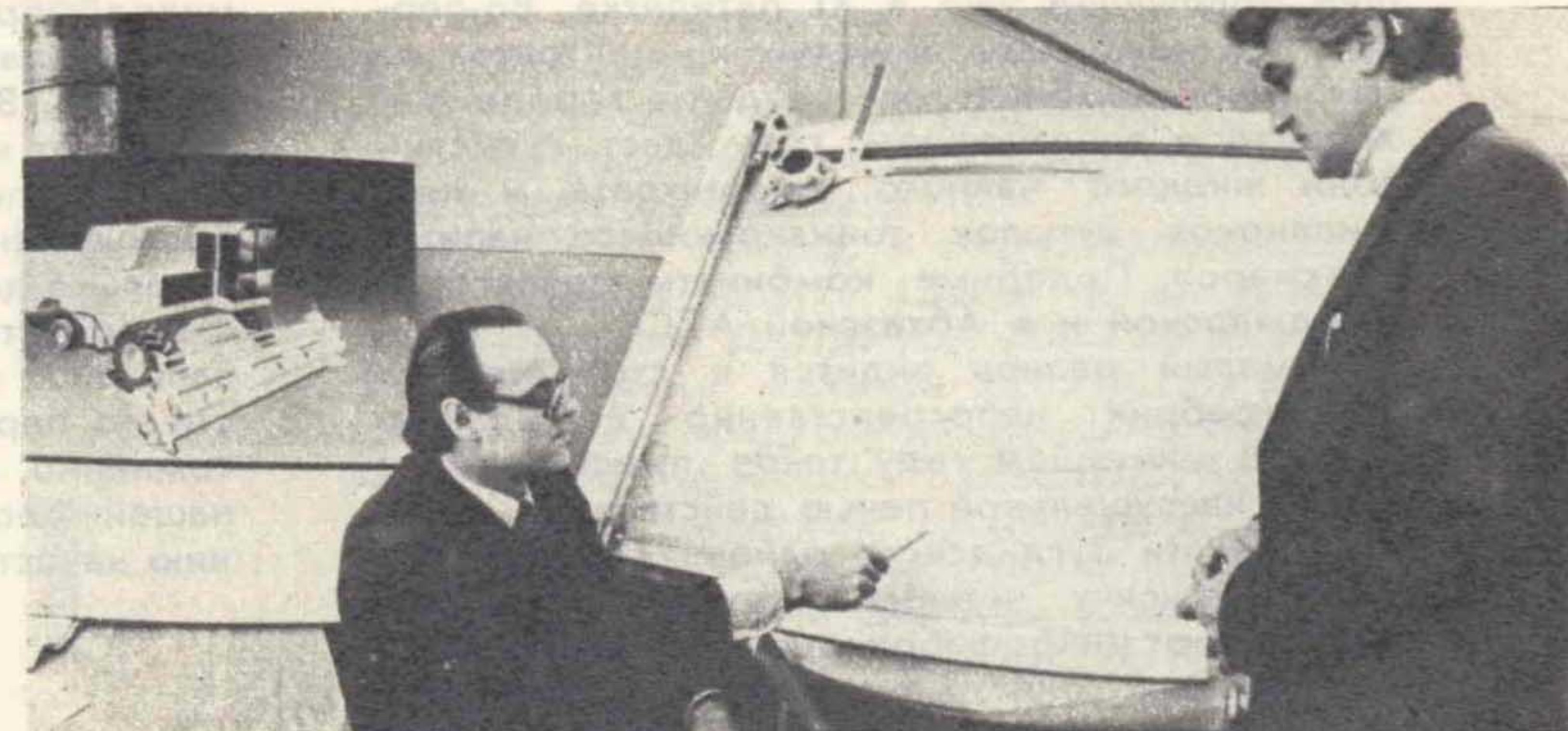
Слово ростсельмашевцев никогда не расходится с делом. Строгальщик Петр Кондратьевич Колесников работает на заводе почти полвека. Ему 75 лет, но он по-прежнему в строю, дает по две нормы за смену.

Ему присвоили звание «Почетный гражданин города Ростова». Сотни рабочих досрочно выполнили свои личные пятилетки. А шлифовщицы — депутат Верховного Совета СССР Зинаида Петровна Еременко, Герой Социалистического Труда Мария Ефимовна Новикова, лауреат Государственной премии СССР Дина Федоровна Михайлова, молодые товарищи Виктор Тарзилов и Николай Денисенко выполнили за пять лет два пятилетних плана.

Таков в канун XXVI съезда КПСС «Ростсельмаш» — одно из крупнейших наших предприятий сельскохозяйственного машиностроения.

Михаил АНДРИАСОВ

На снимке: рождение нового комбайна — «Нива-1500». Главный конструктор машины А. Р. Распопов (слева) и ведущий отделом ГСКБ Е. М. Яценко обсуждают конструкцию молотилки.
Фото Г. Розова

НОВОСТИ

ИНТЕРВЬЮ

РЕПОРТАЖ

ЛЕНИНСКИМ КУРСОМ

В Институте научной информации по общественным наукам Академии наук СССР начала работу выставка, рассказывающая об успехах советского обществоведения между XXV и XXVI съездами Коммунистической партии Советского Союза. Открыл выставку вице-президент Академии наук СССР, известный советский философ академик П. Н. Федосеев.

Перехожу от стенда к стенду. Экспозиция открывается трудами В. И. Ленина, руководителей Коммунистической партии и Советского государства по проблемам развития социалистического общества. Рядом — исследования, посвященные социалистическому соревнованию, работе партийного и государственного аппарата, Конституции СССР. Почетное место в экспозиции занимает семитомник Л. И. Брежнев «Ленинским курсом». Большой раздел отведен историческим исследованиям. Здесь можно найти тома по истории Коммунистической партии, Советского государства, Великой Отечественной войны, по истории дипломатии и международных отношений.

— Что наиболее характерно для выставки? — спрашиваю заместителя директора института, кандидата исторических наук И. А. Ходош.

— Прежде всего наша выставка свидетельствует о большом вкладе общественных наук в теорию и практику социалистического строительства. Возьмем, например, раздел «Проблемы советской экономики». Он поражает широтой интересов ученых. На стендах — работы, посвященные

как общим, так и специальным исследованиям: о планировании и управлении социалистической экономикой, об оптимизации, об агропромышленных комплексах, о демографических проблемах семьи.

Выставка не случайно расположена в академическом институте научной информации. Эта единственная в своем роде организация сочетает в себе и научную и библиотечную работу. Ученые института обрабатывают 270 тысяч трудов, поступающих сюда каждый год на всех языках мира. Высокая квалификация сотрудников и масштабы деятельности сделали институт головным по информации в области общественных наук в Советском Союзе и в социалистических странах. Он участвует и в международных организациях по обмену научной информацией.

Светлые и тихие читальные залы никогда не пустуют. Работают здесь и академики, и научные сотрудники, и те, кто только ищет свой путь в науке — студенты-дипломники и аспиранты. Большой библиотечный фонд — 13 миллионов экземпляров, — привлекает и иностранных специалистов. Только в прошлом году в залах института работало 500 ученых из 66 стран, многие из которых специально за этим приехали в нашу страну. Побывают здесь и многие делегаты XXVI съезда партии.

В. МИХЕЕВ

На снимке: вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев открывает выставку.

Фото Л. Шерстенникова

4

ТАЛЛИН

СТРАЖ АЭС

В сборочном цехе Таллинского электротехнического завода имени М. И. Калинина — событие: завершается испытание и готовится к отправке на вторую очередь Ровейской атомной электростанции агрегат бесперебойного питания — АБП.

— Что же представляет собой этот агрегат? Для чего он нужен? Внешне это линия серых металлических шкафов, сквозь дверцы из триплекса видны силовые блоки на тиристорах, — рассказывает начальник испытательной станции И. Поляков. — Пятьсот различных предприятий СССР поставляют на завод имени Калинина комплектующие детали, несколько всесоюзных научно-исследовательских институтов, а также конструкторское бюро завода разрабатывали АБП. У этого агрегата особое назначение: он предусмотрен для защиты атомной станции в случае нарушения подачи электропитания. Вот один из примеров возможного нарушения. На

АЭС постоянно должна работать ЭВМ, а ее питание всегда идет от сети. Допустим, питание нарушилось. Что же, произойдет авария на АЭС? Нет, АБП всегда на страже, он в любую секунду готов принять на себя электрическую нагрузку, связанную с мерами защиты. Новый агрегат — представитель самого молодого поколения подобных устройств. Экспериментальные работы велись несколько лет. В минувшем году завод взял обязательство освоить серийное производство агрегатов.

И вот мы уже в сборочном цехе, где идет серийное производство новых агрегатов. Это трудовой подарок завода XXVI съезду КПСС.

АБП уже работают на Ровейской, Нововоронежской, Кольской, Южно-Украинской и Чернобыльской атомных электростанциях.

Н. ХРАБРОВА, собкор «Огонька»

УЗБЕКИСТАН

НА ЯРЛЫКЕ — «ХЛОПОК 100%»

Ныне редкий покупатель не поглядит на ярлык сорочки или платья, где указывается, из какого материала они сшиты. И уж если из чистой хлопчатки — товар не залежится.

Удовлетворить резко возросший спрос на изделия из таких тканей — одна из задач одиннадцатой пятилетки. Чтобы эти ткани обходились дешевле, многие новые фабрики строятся поближе к хлопковым полям, а уже действующие предприятия совершенствуются и расширяются. В Узбекистане запланировано ввести в действие четырнадцать филиалов хлопчатобумажных комбинатов в Андижанской, Бухарской, Ферганской областях и в Каракалпакской АССР. Новые произ-

водственные мощности вступят в строй на Ферганском текстильном комбинате. Строится вторая очередь Бухарского хлопчатобумажного комбината, крупнейшего в республике.

В Бухаре уже начала давать продукцию вторая прядильная фабрика, проектная мощность которой — 12 тысяч тонн белой натуральной пряжи в год. Это в три раза больше, чем производилось прежде.

Вяч. КОСТЫРЯ, собкор «Огонька»
Фото В. Сваричевского

На снимке: строится вторая очередь Бухарского хлопчатобумажного комбината.

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
К. Е. ВОРОШИЛОВА

ЛЕГЕНДАРНЫЙ НАРКОМ

Имя одного из героев гражданской войны сразу же вызывает в памяти советских людей многих поколений яркий образ минувшего. Ворошилов — это боевые страницы борьбы с врагами революции. Ворошилов — это победоносные рейды Первой Конной. Ворошилов — это буквально всенародное увлечение самоподготовкой к обороне Страны Советов, когда в канун Великой Отечественной каждый юноша и девушка спешили овладеть мастерством снайперской стрельбы из боевой винтовки. «Ворошиловский стрелок» был заветной ступенью для победителей в спортивных состязаниях тех лет...

Климент Ефремович Ворошилов прожил долгую жизнь в борьбе. В пятнадцать лет уже на металлургическом заводе, потом на паровозостроительном заводе Гартмана в Луганске, на том самом, что выпускает сейчас тепловозы в городе его имени — Ворошиловграде. А в двадцать два слесарь Климент Ворошилов стал большевиком... Он познал и увольнение по «черному списку» неблагонадежных, и аресты, и ссылки... В дни Великой Октябрьской социалистической революции К. Е. Ворошилов был комиссаром Петроградского военно-революционного комитета. Вместе с Дзержинским он орга-

низовывал грозную ВЧК. Затем — славная оборона Царицына, создание Первой Конной армии. К. Е. Ворошилов лично формировал небывалое в истории кавалерийское соединение и был членом РВС этой легендарной армии, которая прошла в непрерывных атаках от Дона до Черного моря в Крыму. А когда вспыхнул кронштадтский мятеж, цепи наступающих вел и он, Клим Ворошилов.

Сын рабочего класса, революционер, полководец — вот кто такой К. Е. Ворошилов. Он писал: «Я не верю в предопределение, но я благодарен своей судьбе за то, что мне выпал именно тот путь, который мне довелось пройти...».

К. Е. Ворошилов занимал самые высокие посты в партии и государстве, был членом Политбюро ЦК нашей партии, в годы войны — членом Государственного комитета обороны, а после победы в мае 1945 года — заместителем Председателя Совета Министров СССР, а затем председателем Президиума Верховного Совета СССР. Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда К. Е. Ворошилов, сын луганского железнодорожника, останется человеком-легендой в памяти нашего народа.

Н. БЫКОВ

Таким К. Е. Ворошилова запомнили в народе.

«Увеличить производство мяса, молока, картофеля, овощей и фруктов в подсобных хозяйствах предприятий, организаций и учреждений...»

Из проекта ЦК КПСС к XXVI съезду партии

Николай ЛАПТЕВ

КУЗОВОК СТАЛ НЕ НУЖЕН

С некоторых пор на Первомайский стекольный завод, что в Шумячском районе Смоленской области, зачастили гости. Едут с ближних и дальних предприятий и организаций, однажды осенью из Брянска пожаловала целая делегация работников Советов во главе с председателем облисполкома. Что привлекает их сюда? Необычный «цех» завода — аграрный. Уже который год действует он, позволяя полностью решить проблему общественного питания не только заводского коллектива, но и всего поселка.

Директор завода Николай Иосифович Шугаров, стоявший у колыбели этого цеха, рассказывает:

— В начале семидесятых годов, как известно, сильная засуха осложнила положение дел в сельском хозяйстве, особенно в животноводстве. Централизованное снабжение мясом, молоком и другими продуктами ухудшилось. Тогда-то мы и обратили внимание на бросовые земли, что лежали вокруг поселка. Было решено окультурить их, создать свое подсобное хозяйство. Техника, люди, знающие ее, нашлись на заводе, кое-что позаимствовали у соседей. За дело взялись дружно, работали по выходным, после смены. В короткий срок выкорчевали кустарник, мелкокопье, срезали кочки, прорыли осушительные каналы. Одновременно строили скотные дворы, закупили молодняк. И вот...

Первомайцы с гордостью показывают свое подсобное хозяйство, ставшее важным цехом предприятия. Мне не раз доводилось бывать здесь. Почти шестьсот гектаров занимают зерновые, картофель, овощи, кукуруза, кормовые травы. На фермах, что разместились на окраине поселка, — сотни голов крупного рогатого скота, свиней. Агроцех производит до сорока тонн мяса, свыше 250 тонн молока, более двух тысяч тонн картофеля и овощей. По урожайности полей и продуктивности ферм первомайцы на первом месте в районе.

Зимой со всем этим хозяйством управляют чуть поболее двадцати постоянных рабочих во главе с агрономом Тamarой Михайловой и зоотехником Н. Т. Барбасовым. Готовят технику, семена, вывозят на поля удобрения, ухаживают за скотом. А в страдное время им помогает весь коллектив. И в

коллективном договоре записано: каждому за год отработать в аграрном цехе по три дня за счет личного времени. Во время сева, уборки урожая на поля выходят по 50—60 человек. Помогают пенсионеры, школьники.

Приезжающих сюда гостей Шугаров, как правило, сразу же ведет в заводской пищеблок: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать! А что может быть красноречивее заполнивших холодильную камеру говяжьих и свиных туш, окороков, связок колбас, бидонов с молоком и сметаной. Все это идет на кухню, для рабочих, в школу, больницу, детский комбинат. В меню заводской столовой свыше двадцати разных блюд. Тут и поджарка, и шницель, и бефстроганов — и все из своих, свежих продуктов. К тому же недорого.

В обеденный перерыв я беседовал с рабочими.

— Почти тридцать лет мы с женой трудимся на заводе, — рассказывал стеклодувщик В. Воронцов. — Бывало, идешь на смену и кузовок с провизией берешь. Теперь нужда отпала, в столовой все есть. За полтинник можно хорошо пообедать, а для ночных смен питание почти бесплатное.

— Нас в семье четверо, — до-

ПО

полняет алмазчица Н. Евсеенкова. — Дома не всегда успеешь обед приготовить. Выручает заводская столовая, можно либо здесь поесть, либо на дом взять...

Может быть, это просто совпадение, но небезынтересно отметить: с тех пор, как агроцех набрал силу, ровнее стал действовать завод. Планы перевыполняются. Окрепла дисциплина, сократилась текучесть. Если прежде с завода уходил каждый второй, то теперь один из десяти, да и те нередко возвращаются. Сюда едут работать мастера из Калинина, Дяткова, Гусь-Хрустального...

Это день сегодняшний. А что будет завтра? Меня познакомили с планами на будущее, разработанными специалистами областной сельскохозяйственной станции. За счет дальнейшей мелиорации угодий, повышения культуры земледелия валовое производство возрастет в полтора раза. Сейчас, по словам Н. Шугарова, на одного заводского рабочего агроцех производит до 40 килограммов мяса и 256 — молока за год. Ставится задача в XI пятилетке давать соответственно до 60 и 300 килограммов.

ОТХОДЫ И ДОХОДЫ

Небольшая усадьба подсобного хозяйства Ярцевского общепита называется «Городок». Расположена она на взгорке, откуда хорошо просматриваются все его владения. Земли, прямо скажем, не густо — 207 гектаров вместе с неудобьями. И, когда речь заходит о кормовой базе, директор А. И. Бычков спешит предупредить: «Хозяйство наше особенное, откорм ведется на пищевых отходах».

Здесь умело используют этот почти даровой резерв для увеличения производства животноводческой продукции. В городе создана целая система утилизации пищевых отходов. На предприятиях и при домоуправлениях выделены люди, ответственные за их сбор. А руководит этим делом специальная комиссия горисполкома во главе с заместителем председателя. Шесть автомашин из «Городка» ежедневно появляются на улицах Ярцева, забирая накопившиеся отходы столовых, ресторанов, кафе, домовых кухонь, маслозавода, мясокомбината.

— Дело это весьма выгодное, — говорит Алексей Иванович и тут же показывает сводки. — Смотрите: ежегодно снимаем с откорма до четырех тысяч свиней. В среднем за год производим свыше трехсот пятидесяти тонн мяса, получаем тридцать с лишним тысяч рублей чистого дохода. Кроме мяса, даем столовым и магазинам картофель, капусту, другие овощи, различные специи. Построили новый свинарник — это еще сто тонн мяса.

На ресторанных, если так можно выразиться, харчах и привесы у свиней соответствующие. Но, конечно, важен и труд свинарков, мастеров животноводства, таких, как Нина Петровна Гудкова, она депутат горсовета, Ефросинья Михайловна Скюторева, Евгения Васильевна Логутенкова и другие. По ударному трудится весь коллектив — в минувшем году он перевыполнил свои планы и социалистические обязательства.

И все же легко заметить, что, развивая свой успех, «Городок» то и дело оглядывается на соседей из подсобного хозяйства «Пологи» хлопчатобумажного комбината. Там тоже подобрался отличный коллектив во главе с директором Ф. А. Сафоновым. Правда, направление этого хозяйства не-

Теплица подсобного хозяйства Смоленского авиазавода.

сколько иное — молочно-овощное, да и корма он берет «с земли», однако это не мешает ему перевыполнять свои планы, ежегодно давать в среднем до 40 тонн говядины, 650 тонн молока, свыше тысячи тонн картофеля, почти столько же овощей. Немало лакомой продукции поступает из садов и ягодников.

Заместитель председателя горисполкома А. Ф. Ковный, рассказывая об этих двух подсобных хозяйствах, которые дают для общественного питания треть мясных продуктов, решают проблему производства раннего картофеля, капусты, не может не вспомнить:

— Прежде всякую мелочь приходилось искать на стороне, завозить. Сколько из-за этого было нервов! То капусты нет, то с картофелем перебои. Теперь по этой части горя не ведаем...

Рачительные хозяева заглядывают вперед, ищут новые резервы. В «Пологах» собираются ввести в оборот дополнительно сорон гектаров бросовых, заболоченных земель, в «Городке» хотят развернуть летний откорм свиней, запустить в свой водоем карпа и к осени получить не менее тонны рыбы. Нельзя топтаться на месте. Горком партии, горисполком вынесли решения о дальнейшем развитии подсобных хозяйств. Каждый более или менее крупный коллектив предприятия или организации обязан внести свою лепту. Хорошая будет добавка к столу горожан...

ПЛАНЫ И ПРОБЛЕМЫ

Богатое подсобное хозяйство... Агроцех завода... Приятные при-

ском дворе откроется магазин полуфабрикатов, кулинарии и другие.

Авиастроители уже приобрели часть сельскохозяйственной техники и сейчас готовят кадры механизаторов, животноводов. Многие «подсобники» из вчерашних селян пожелали вернуться к привычному труду — на поля и фермы.

Планы большие, и берутся за их осуществление энергично и в Смоленске, и в Рославле, и в Ярцеве. Но думается, что прав Александр Филиппович Ковный, напомнивший истину: «Почин — дело великое, но надо предви-

Д С П О Р Ь Е

Фото А. КОЗЬМИНА

Это молочко — из аграрного цеха.

меты городов и рабочих поселков Смоленской области. На смену самодеятельности энтузиастов пришла планомерная работа, направляемая горкомаами партии, исполкомаами горсоветов.

Тон задают заводы. Смоленский авиационный завод, располагавший небольшой свинофермой и такой же крохотной теплицей, намечает вложить в подсобное хозяйство до трех миллионов рублей. Разработан проект, осуществление которого позволит создать современное, высокоинтенсивное производство мяса, овощей. Мелиорация втрое расширит площадь сельхозугодий. Будут построены фермы на три тысячи свиней и на триста голов крупного рогатого скота, теплицы на десять тысяч квадратных метров. На месте бывших карьеров появятся рыбные пруды.

— У нашего завода, — говорит директор авиазавода Л. А. Серых, — одиннадцать столовых, шесть детских учреждений, профилакторий, пионерский лагерь. Все они будут обеспечиваться продуктами в основном за счет подсобного хозяйства. На завод-

деть трудности и быстрее решать возникающие проблемы». Здесь — и разработка проектов, и наделение подсобных хозяйств землей, техникой, и помощь семенами.

Конечно, природа подсобных хозяйств такова, что главная опора — собственные резервы. Так начинал на Первомайском Шугаров. Тем не менее без помощи не обойтись.

— Нас мало кто признает, — сетует старший зоотехник подсобного хозяйства ярцевских текстильщиков Мария Яковлевна Шельмакова. — В городе мы деревенские, в деревне — городские. Никакого планового снабжения. Каждую мелочь приходится выпрашивать. Это серьезно затрудняет нашу работу.

Подсобные хозяйства — важные цеха промышленных предприятий и городских организаций. В них, как указывает Л. И. Брежнев, таятся большие возможности улучшения снабжения населения продуктами питания. Надо по-хозяйски использовать эти резервы. ...Подсобное хозяйство. Надежное это подспорье!

Смоленск.

ЭДЕЛЬВЕЙС

Какимбек
САЛКОВ

ПОЭМА

Есть в женщине и в мраморе святое.
И я гляжу, взволнован и несмел:
Тут красота
Творится красотою.
Над белой глыбой — чистый профиль бел.

А женщина — она в плену исканья,
Что вдохновенье — явь иль забвенье?
И вижу я:
Из мрамора, из камня
Является подобие ее.

А ведь когда-то в древности, бывало,
Предполагая в том источник зла,
Ученые Магомета запрещало
Изображать нам женские тела...

А нынче узнавания порывом
Подхвачен я,
И в памяти моей
Проходят, словно перед объективом,
Глаза, улыбки, голоса людей.

Оживший камень светит белизною.
Так серебром дрожит в реке луна,
Так проступает вдруг порой ночью
Берез и лиц девичьих белизна.
К ногам ложатся мрамора осколки —
Так стелется по небу Млечный Путь.
А эти руки трепетные...
Сколько
Пришлось неженской силы в них вдохнуть!

Так вот цена бессмертному творенью;
Иглою рыть колодец — тяжкий труд.
Так и поэт по зову вдохновенья
Готов от всех освободиться пут.

Слеза иль пот
Скользит на мрамор грубый?
Уму и сердцу
Сблизиться пора.
Темны зрачки, сухи от жара губы,
И мысль, как будто лезвие, остра.

Так над домброй склоняется домбристка.
И, чувствуя уверенность резца,
Уверен я:
Изображенье близко
Тому, что было в замыслах творца.

Осколки мрамора,
Чужой души осколки,
Волнение — ну как его унять?
Сомнение — и песнь резца умолкла.
Так продолжать или искать опять?

Но вот лицо преобразилось страстью,
Чуть приоткрылся в возбужденье рот.
Стальной резец
Стучит по камню властно,
И мысль неутомимо в путь зовет.

Что я сравню с горячностью движений,
С чередованием радостей и мук?
Найти одно из множества решений.
Чтоб счастьем озарилось
Все вокруг.

И кажется, что силы на пределе,
И вижу я:
Сменяются в глазах
Те чувства, что душою завладели,—
Сомнение, надежда, радость, страх...

И словно бы податливее мрамор,
И, глядя на гармонию труда,
Ту женщину
Возвышенною самой
Назвал бы без сомненья я тогда.

О, женщина над мраморною глыбой!
Свое подобье ты творишь сейчас:
Вот чистый лоб,
Вот локон прихотливый,
Вот ясный взгляд продолговатых глаз.

Откуда вдруг явилось столько света,
Что даже камень ожил под рукой?..
Подобие твое я видел где-то
Не мраморною девушкой —
Живой.
Мне этих глаз глубины помнить вечно.
Они меня всегда к себе влекли,
И жгли меня,
Светя судьбе навстречу,
И все ж во мне остаться не смогли.

Какая светозарность скрыта в людях!
Но к мрамору вернулся я опять:
Вот приоткрылись шея, плечи, груди,
Наметилась волнующая стать.

Она глядит —
И взгляд плывет мятежно,
Как бы зовя того, кто далеко,
И дышит ожиданьем и надеждой,
И мне от взгляда этого легко.

Кто мне послал такое испытанье,
Возможно ль юность возвратит мою?
И почему я сам,
Как изваянье,
Пред каменной девушкой стою?

«Терпи, поэт, и набирайся силы!» —
Так сам себе твержу я вновь и вновь.
Та статуя меня заморозила,
В ее глазах открылась мне любовь.

Не зря меня надежда здесь держала,
Не зря меня сюда вела судьба...
А скульптор
Улыбнулась мне устало,
И пот ладонью вытерла со лба.

А мне спросить хотелось:
Кто же это?
Чей облик тут запечатлен навек?
Быть может, это юная Джульетта,
Красавица, быть может, Кыз-Жибек!?

Какая хрупкость,
Трепетность какая,
Какая гибкость белых лебедей!
Быть может, Чернобровая Абая
Чуть удивленно смотрит на людей?

Что это:
Человек или виденье?
Я чудо созерцаю в тишине,
А девушка из тех, кто в упоенье
За горизонт умчится на коне.

1 Кыз-Жибек — красавица из легенды.

Поэт, пред красотой застывая,
Всегда соединяет с ней любовь.
Мне кажется,
Что, мрамор согревая,
В нем бьется человеческая кровь.

А губы дышат яблочным нектаром,
Они полуоткрыты и влажны.
И смотрят в душу с затаенным жаром
Глаза необычайной глубины.

Присмотришься —
В них ранняя утрата...
Вот так, пожалуй, много лет назад
На белый свет смотрели мы, ребята,
Те, кто вобрал в сердца военный чад.

Ровесница!
Вот дружески и просто
Она сейчас навстречу мне шагнет...
Вопросов миллион — и нет вопросов.
Мой идеал из камня восстает.

Как будто лишь о ней всю жизнь упрямо
Я скульптору твердил и день и ночь,
Как будто это мне подвластен мрамор
И я в нем смог недвижность превозмочь.

Нет, не сравню со сладостью шербета
Девическую свежесть этих щек.
(...То жар, то холод —
Верная примета
В том, что поэт любовью занемог.)

Да, мне она знакома без сомненья,
И я волненье чувствую в крови,
Я очарован.
Вот оно, мгновенье,
Мгновенье зарождения любви.

Звезда, что в синем найдена бездонье.
Улыбка чуть заметна и легка.
И сведены раскрытые ладони
Подобием весеннего цветка.

Я подойти к ней близко не посмею.
Два сердца умещаются во мне.
А скульптор все склоняется над нею,
Не оставляя нас наедине.

Удары все точней,
Осколков груди.
Прочь — худшее,
А лучшее — свети!
Прочь — зло,
А доброта — цари повсюду.
Ваятель, ты на правильном пути!

Твоя крылатость искони близка мне,
Над мрамором вершится твой полет.
Смотрю, не отрываясь,
Как из камня
Свое подобье скульптор создает.

И сердце у меня захолонуло,
И мрамор вдруг предстал передо мной
Девчонкою из нашего аула —
Я вспомнил детство,
Вспомнил дом родной.

Из солнечных лучей тот образ соткан,
И пусть сейчас те годы далеки,
Стою перед нежданною находкой,
Тепло девичьей чувствуя руки.

Как юность над землей звенела наша!
Как жгла неповторимостью весна!
Похожая на тысячи казашек,
Девчонка та —
Из тысячи одна.

Такая на тебя посмотрит строго,
Не сразу долгожданный даст ответ,
Наедине с бессонницей, с тревогой
Метаться будешь между «да» и «нет».

Н. Чесноков. Род. 1915. СВАРЩИКИ УРАЛМАША. 1979.

VI республиканская художественная выставка «Советская Россия».

П. Розин. Род. 1913. БРИГАДИР КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНОЙ БРИГАДЫ ГЛЕБОВСКОЙ ПТИЦЕФАБРИКИ

ТАНЯ БРУСНИКИНА. 1980.

VI республиканская художественная выставка «Советская Россия».

Такая вдруг замрет,
Как пред полетом,
Не зная ни падений, ни оков,
Замрет — как бы к таинственным высотам
Ее позвал любви немолчный зов.

Схлестнулись в ней
И воля и безволие,
Сроднились в ней
Покорность и порыв.
Вот так гвоздика в луговом раздолье
Весенний чутко слушает мотив.

Такой, такой даруют гибкость волны,
Задумчивость осенний шлет туман.
Так лилия на озере безмолвна,
Так яркое по весне в степи тюльпан.

Так взгляд к себе приковывает властно
На Окжетпесе¹ выросший цветок.
Забудь его захочешь, но напрасно:
Он в памяти твоей пустил росток.

Так вера в красоту нам души лечит
Так доброта соединяет нас.
Любимая,
Приметы нашей встречи
Я воскрешаю снова в этот час.

Узнал, узнал.
И, словно озаренье,
Воспоминанье вспыхнуло во мне:
Ты ждешь меня,
Ты слышишь птичьих пенья
В том памятном, в том незабвенном дне.

Зачем я звал сравнения, как милость,
Зачем чужие вспоминал черты?
По-новому сейчас мне приоткрылась
Любимая, единственная ты.

И цепенею вновь пред красотой.
Знакома мне молчания печать.
Наверное, вот так
Перед тобой
Всю жизнь свою я мог бы простоять.

Как в первый раз,
Меня заворожила
(Иль ты с годами стала так резка?).
Я вспомнил юность — с непонятной силой
Заполонила грудь мою тоска.
Тогда была ты тоньше и нежнее.
Теперь строга и холодна ладонь.
...Мы к зрелости становимся умнее

¹ Окжетпес — вершина Кокчетавских гор.

Не оттого ль,
Что гаснет в нас огонь?

Не всем дано постигнуть тайну чувства.
Я мыслей от бумаги не таю:
Без веры в идеал,
Наверно, грустно
И горестно прожить всю жизнь свою.

К чему слова былого восхищенья?
Но в памяти беспомощно тону:
Вернул мне мрамор прежние виденья,
Он мне вернул
Забывшую весну.

Мне в юности казалось то пороком,
Что ныне чту
Достоинством твоим.
Но никогда изменой иль упреком
Не оскорблял я ту, кем был любим.
И не скажу, что жизнь прожил безгрешно,
Но сердцем никогда я не солгу:
Той девочки,
Доверчивой и нежной,
Я позабыть до смерти не смогу.

Луч юности вернул меня к началу
Дорог, ко мне тянувшихся светло.
И потому добрее сердце стало,
В нем соучастье к людям ожило.

Тот труд, что в сердце вдохновенье будит,
Благословен.
Я славлю труд резца.
Что видел я — о том поведал людям,
Все чувства я раскрыл им до конца.

Ты и двойник твой мраморный...
Из плена
Я не спасусь, цепей не разрублю.
Но сердце, мой диктатор неизменный,
Той и другой спешит сказать: «Люблю».

Уже удары молотка не часты...
Прочь — худшее,
А лучшим скульптор горд.
Прочь — зло,
А доброта — цари и властуй!
...Последнего удара взмыл аккорд.

И тишина.
Застыл беззвучно мрамор.
Отложен осторожно молоток.
И, отзвенев, резец надолго замер,
Как будто он от счастья изнемог.

И, словно бы сгоняя с плеч сутулость,
Сметая утомление с лица,

Мне женщина победно улыбнулась
Счастливою улыбкою творца.

Я видел миг творенья,
И отныне
Душа всему валянье предпочла.
Нет, просто ты
Свои черты земные
Творенью своему передала.

Тут скульптор обратилась в удивленье
К поэту
И промолвила ему:
— Вы простояли день здесь без движенья,
Меня влекло к работе вдохновенье,
А вас-то что держало, не пойму.

Но если все ж с заботами моими
Вы ощутили родственную нить,
Какое бы скульптуре этой имя
Особое
Могли вы предложить?

А у меня ответ теснился в горле,
И я вперед легко подался весь:
— Да это же цветок вершины горной,
Наш энликугуль,
Иначе — эдельвейс.

— Да, — скульптор мне ответила. —
Я рада,
Мне этот образ снился много дней.
Пусть девушка приковывает взгляды,
Пусть каждый
Идеал свой видит в ней...

А я не мог произнести ни слова,
А я не мог добавить ничего.
Я мог бы только повторить ей снова:
«Мое вы создавали божество».

И сходству их я продолжал дивиться,
Как будто был у сказки я в кольце,
Ведь красота —
Единая в двух лицах —
Была в скульптуре и в ее творце.

А женщина
Молчала вдохновенно.
И я стоял, талантом поражен:
Ведь образ
Лучшей женщины Вселенной
Был в белом камне
Ею воплощен!

Перевела с казахского
Т. КУЗОВЛЕВА.

ФАМИЛЬНАЯ ЦЕПОЧКА

Когда было решено поместить репродукцию с картины художника П. Розина, представленной им на республиканской художественной выставке «Советская Россия», я взял типографский оттиск портрета и отправился на подмосковную станцию Холщевки, на Глебовскую птицефабрику, чтобы встретиться с изображенной на полотне героиней. «Татьяна Брусникина? Да, она у нас работает, только сегодня ее смена уже закончилась, ищите дома», — сказали в дирекции. И я пошел по указанному адресу заснеженными улицами небольшого поселка, мимо Дворца культуры, мимо торгового центра, вдоль ряда пятиэтажных, совсем городских домов микрорайона. Вот нужный подъезд, квартира. «Здесь живет Брусникина?» «Да, проходите». Первым делом протягиваю хозяйке цветной оттиск и... слышу восклицание: «Да это же не я! Это Татьяна Ивановна Брусникина, а я — тоже Брусникина, но только Татьяна Дмитриевна. Таня живет этажом ниже, но ее сейчас нет дома, уехала погостить к родителям на Украину». Они не однофамильцы — они невестки, вышли замуж за братьев Брусникиных. Но дело не только в родственных связях, обе Татьяны лет десять назад приехали сюда, в Подмоскovie, работать: одна — с Украины, другая — из Волгограда. Обе стали птичницами, жили в одном общежитии, вели общие дела в фабричном комитете комсомола. К обоим пришло признание трудовых заслуг, и даже в депутаты они избирались вместе: Татьяна Дмитриевна — в городской, потом в Верховный Совет СССР, а Татьяна Ивановна — в городской и сель-

ский Совет. «Мы с ней как сестры!» — сказала Татьяна Дмитриевна, и у меня действительно сложилась уверенность, будто я, разговаривая с одной из них, одновременно знакомлюсь с жизнью сразу двух птичниц Брусникиных.

Но на портрете — Татьяна Ивановна, и пусть речь пойдет главным образом о ней. Обычно Таню фотографируют с цыпленком в руках, — говорила Татьяна Дмитриевна, глядя на репродукцию. — Она работает во втором батарейном цехе, и к ней поступают цыплята в однодневном возрасте, только что вылупившиеся. Каждый раз несколько тысяч штук — точно не помню, сколько. Каждого надо осмотреть, отделить петушков от молодых, разместить по боксам, накормить и все пятьдесят дней, что положено держать цыплят в этом цехе, о них заботиться. А забот полон рот: корм приготавливать, подкармливать, за температурой в боксах следить, за чистотой следить — и так всю смену, не разгибаясь!

— Но ведь у вас передовое предприятие, механизация, автоматика...

— Да, кажется, все, что, возможно, механизировано, но без человека в нашем деле не обойтись. Вот у меня, например... Я в другом цехе работаю, с несушками, у нас тоже всюду механизация, но разве сможет какая машина по цвету гребешка, лапок несушки определить ее здоровье? А от этого все зависит: какой корм давать, какие витамины... Сейчас я приняла обязательство взять шестьдесят четыре тысячи несушек при норме тридцать тысяч; хотя эту норму многие у нас перевыполняют, а шестьдесят че-

тыре тысячи еще никто не пробовал. Поверите, через два дня птицу получать, а я уже сейчас волнуюсь: какие несушки мне на этот раз попадутся, справлюсь ли? Вот и Татьяна так же: у нее только и разговоров что о ее цыплятах, каждого приходится в руках подержать. Такая профессия...

— У нее ведь бригада?

— Да, комсомольско-молодежная, шесть человек. Они не только на фабрике лучшие — во всей Московской области регулярно призовые места в социалистическом соревновании занимают. Татьяна всех сумела увлечь. Вообще она прирожденный организатор, рядом с ней всегда весело, интересно. Я еще по комсомольской работе помню — ни одно дело, ни одна затея без нее не обходилась. Да она и сейчас секретарь комсомольской организации цеха. Недавно заявила: их бригада обязуется ко дню открытия съезда выполнить план первого квартала.

— Значит, фамилия Брусникиных на фабрике гремит?

— Ну как вам сказать, в этом и не наша с Татьяной заслуга. У нас здесь свекровь работает. Екатерина Павловна — первая птичница на фабрике, ветеран труда. Она в цехе акклиматизации, принимает от Татьяны пятидесятидневных цыплят, а уж от Екатерины Павловны они ко мне поступают. Видите, как получается — мы друг от друга зависим...

— Семейная цепочка?

— Можно и так сказать. В общем, птичницы!

Б. СМЕРНОВ

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

В десятом часу утра Васильеву позвонили из гостиницы и после неоднократного уточнения фамилии, имени и отчества сказали, что на его имя от господина Рамзэна оставлено письмо, за которым очень просят поторопиться приехать, ибо есть обстоятельства, требующие некоторых незамедлительных формальностей при передаче корреспонденции под расписку. Как только Васильев услышал этот незнакомый воспитанный голос, объясняющий интонациями витиеватой обходительности причину его желательного и немедленного приезда в гостиницу (голос явно всего не договаривал), он, без сомнения, понял, что дело, конечно же, не в официальном вручении оставленного на его имя письма, а в чем-то другом, и поэтому выразил непонимание наивным вопросом: что в конце концов случилось и с кем имеет честь говорить? Воспитанный голос представился администратором гостиницы, даже поклонником искусства, для которого лестно познакомиться с известным художником и лично встретить его в вестибюле гостиницы, чтобы оказать посильное внимание и содействие.

«Что-то произошло с Ильей, и, видимо, я должен там быть и помочь ему как-то», — сообразил Васильев, покрываясь испариной волнения, и повесил трубку с растерянной поспешностью человека, неспособного побороть влекущую остроту возможного недоразумения.

Вчера вечером Илья решительно отказался от провожания в аэропорт, более того, про-

причине вчерашнего дурмана, обострилось у Васильева, как только он вошел в вестибюль, и здесь навстречу повернулись настороженные глаза белокурого портье за стойкой, и тотчас по ковровой дорожке зашел наперерез, излучая заученную радость, маленький лысый человек, одетый в черный с жилеткой застегнутый на брюшке костюм, вероятно, тот самый администратор, звонивший по телефону, и, с приятным достоинством представляясь, но не подавая руки, предупредительно показал по направлению лестницы и лифта, заговорил учтивым, воркующим тенором:

— Спасибо, что вы приехали, Владимир Алексеевич. Прошу вас в номер господина Рамзэна. С вашего разрешения, я вас провожу. Как хотите? На лифте? По лестнице?..

— Не все ли равно, — сказал Васильев, помня, что вчера взбирались с Лопатыным по лестнице на второй этаж, и все же не понимая, зачем надо подыматься в номер Ильи, судя по времени, пустой из-за его отъезда в аэропорт, и спросил в полусмеху:

— Вы хотите торжественно вручить мне письмо в номере, где проживал господин Рамзэн?

— Господин Рамзэн, — вкрадчиво внес поправку администратор, и широкая лысина его порозовела. — Вы сказали «Рамзэн»?

— Ах да, да, именно так: господин Рамзэн, — поправился Васильев. — Да, Рамзэн, Рамзэн, конечно.

Этот маленький лысый человек четко всходил по лестнице, прочно неся свое солидное брюшко, двигая энергично, деловито локтями, в коридоре же, на втором этаже, неподалеку от номера Ильи, круглое лицо его миглом начало отчуждаться, брови вползли на лоб в осуждающем изумлении, и с силой суровой неподкупности он проговорил у массивной двери, берясь за медную ручку:

— Оч-чень удивлен, оч-чень...

Он, встав как-то боком, неприступно наклонив голову, пропустил вперед Васильева, но за ним в номер не последовал, исполненный надменной почтительности, закрыл из коридора громоздкую дверь, — и вдруг сдавливающим безмолвием беды дохнуло на Васильева здесь, в передней, когда он увидел на вешалке се-

ного на себе внимания), сказал официально, бесстрастно:

— Вы художник Васильев Владимир Алексеевич? Мы вас побеспокоили, простите уж за необходимую формальность. Сядьте, пожалуйста. Садитесь, садитесь, Владимир Алексеевич! — приказал он, мимоходом пододвинув стул, прошел по ковру до конца стола, где постукивал пальцами сухолицый, там сделал поворот кругом, совсем по-балетному мотнул полами светлого плаща и, приближаясь на упругих ногах и точно издали вползая изучающими зрачками в глаза Васильева, неизвестно зачем севшего на стул против двери спальни, проговорил вполголоса:

— Кажется, Владимир Алексеевич, вы были другом или... старым знакомым господина Рамзэна? Дело в том, что...

Дверь спальни была открыта, и оттуда цепеняще вытекала бездыханная тишина, и прежде, чем услышать все, что должен был сказать этот молодой человек, Васильев почувствовал, что из раскрытой двери спальни веет ему в лицо душным запахом смерти, внепредельным запахом высушенной пустыни, что там, в соседней комнате, на спине лежит Илья, уже никуда не спешащий — ни в аэропорт, ни к рейсу самолета, сразу переменявший для себя и смысл и цель весеннего погожего утра, мартовской капли за окном, яркого синего неба над мокрыми крышами Москвы, живой, далекой от этого номера и от всего того, чего Васильев еще не понял внятно из загадочного разговора с администратором. И хотя Васильев только видел в открытую дверь спальни часть большого трюмо и открытую крышку неуложенного чемодана на подставке, край постели и смятой простыни, опущенной углом к полу, он не сомневался, не обманывался надеждой, возможностью ошибки, — ему знаком был запах смерти в доме — серый, сухой, всюду проникающий запах, может быть, самого воздуха, вещей, предметов, одежды умершего, но вместе и чего-то другого, материального и бесплотного, распространенный сигнал тревоги, предупреждения, напоминания о кратком земном сроке и едином конце...

— Вы хотите сказать, что господин Рамзэн умер? — проговорил Васильев деревянным го-

ВЫБОР

сил не обременяться утомительными звонками по телефону, самолет же рейсом на Рим вылетал в одиннадцать сорок, стало быть, выехав из гостиницы за час до посадки, он должен быть теперь в Шереметьеве. Но почему до отъезда в аэропорт он не послал письмо обычным почтовым путем, почему оставил его администратору и почему, наконец, создал некую таинственность вокруг своего отъезда?

В вагоне метро всю дорогу до центра и потом, уже поднявшись на площадь, утреннюю, солнечную, весеннюю, слепящую лучами в лужах, стеклами троллейбусов, горячими бликами нескончаемо шелестящей автомобильной вереницы, он думал о преувеличенной вежливости в интонациях администратора, по всей видимости, не сказавшего главного, уведшего в сторону льстивыми словами о любви к искусству, — и беспокойно сдавливало сердце в ожидании этого непредполагаемого письма Ильи, который разрешил себе вчера многое после воздержания и долгого режима, установленного его болезнью.

Возникшее предощущение чего-то необычного, изменившегося в гостинице за ночь по-

рое пальто и шляпу Ильи, когда ощутил горький перегар сигарет, несвежий запах вчерашней еды, кислую терпкость разлитого вина, когда ему бросился в глаза большой неубранный стол, блюда с остатками заливных и винегретов, непотчатые бутылки шампанского в судках с растаявшим льдом и порожние бутылки, неопратно торчащие меж чистых приборов, салфеток в кольцах и нетронутых закусок (вчера был заказан обед словно бы на двадцать персон), когда увидел двух незнакомых людей в комнате, разом взглянувших на него одинаково ощупывающими, недоверчивыми взорами. Один из них, пожилой, с сухим, морщинистым лицом, перекинув пальто через спинку кресла, однако не сняв фетровую шляпу, выпрямленно сидел у края стола, барабанил прокуренными пальцами по разложенному на открытой папке листку бумаги, на две трети исписанному, возле папки лежала многоцветная автоматическая ручка. Второй человек — довольно молодой, высокий, в легком весеннем плаще, хорошо причесанный, внешностью своей похожий на способного работника посольства, обернувшись на пороге другой комнаты, по-видимому, спальни, взгляделся в нахмуренное лицо Васильева (сам Васильев ощутил нервный озноб от этого бесцеремон-

лосом. — И вы хотите сказать, что пригласили меня... чтобы передать мне письмо покойного. Так это?

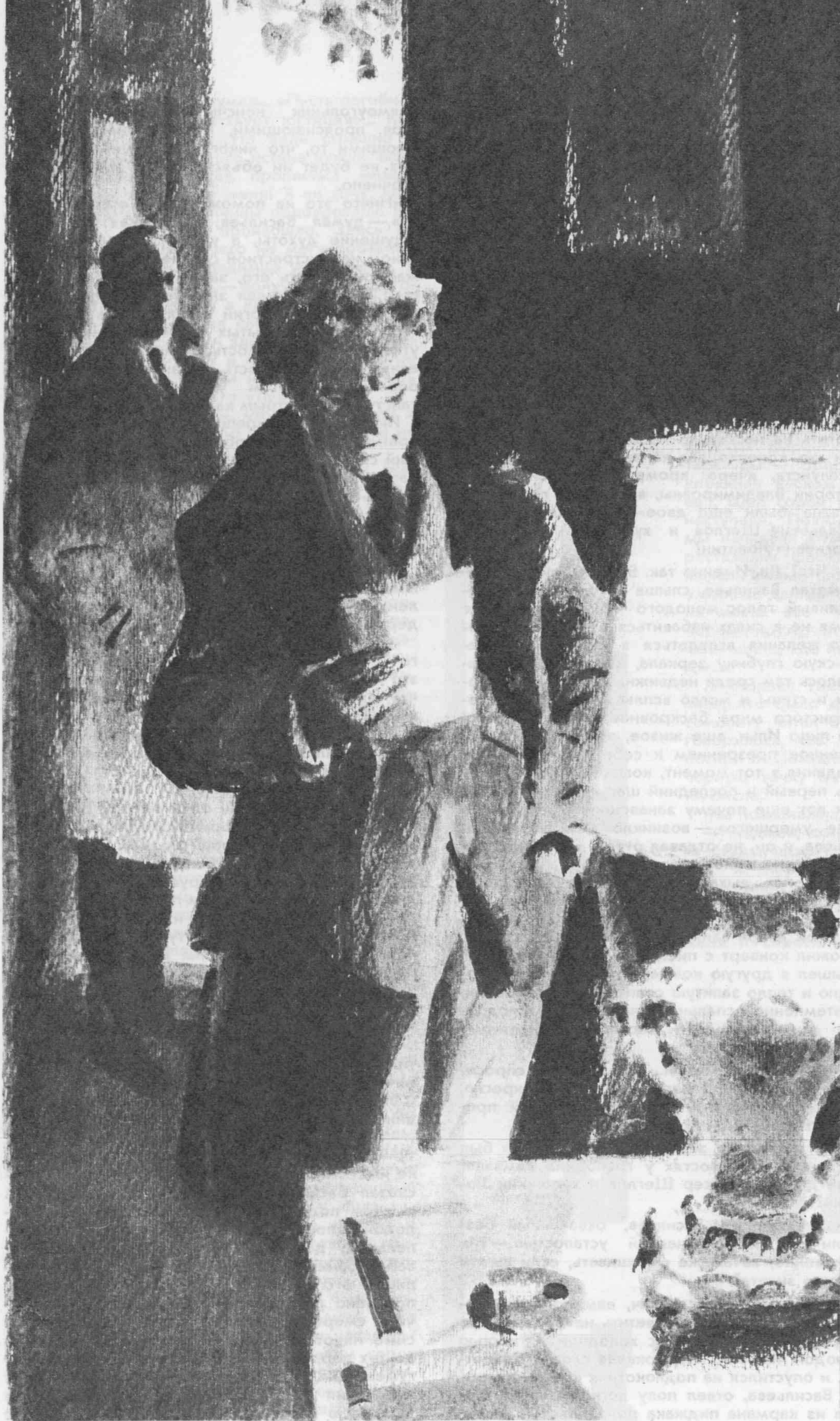
Молодой человек снова сделал поворот кругом, крылоподобно взмахнув полами кремового плаща, и допрашивающие зрачки его снова стали вползать в глаза Васильева.

— Я не хочу сказать, а обязан, — поправил он Васильева переламывающим тоном неоспоримой истины. — Обязан сказать, что господин Рамзэн не умер естественной смертью, а убил себя.

— То есть... как убил?

— Пройдите за мной, Владимир Алексеевич, — предложил молодой человек, с промедленной подозрительностью все вкалываясь зрачками в Васильева, и тот машинально встал, плохо слыша подталкивающие его слова: — Нет, не в спальню, а в ванную, прошу вас...

Он не успел сообразить, почему его приглашают в ванную, но впереди зашуршал, загордил дверь спальни кремовый плащ, задвигался и возник в окружении белого кафеля, никелированных кранов и громадных зеркал с матовыми полочками, на которых куда-то вкось мелькнули, сместились флакончики лосьона, туалетной воды, одеколона, зубная

паста, незакрытый бритвенный прибор, затем плащ мгновенно продвинулся мимо зеркал и полочек, потом из смещающегося сияния зеркал, фаянсовых раковин и кафеля чужой недоверяющий голос сказал какую-то полуутвердительную фразу относительно странных способов самоубийств,— и то, что открылось Васильеву, было ужасающим в своей неожиданности и своей совершившейся бесповоротности, как бесповоротен всегда самый тайный и самый решительный акт человеческой смерти. Но то, что увидел Васильев в ванной, было не Ильей и в то же время было им, потому что человек, погруженный по грудь в стоячую бурю, будто спал, чуть откинув голову в тихом покое, усталости и изнеможении, лицо потеряло жесткость черт, нервность вчерашнего возбуждения нетрезвого Ильи, мягко разгладилось, успокоилось, седые волосы свесились мальчишеским колечком на лоб, и лицо что-то вернуло себе из той давней юной мужественной красоты Ильи, кумира школы

и зацепского Замоскворечья, и тут заметил Васильев, что от света матового плафона, продолжавшего гореть в ванной, тень его некрепко сомкнутых ресниц слабой полосой лежала под веками.

«Зачем тебе, Ильюшка, такие ресницы? Отдал бы кому-нибудь из девочек»... — вспомнил Васильев шутивно-вызывающие слова Маши, сказанные ею еще в счастливом тумане детства, от которого ничего отчетливого в облике Ильи не было ни вчера, ни при встрече в Венеции, а сейчас знакомо проступало,— и, вспомнив, внезапно увидел на кафеле широкий веерообразный след засохшей крови, невольно поискал с мутным головокружением глазами по ванной комнате, наткнулся на измазанную красными затеками опасную бритву, валявшуюся у стены на полу. И до физического ощущения явственно представил, что сделал этой бритвой Ильи, напустив воду в ванну, как тугим фонтаном брызгала кровь из вен на кафельную стену, на лезвие, и как, обожженный болью, он

отшвырнул ненужную уже бритву и опустил руки в воду, ожидая последнее, закинув голову, закрыв глаза...

— Бритва,— охрипло сказал Васильев и наклонился, чтобы поднять острое поблескивающее орудие, которым убил себя Илья, но тут же его сильно отбросило от стены натренированное плечо молодого человека, едва не сбившего его с ног и резким толчком и властной командой:

— Назад! Не трогать! Вы что — с ума сошли?

— Не понимаю, что вы...

— Потом поймете. Прошу за мной в спальню! — волевым голосом приказал молодой человек, и вновь светлый плащ зашуршал, колыхнулся впереди в распахнутой двери из ванной в спальню.

Здесь громоздкое, на половину стены, трюмо (стиля купеческого ампира), кое-где попорченное желтизной, с поразительной четкостью, однако, отражало часть комнаты, разбросанную двухспальную постель, отброшенный к ногам скомканный конверт пододеяльника, помятую подушку — постель, которую лишь мельком увидел Васильев, мгновенно вообразив, как одиноко лежал на ней голый Илья в крайние минуты, думая, прощаясь с миром перед тем, как пойти в ванную.

У изголовья на тумбочке, неаккуратно залитой пятнами, клейкими на вид, осыпанной пеплом, стояла порожняя бутылка из-под шампанского, возвышались грудой окурки в пепельнице и валялась пустая пачка «Сэлэм».

Молодой человек, не задерживаясь подле кровати, приблизился к туалетному столу, внимательно склонился там, после чего кивком хорошо причесанной головы подозвал Васильева, спросил с веской загадочностью:

— Его почерк на газете? Узнаете? У кого же он просил прощения? У вас, Владимир Алексеевич? Посмотрите...

Васильев посмотрел.

Это была газета «Вечерняя Москва», купленная, надо полагать, Ильей в вестибюльном киоске, развернутая на столе, наверно, прочитанная, или приготовленная для чтения, или, может быть, подстеленная с иной целью, но остро и неестественно кололо глаза вверх на про свете полосы сжатое молящее слово, дважды написанное нетвердым почерком: «Простите!», «Простите!». Оно, это слово, впивалось в сознание тайной своей необходимостью, сложностью и простотой нераспознанной цели, необъяснимостью движения предсмертной мысли Ильи, оно проникало в грудь щекощущим холодом смертельного острия. И Васильев спросил, вспыхивая раздражением против веской уверенности молодого человека:

— Почему вы считаете, что Илья Петрович Рамзин должен был просить прощения у меня?

— Потому что письмо покойного адресовано лично вам, Владимир Алексеевич,— произнес молодой человек с неразрушимым достоинством справедливости, исключавшей всякую натяжку, и с вкрадчивой плавностью отвернул полосу газеты на столе, прикрывавшей незаклеенный конверт.— Письмо предназначено вам, Владимир Алексеевич, поэтому мы вынуждены были побеспокоить вас, оторвать, так сказать, от творческого процесса, от создания полотен, воспевающих трудовой...

— Вы не из бывших критиков? — желчно перебил Васильев, задетый фальшивой фразой молодого человека.— А то похоже, что вы цитируете свои статьи о современной живописи. Я могу взять с собой письмо?

— Нет. Прошу прочитать его здесь.

— Насколько я понимаю,— передернулся Васильев,— оно предназначено мне. Но я его взять не могу, а содержание вам уже известно?

— Разумеется. Я обязан был ознакомиться с ним по роду сложившихся... неординарных обстоятельств. Мы не на коктейль сюда приехали, Владимир Алексеевич,— поправил властно молодой человек и, глядя в лицо Васильеву, сам подал конверт, не без требовательности добавляя: — Прошу вас здесь ознакомиться с содержанием письма покойного и, пожалуйста, оставить его нам до конца расследования... Надеюсь, вы разумный человек и понимаете, что в жизни бывает все и даже вены иногда вскрывают не своей рукой и не по своей воле... Пока мы в исканиях, так сказать, истины. Но мы найдем ее, уверяю вас.

— Я, видимо, неразумный человек,— ска-

зал Васильев неприязненно и отошел к лампе, горевшей на конце стола, стал спиной к молодому человеку, чтобы тот не видел его лица и дрожи его пальцев, когда он взял мелко исписанный лист бумаги.

«Дорогой Володя!

Прости меня за уход, подобный Сенеке. Но так проще и легче. Мой бывший друг, позабывшись только о единственном — чтобы меня похоронили на каком-нибудь московском кладбище, и прости за тягостные хлопоты, которые доставлю. Я хочу (зачеркнуто) здесь, даже если Рудольф (зачеркнуто) потребует через посылство. Итальянцы очень уважительно относятся к покойникам и могут не разрешить.

Все мы трагично одиноки на этом свете, и все смертны. Везде ужасно (зачеркнуто)...

Мне никто не может помочь — ни деньги, ни женщина, ни твоя дружба, Володя.

Я был честолюбив, но судьба не была милосердной. Никакого следа я не оставил после себя на земле. Только прошлое было прекрасно — наш двор, школа, моя дружба с тобой, юность, которой уже нет и не будет во веки веков. Наверное, на том свете я не узнаю ни тебя, ни Марию. Да что там будет, в бесплотности?

Что бы ни было, мы неразлучны перед вечностью, и я, мой единственный друг Володя, не отрекаюсь от прошлого, от нашей молодости.

Не знаю, чего люди больше достойны, — жалости или ненависти, но Лазарев был моим роком, и я был вынужден (зачеркнуто), чтобы выжить в плену. На том свете объяснимся. Я ему не простил и мертвому.

Поцелуй Марию и скажи ей, что она напрасно избегала встреч со мной в Москве. Я так ее и не увидел. Прости и за Викторию. Я исповедуюсь, и я прошу отпущения грехов.

Наверное, когда-то мне нравилась Мария. И не знаю, что было бы между нами, если бы я не попал в плен. Мою покойную жену звали Марта Зайглер. Она любила меня без памяти, как любят сумасшедшие. Марта была горбуньей, святая, с глазами печальной мадонны.

Проснуться бы в другом мире летним солнечным утром и все начать сначала. Впрочем, сентиментальная чепуха.

Жаль мне, мой старый друг Володя, что и ты, талантливый человек, к сожалению, не купаешься в лучах счастья. А есть ли оно вообще?

Finis¹, ничего не поделаешь, мой друг! В моей бутылке кончилось шампанское, а было так легко писать. Кончаю. Мне все ясно... Вот он, последний выбор, который я могу сделать.

Не орудие ли человек в чьих-то руках? Кто производит над нами безумный эксперимент? Кто хочет над нами власти?

Простите! Простите! Простите!

Сейчас 3 часа ночи.

Думаю, что мама, железная женщина, спокойно отнесется к моему уходу. Бог милосерден. Одно меня мучит...

Адьо!

Ваш многогрешный Илья».

Он три раза подряд прочитал письмо Ильи, который убил себя, оказывается, глубокой ночью, а теперь лежал там, в ванной, по грудь погруженный в окрашенную его кровью воду, и уже не мог ответить на главный вопрос: «Зачем?». Нет, никакие предсмертные объяснения никогда не помогали этому вечному «зачем», и Васильев опять представил, как несколько часов ворочался вот здесь, на постели, Илья, обдумывая целую жизнь и уходящие мгновения своей жизни перед приближающимся концом, сомневаясь вдруг, покрываясь весь липким потом, пережив последние, оставшиеся на один вдох секунды, обрыв света. И, отвергая слабость колебания, трусость, обвинял и убеждал себя решиться на все завершающий, сполна все оплачивающий шаг, после которого хлынет из пропасти тьма, навсегда смыв сомнения, весь белый свет короткой, будто ожог, болью. Он представил, как, решившись, Илья, лежа, наливал и пил шампанское вот из этого бокала, сохранившего следы капель, может быть, разговаривал вслух и вслух прочитывал фразы, лихорадочно курил одну сигарету за другой, изредка взглядывая вокруг и в страхе встречая слева в зеркальном пространстве чье-то худое, без единой кровинки чужое лицо, уже приго-

воренное к смерти, уже обреченное. Вероятно, он вздрагивал, не узнавал свое лицо, вставал и всматривался в каждую морщинку, в глубь глаз, холодея на краю бездны, дышавшей темнотой, зло смеясь над вновь вползавшим в душу ужасом, потом разделся полностью, и, прежде чем пойти в ванную, напустил воду, приготовить и осмотреть острие бритвы, он, обнаженный точно для казни в Древнем Риме, упал спиной на постель, глядя в высокий лепной потолок, чуть сероватый от времени и прекрасный обыденной простотой, закрывавший влажное небо весенней ночи...

Умел ли Илья плакать? Так ли это было? Почему он, Васильев, видел последние часы Ильи именно такими?

— Я попросил бы вас, Владимир Алексеевич, ответить на несколько необходимых вопросов. Если это, конечно, вас не затруднит... Скажите, пожалуйста, вчера, кроме вас и вашей дочери Виктории Владимировны, в гостях у господина Рамзэна были еще двое — режиссер Эдуард Аркадьевич Щеглов и художник Александр Георгиевич Лопатин?

— Что? Да. Именно так. Были, были... — проворчал Васильев, слыша вскользь натянуто-вежливый голос молодого человека, в то же время не в силах избавиться от завораживающего желанья взглянуться в зловещую свидетельскую глубину зеркала, как если бы отпечаталось там среди недвижных отражений кровати и стены и могло всплыть из другого, серебристого мира бескровное, почти незнакомое лицо Ильи, еще живое, прощавшееся, искаженное презрением к себе или терпением страдания в тот момент, когда надо было сделать первый и последний шаг к двери ванной. «Так вот еще почему занавешивают зеркала в доме умершего», — возникло в сознании Васильева, и он, не отдавая отчета в том, что делает, шагнул вплотную к зеркалу, так, что оно запотело от дыхания, глянул на отражение двухспальной кровати со смятой постелью, щекой ощутил морозный ветерок сбоку, из распахнутой двери ванной, где лежал сейчас Илья, положил конверт с письмом на туалетный стол и вышел в другую комнату, по-весеннему свободно и тепло залитую солнцем, по сравнению с затемненной спальней просторную, подобную даже какому-то веселому банкетному залу.

— Вы меня спросили... что вы меня спросили? — поморщился Васильев, садясь в кресло, ощущая заболевший затылок, который прощипывали тупые штопорки.

— Я не мог не задать вам вопрос: кто был вчера с вами в гостях у господина Рамзэна? Ваша дочь, режиссер Щеглов и художник Лопатин?

— Да, — сказал Васильев, охваченный безразличием и физической усталостью. — Но, собственно, зачем же спрашивать, если вы это хорошо знаете?

— Владимир Алексеевич, вам придется потерпеть и постараться ответить на формальные вопросы, — проговорил с холодной мягкостью молодой человек, подчеркивая слово «придется», и опустился на подлокотник кресла напротив Васильева, отвел полу легкого плаща, достал из кармана пиджака ронсоновскую зажигалку, закурил и уважительно показал сигаретой на узколицего морщинистого человека за столом. — И на некоторые вопросы моего коллеги, необходимые для уточнения деталей.

Узколицый пожилой человек закончил выжидательно барабанить по столу и неохотно заговорил ржавым, вероятно, от курения, голосом, стал уточнять, в котором часу пришли и ушли гости из номера, все ли ушли вместе или кто-то остался, быть может, вернулся назад, не было ли телефонных звонков господину Рамзэну в часы застолья; и голос его глуховато скрипел, колющей жестяной паутиной окутывал Васильева, и Васильев отвечал механически, угнетаемый этой скрупулезностью подробных и запоздалых расспросов, мучимый тупой болью в затылке (он знал, когда появлялась такая боль), и видел, как то и дело нацеливалась костлявым пальцем автоматическая ручка и текучие строчки гусеницами извивались по листу бумаги, расплзаясь сверху вниз ровными, аккуратными абзацами, плотными квадратами, целыми полками жирных голубых гусениц, заполняя и заполняя белый

прямоугольник неисчислимыми легионами слов, проясняющими, выявляющими и уточняющими то, что никогда оставшимися в живых не будет ни объяснено, ни выявлено, ни уточнено.

«Ничто это не поможет и не откроет истину», — думал Васильев, испытывая тоскливое ощущение духоты, а узколицый все тем же тоном непристрастной справедливости продолжал спрашивать его, записывал ответы, шелестел бумагой, делал значительные паузы, изредка бросал строгий взгляд тускло-зеленых глаз в проем открытых дверей спальни, как бы утверждая особенность случившегося и серьезную необходимость заданного вопроса, и оправлял при этом узел толсто завязанного галстука под острым кадыком.

Иногда же он скрещивал руки на груди, прекратив запись, однообразно улыбаясь, но тусклый свет не уходил из его недоверчивых глаз, направленных прямо в лоб Васильева, и тогда Васильев, подавляя раздражение против служебной скрупулезной подозрительности, выработанной этим человеком, замолкал или отвечал кратко, сквозь зубы, готовый взорваться, вспылить от протокольных, ничего не устанавливающих в сути дела вопросов, бессмысленных после письма Ильи, и наконец, не выдержав, сказал с нескрываемой досадой:

— Не кажется ли вам, что мои ответы ничего не добавляют к тому, что случилось? Все это напрасно. Вы ошибаетесь, если думаете, что можете у меня найти ключ ко всем замкам. К сожалению, это не так.

Молодой человек в светлом плаще неслышно посмеялся, дыша дымом, глядя в потолок ясным взором, сказал:

— Ключик, говорите?

— Н-да, ключ... Еще один вопрос, Владимир Алексеевич, — проговорил узколицый настоятельно и покатав бугорки желваков на впалых щеках. — Покойный господин Рамзэн был итальянским подданным русского происхождения, как известно. В своем письме перед смертью, адресованном вам... и на газете, не без цели оставленной им на туалетном столе, то есть на видном месте, им два раза написано русское слово «простите» с восклицательным знаком. Не можете ли вы сказать, что его беспокоило? Не было ли какой-либо размолвки или ссоры вчера?

— Размолвка или ссора? Была, — сухо ответил Васильев. — Но это из другой области и ничего не объяснит.

Узколицый выразил бровями повышенное внимание:

— Была? Размолвка? Какого порядка?

— Я не нахожу нужным говорить о том, что не имеет прямого отношения к самоубийству, — сказал Васильев, и по тому, как сердитым рывком поднялся с подлокотника кресла молодой человек в плаще, круто ввинчивая в пепельницу докуренную сигарету, по тому, как забарабанил по столу и косо посмотрел узколицый его коллега, он понял, что им обоим поручено расследовать обстоятельства и причину смерти иностранца, стало быть, независимо ни от чего они будут задавать вопросы до тех пор, пока не убедятся в истинности аргументации, доскональной и обязательной для выяснения дела. Оба они, конечно, не могли знать всю сложность его взаимоотношений с Илеей, весь их длинный путь от школьных довоенных дней до вчерашнего обеда, когда Илья (лишь сейчас многое приобретало логичность) начал убивать себя тем неограниченным питьем шампанского и курением и тем погружением во внутреннее молчание, замеченное вчера Васильевым. Он, видимо, уже держал в сознании принятое решение, иначе не было бы того прощания и неловкого поцелуя Ильи, вернее, мужского прикосновения щеками при расставании навеки — ледяной пот его щеки еще не остывал щекоотной влагой. Нет, такое нельзя было никому объяснить, кроме одного не испорченного ничем Лопатина; как его не хватало в эти минуты, вдвоем им было бы легче и яснее осознать каждую фразу Ильи, произнесенную вчера, за несколько часов перед смертью. Но Васильев чувствовал ту самую непознаваемость решимости самоубийцы и ту непознаваемость их воли, которой обладал Илья, будучи сильнее и упрямее других.

И Васильев сказал ровным голосом безмерно уставшего человека:

¹ Конец (лат.).

— Я вспомнил... и подумал... «Пусть погибнет весь мир, но восторжествует юстиция»... Как хорошо знать истину... Но ведь страшно и смешно — кому и для кого истина нужна, если ее торжество образует пропасть... между людьми... Вы понимаете меня? Я не хочу, чтобы кого-нибудь без причины подозревали. Вы же видите, что здесь произошло. Здесь не убийство. Я больше ничего не могу добавить.

— Вы нелюбезны, Владимир Алексеевич, я не очень вас понимаю, — полуупреком выговорил молодой человек в кремовом плаще и, мелко вздохнув, опустил словно бы страдающие глаза. — Перед вами здесь был представитель посольства Италии, и все может быть не так, как вы думаете... Вы не хотите отвечать на наши вопросы, кое-что уточнить?

— Разве главное в том, что я вам скажу? Я не знаю главного. Никто о жизни и смерти не может знать главного.

— Тогда я прошу вас письменно, так сказать, объяснить, что было вчера вот в этом номере.

— И вы считаете — тогда восторжествует истина?

— Я прошу вас. Очень прошу.

Все сверкало, сияло, шелестело шинами пронесшихся по площади машин, вдоль бульвара вспыхивали, играли зеркальными зайчиками стекла троллейбусов, роняя фейерверочные искры с проводов, и космато разбрызгивалось по лужам мартовское солнце, и везде сладко пахло весной, талым снегом, теплой влагой воздуха, и подымался парок от мокрых тротуаров, усыпанных колотым льдом, и дымился где-то подсыхающий на солнцепеке асфальт площади. А в центре, как всегда, оживленно шли, двигались толпы прохожих, уже одетых не по-зимнему, уже многие в легоньких пальто, уже многие без шапок; и оживленно между двух подошедших интуристских автобусов, зашипевших тормозами, повалила к подъезду гостиницы разноцветная заграничная толпа в шуршащих куртках и длиннокозырьковых каскетках, с пестрыми дорожными сумками, с фотоаппаратами, и Васильева окружил иностранный говор, неслеснительный смех, мимо скользили довольные, сытые, невнимательные взгляды, поплыл запах чужого приторно-горького лосьона, чужой помады, он услышал знакомое слово «яволь», сначала иглой вонзенное в память, потом закачавшееся в солнечном зное подобно остроконечному красному поплаву. И тотчас подумалось ему, что «яволь» — это война, немцы, жара на Украине, лейтенантское звание, их юность с Ильей и тот неравный ночной бой на железнодорожном переезде, последние еще счастливые перед пленом и роковые часы Ильи, который лежал сейчас вот в этой гостинице, куда направлялись немцы, в своем номере на втором этаже, в освещенной всю ночь матовыми плафонами ванной, погруженный по грудь в кроваво-бурую воду, закончив все тяготы с жизнью, любимцем которой он должен был быть, но не стал... Но кто знает, где именно была его гибельная вина и когда все это началось? В замоскворецком детстве? Или летом сорок третьего? Там, у переезда, когда оставили орудия и возвращались, а он, взбешенный, берет в пистолете три пули — две для Лазарева, одну для себя? И этого никто точно не знает. Самое главное было то, что ушел из жизни Илья — тот, юный, сильный, решительный, подчиняющий своим горячим и опасным блеском черных насмешливых глаз, и другой Илья, измученный жизнью, больной, разочарованный, не желающий больше ничего желать...

«Понимаю ли я, что произошло? Отломилась часть моей жизни? Без Ильи я не могу представить ни своего детства, ни войны, ни молодости...»

И Васильев не видел ни синеватой глубины неба над площадью, ни слепящих брызг солнца в лужах, ни капли на улицах, ни хаоса толпы, этого весеннего и неудержимого калейдоскопа пробудившегося от зимы большого города. Он вошел в автоматную будку на углу гостиницы, весело звеневшую под отвесно хлещущими по ней струями с крыши, набрал номер Лопатина и с комком в горле, не слыша гудков, закрыв глаза, долго стоял в этом неистово-сумасшедшем шуме струй.

Окончание следует.

Б. СОПЕЛЬНЯК,
специальный корреспондент
«Огонька»

Самолет летел в Улан-Батор. Мой сосед листал старый «Огонек». Я не удержался и глянул на открытую страницу.

«Глобус был довольно большой, но обшарпанный и помятый. На Тихом океане — три аккуратных круглых дырочки, а вместо Антарктиды — прореха, кое-как заклеенная куском полосатых обоев... Шел сорок третий год, наши наступали. Поэтому каждый день мы начинали с того, что весело переставляли флажки, которыми отмечали линию фронта. Флажки немудовольно двигались на запад! А на их месте все чаще появлялись черные кружочки — так мы отмечали места, где погибали наши отцы...»

Я оторвал глаза от текста. Я знал, что было дальше: сосед по самолету читал очерк, в котором говорилось, что мой отец тоже погиб. В Польше. И я поставил черную точку на глобусе, где-то на Висле.

Мы познакомились.

— Анджей, сотрудник польского студенческого бюро путешествий и туризма «Альматур», — представился мне попутчик. В ответ на мои слова он как-то особенно внимательно посмотрел на меня и спросил: — Прошу изви-

высечь их имена в камне, бронзе и сердцах. Это стихи. Хорошие стихи. Вы приедете в Польшу и увидите, как чтят память павших... Мы найдем! Обязательно найдем.

...И вот я еду в Польшу. В кармане приглашение «Альматура» и письмо из общества Красного Креста и Красного Полумесяца: «Останки советских воинов, захороненных в Рытвянах, после войны были перезахоронены на советском воинском кладбище в Сандомире, братская могила № 91. К моменту перезахоронения надписи за давностью времени и в силу погодных условий не сохранились, поэтому в списках перезахороненных на указанном кладбище фамилии вашего отца не значится, но вполне возможно, что его останки покоятся на этом кладбище».

В Варшаве на перроне Центрального вокзала меня встретила высокая миловидная девушка, сердечно вручила гвоздику и, улыбувшись, сказала:

— Меня зовут Элеонора Грабчук. Буду вашим гидом и переводчиком.

Подбежал Анджей. Мы расцеловались как старые знакомые.

— Ну что, я же говорил, что ты приедешь! — воскликнул он.

Вот так, с первых шагов на польской земле, я почувствовал, что окружен друзьями.

* * *

Поезд пришел в Жешув. Мы с Элеонорой знали, что нас должен встретить представитель «Альматура» Анджей Шитен. Мы вышли на привокзальную площадь и тут же увидели его. Невысокий, гибкий, подтянутый, он стоял около

СЛЕД В НЕБЕ — СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

нить, но... ваш рассказ — не аллегория, не литературный прием?

— На мое горе, в очерке все точно, — подтвердил я. — Январь сорок пятого. Начало наступления на Сандомирском плацдарме. Воздушный бой в районе деревни Рытвяны.

— И все?

— Все. Куда только ни писал, ответ один: подполковник Николай Сопельняк не вернулся с боевого задания. Но ведь должен, должен же остаться хоть какой-нибудь след!

— Конечно, должен! — отозвался Анджей. — Ни один освободитель, павший на нашей земле, не должен исчезнуть бесследно. Мы знаем, что значит терять близких. Знаю и я. Шесть миллионов поляков унесла война! Долг живых —

машины и махал нам рукой. В третьем часу ночи мы оказались в квартире Анджея Шитена. Ели яичницу, пили чай, говорили, и я чувствовал себя покойно, просто и по-домашнему уютно.

Утро следующего дня выдалось ярким, солнечным, тихим. В десять тридцать нас ждали на авиационном заводе в городе Мельце; было уже девять, а мы все еще колесили по Жешуву. Наконец, я не выдержал и спросил:

— Что мы ищем?

— Как что? Цветы! Ты же сам сказал, что для кладбища нужны цветы, — ответила Эля.

— А разве мы туда... сегодня?

— Сперва на завод, а потом туда, — сказал Анджей. — Километров сто двадцать, не больше.

Боже мой, сколько лет ждал я этого дня, а оказалось, мне так и не хватило времени, чтобы подготовиться...

Машина выскочила на небольшую площадь, в центре которой пестрел цветочный базар. А по краям, на выщербленной брусчат-

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

Это была гонка! Сразу после старта вперед вырвался участник с нагрудным номером 26, потащивший за собой всю лавину. На первом же вираже его пытались обойти и закрыть бровку. Но лидер резко подал вправо, вполне «профессионально» выразив твердое намерение не уступать без боя.

И все же перед входом в последний вираж он допустил тактический просчет — отступил от бровки да еще оглянулся через правое плечо. И не увидел, как сидевший у него «на колесе» велосипедист с номером 1 резко слева ушел вперед. На вираже он увеличил разрыв и финишировал в гордом одиночестве.

— Победил Степа Карташьян из детского сада номер один! — объявил диктор по стадиону.

Потом звучал торжественный марш, и плохо скрывающий ликование, но ничуть не смущенный чемпион вышагивал под его звуки. Здесь, однако, вышла заминка: забраться с ходу на пьедестал почета победителю оказалось потруднее, чем победить, но стадион тактично и великодушно этого не заметил...

Шел первый день спартакиады детских садов города Ленинакана.

Где-то рядом в пятом, а может, и в седьмом среди болельщиков всех возрастов и родственной принадлежности к участникам соревнований сидел немолодой уже человек со спокойным смуглым лицом и большими, глубоко посаженными черными глазами. И хотя он не кричал, не аплодировал и как будто вообще был безучастен ко всему происходящему, однако имел к нему самое непосредственное отношение. Это был декан факультета физического воспитания Ленинаканского педагогического института Оганес Галустович Аракелян. Его известность уже давно перешагнула пределы республики. Есть решение коллегии Министерства просвещения СССР об изучении опыта работы доцента Аракеяна по физическому воспитанию дошкольников. С этой работой знакомятся посетители ВДНХ СССР. В Ленинакан приезжают из других городов страны, из-за рубежа, и теперь вопрос лишь в том, как лучше и шире распространять и развивать новый метод. Причем не только в детских садах, но и в школах.

Есть в спорте одна странная закономерность: выдающийся спортсмен впоследствии редко добивается больших успехов на тренерской стезе. Педагог и заслуженный тренер СССР доцент О. Г. Аракелян не хранит дома медали, дипломы и кубки бывлой спортивной доблести — их у него нет. У учеников есть — были среди них победители всесоюзных соревнований. Но сейчас от непосредственной подготовки спортсменов высшей квалификации он отошел, «материал» у него теперь куда более хрупкий и деликатный.

не стояли автомобили с лентами и куклами, кареты с воздушными шариками, тарантасы с бубенцами.

— Не удивляйтесь, здесь загс, — объяснили мне.

Когда подошли к цветочницам, я вспомнил, что мне необходимо четное количество цветов. Есть такое неписаное правило. Женщины на перебой предлагали свои букеты — большие, со вкусом подобранные. А я все мялся и не решался сказать о своей проблеме. Наконец, Эля заметила мою растерянность и спросила, в чем дело. Я объяснил. Эля рассказала цветочницам, кто мы, куда и зачем едем...

Мой букет с тщательно пересчитанными цветами еле втиснули в машину. От денег категорически отказались, но я объяснил, что за такого рода букеты обязательно надо платить, и буквально втиснул в чью-то руку деньги.

Машину Анджей вел прекрасно, и я не заметил, как мы приехали в Мелец. Город это небольшой, но его крылатую продукцию знают во всем мире.

— Наш завод построен еще до войны, — рассказывает главный конструктор Ежи Кероньский, — но ни одного самолета выпустить не успел. А в первые послевоенные годы мы делали кастрюли, кровати и занимались мелким ремонтом самолетов. Потом начали выпускать легендарный ПО-2. Сколько советских и польских летчиков впервые поднялись в небо на этом самолетике! В 1959 году завод родился во второй раз: именно тогда Советский Союз передал нам лицензию на производство известной «Аннушки» — АН-2.

— А кадры и необходимое оборудование?

— К этому времени было все, — на прекрасном русском языке ответил заместитель главного конструктора Рышард Легенцкий. — Наш завод был реконструирован, создано мощное конструкторское бюро, в котором, кроме польских специалистов, работало восемьдесят советских. Кроме того, на учебу в Советский Союз направили большую группу студентов. Был в их числе и я: у меня диплом Московского авиационного института. Через год мы начали поставлять «Аннушки» в Советский Союз, а потом и в Болгарию, Венгрию, Монголию, ГДР, Чехословакию, Югославию, КНДР, на Кубу, во Францию, Голландию и США.

— Есть что-нибудь новое в польской «Аннушке»?

— Сорок тысяч изменений! А полетный ресурс увеличился в два с половиной раза! — с нескрываемой гордостью воскликнул главный конструктор. — «Аннушка» умеет все: перевозить людей и грузы, вносить удобрения, бороться с вредителями и даже сеять.

Затем, — продолжил Рышард, — родилась идея создать принципиально новый самолет узкой специализации, чтобы он мог заниматься только посевом, внесением удобрений и химикатов. Отпала необходимость во вместительном фюзеляже, месте для второго пилота и многом другом. Так появилась М-15. В разработке этой машины большую помощь оказала группа советских конструкторов во главе с Р. А. Измайловым. Во время испытаний на Кубани М-15 зарекомендовал себя прекрасно. Прежде всего по производительности он превосходит «Аннушку» в два раза, а по летному ресурсу в пять раз. Урожай зерновых при посеве с М-15 на двадцать пять процентов выше.

И тут я загорелся!

— А нельзя на этом самолете полетать?

— То есть как? Вы что — умеете?

— Да нет, пассажиром... Ведь в этом небе летал мой отец...

— Ну что, Рышард, может, разрешим, а? На учебной спарке?

— Пусть попробует, — решил Рышард. — Значит, так: самолет сейчас в Варшаве, вернется часа через два...

— Спасибо! — поднялся я и, пока конструкторы не передумали, выскочил из кабинета.

* * *

Жак Станислав на заводе шестнадцатилет, а Хиполит Будиш — двадцать восемь. Жак — специалист по радио- и электроаппаратуре, Хиполит занимается монтажом крыльев и фюзеляжа. Оба из сборочного цеха.

— Как попали на завод? — задал я первый вопрос.

— Я из военной авиации, — ответил Жак.

— А я из авиамодельного кружка, — смутился Хиполит. — Нет, кроме шуток! — заметил наши улыбки, настойчиво продолжал он. — Делал модели, мечтал стать летчиком — не вышло, здоровье подвело. Пошел на завод. Учился здесь у советских специалистов. А в шестидесятом году участвовал в сборке самой первой «Аннушки». С тех пор восемь тысяч АН-2 прошли через мои руки. Теперь вот делаем М-15.

Аэродром, ангары и взлетно-посадочная полоса недалеко от цеха. Мы любовались самолетами, забирались в кабины, говорили с летчиком-испытателем Хенриком Бронювским, а сами поглядывали в небо: М-15, который должен был вернуться из Варшавы, не появлялся.

Первым не выдержал Анджей. — Извини, но надо что-то решать, — сказал он. — До Сандомира ехать часа два, а сейчас четырнадцать тридцать. Если даже самолет вернется с минуты на минуту, пока заврывает, пока полетает... В Сандомир попадем затемно. Можно, конечно, и завтра.

— Завтра? Нет, едем сейчас! Будь здоров, Хенрик. Жаль, конечно, что не побывал я в этом небе, очень жаль. Но, видно, не судьба.

— А что ты так переживаешь, небо — оно везде небо.

— Нет, Хенрик, нет! Тридцать пять лет назад в этом небе сбили самолет моего отца. Сейчас мы едем на кладбище. А мне так хотелось побывать и в небе!

Хенрик все понял.

— Стой здесь, — решительно сказал он и побежал к ангару.

Через десять минут мы сидели на узких боковых скамеечках новенького АН-2. Взревел мотор. Самолет ходко преодолел зеленый газон, разбежался и легко оторвался от бетонной полосы. Я прильнул к иллюминатору и жадно вглядывался в облака, синеющую полосу реки, стреловидный мост, дымящиеся трубы заводов. Почему-то сжималось сердце и перехватывало горло...

— Город чуть левее, — сказал Хенрик. — Сейчас мы над Сандомирским плацдармом.

Снизилась до тридцати метров. Как раз на такой высоте летали штурмовики, в них целили из автоматов и пулеметов, из зениток и противотанковых пушек. А сверху — «мессеры» и «фоккеры». Я много читал о тех боях. Люди гибли, но плацдарм удержали.

Как оно прекрасно — мирное, голубое небо. Где-то здесь, в этой ослепительной голубизне, красноезвездный штурмовик прошила пулеметная очередь или пробил снаряд, и, оставляя черный шлейф, он врезался в землю.

Хенрик мастерски посадил «Аннушку». Отдохнули, перекусили — и в машину. Поля, тронутые желтизной леса, сонные пруды, тихие речки — все это промелькнуло в одно мгновение. Вот и Висла.

Мост. Извилистые улицы Сандомира. На окраине, у обочины дороги, знак: два воткнутых в землю меча и чаша с вечным огнем. Позже я таких символов видел много, очень много. Они есть в Кракове и Варшаве, Освенциме и Майданеке, на больших площадях и в маленьких селах, а то и просто на лесных полянах. Два меча и вечный огонь означают памятники борьбы и мученичества.

Анджей остановил машину перед решетчатыми воротами. Рядом плита, на ней высечено: «Кладбище бойцов Красной Армии, погибших на Барановско-Сандомирском плацдарме в борьбе с гитлеровскими захватчиками с VII.1944 по I.1945 года. На этом кладбище похоронен прах 12 тысяч солдат и офицеров Красной Армии. Честь их памяти».

Двенадцать тысяч солдат и офицеров... Мне же надо найти одного — отца. Братская могила номер 91, это я помнил четко. Но как ее найти среди пятисот других? Вот плита с номером 368. Хорошо видна надпись на граните: «Полковнику Василию Федоровичу Скопенко 1912—1945 Герою Советского Союза, освободителю Сандомира. Жители города». Неподдалеку спят вечным сном старший лейтенант Дунаев, младший лейтенант Кулиш, болгарин гвардии майор Карло Петров Щабанский...

И вот, наконец, плита с цифрами 91. До нее осталось метра два, а я не мог сделать ни шагу. Ребята дали мне цветы и отошли в сторону.

Было тихо. Так тихо, что я слышал собственное сердце. Где-то далеко звучали детские голоса. Ухал колокол костела. С дробным стуком падали желуди с дубов. Потом я сидел на земле. Ворошил цветы. Гладил шершавую плиту, стирая с нее капли. Я стирал, а они снова появлялись.

А потом мы поговорили...

Боже мой, сколько надо было сказать отцу! Ведь последний раз мы виделись, когда мне было пять лет. Теперь я уже гораздо старше его. Миллионы моих сверстников выросли без отцов, которых отняла война. Поговорите с сорокалетними мужчинами и женщинами — самостоятельными, энергичными, и вы поймете их тоску по отцовской ласке и совету, их готовность ехать хоть на край света, чтобы только прикоснуться к плите, на которой высечено имя отца.

* * *

...Нас было тридцать пять — толстых мальчишек военной поры. Без черной отметины на обшарпанном глобусе оставался только я — последний в классе. Но вот грянуло зимнее наступление в Польшу. Вскоре почталон принес к нам в дом «похоронку», и, придя в школу, я поставил черную точку на стареньком глобусе. Где-то возле Вислы.

Теперь я знаю, где это. Знаю, что над плитой № 91, над всем воинским кладбищем и над всей Польшей, принявшей в свою землю наших отцов, мирное небо. Дорогой ценой заплачено за такое небо! И теперь нам, сыновьям, делать все возможное, чтобы в этом небе летали только «Аннушки», ИЛы и другие самолеты с опознавательными знаками гражданской авиации.

Варшава — Москва.

НАЧИНАЕТСЯ С ДВИЖЕНИЯ

А надо сказать, что большому спорту скромный Лениканан дает немало, во всяком случае, никак не пропорционально численности своего населения. Можно привести длинный перечень имен сильных спортсменов, выросших в Лениканане, во главе с выдающимся штангистом, заслуженным мастером спорта Юрием Варданяном, а также Вартоном Мелитосяном, в прошлом воспитанниками детских садов города. Мало того, на последней спартакиаде Армении сборная команда Лениканана победила в комплексном зачете сборную Еревана, в котором жителей в пять раз больше.

И все же не хотелось бы подводить читателя к мысли, что леникананская система способствует выявлению спортивных талантов и пополнению таким образом резервов будущих олимпийцев, потому что дело здесь прежде всего в укреплении здоровья ребенка, в подготовке его к учебе, а затем и к полноценному труду. Но сомнений нет: и большой спорт от этого в выигрыше.

Известно, что нынешние дети раньше развиваются, больше знают и умеют, чем их давние сверстники. Естественно, молодой человек должен входить в жизнь все более физически подготовленным. Но наши дети двигаются крайне мало. Человек остро ощущает пустоту в желудке, но чувство мышечного голода ему почти не дано — ирония природы. Детей с ненормальной осанкой, формой стопы, ослабленным зрением, слухом, с заболеваниями внутренних органов становится, увы, все больше. Так же, как и детей с лишним весом.

И еще один существеннейший момент. Двигательная активность ребенка, оказывается, непосредственно влияет на его интеллектуальное развитие, пробуждает его творческие задатки.

Вот что пишет, например, Корней Иванович Чуковский:

«Детское стихотворство — признак избытка играющих сил. Оно — явление того же порядка, как курьезные или махание руками... Для того, чтобы стать поэтом, ребенку нужно испытывать то, что называется «телячьим восторгом»... Вообще стихотворения детей в возрасте от двух до пяти всегда возникают во время прыжков и подскакиваний».

Прежде чем Аракелян ясно осознал, что детям нужен принципиально иной двигательный режим, и начал разрабатывать, а затем и вводить его в детских садах Лениканана, он много занимался изучением дошкольной педагогики, возрастной физиологии и других дисциплин, которых не преподавали ему во время учебы в институте.

Когда он еще только начинал свои эксперименты, из Лениканана в Москву, в НИИ дошкольного воспитания, пришла беспоконная телеграмма. В ней говорилось, что некто Аракелян вытворяет с детьми нечто такое, что вредит их здоровью, и все это необходимо быстро пресечь.

Между прочим, этот базовый в

его экспериментах детский сад номер один текстильного комбината Аракелян сам в свое время «окончил». Позже там оказался и сын его — Самвел, а теперь и дети Самвела, внуки Оганеса Галустовича.

К тому времени в детском саду номер один уже были введены ежедневные физкультурные занятия, и, когда в Лениканан приехали специалисты, они с удивлением увидели, что дети ловко лазают по канату и шесту, то есть делают то, против чего издревле восставали жрецы педагогики, считая это явно силовыми упражнениями, которые детям вредны и опасны. Забегая вперед, скажу, что за эти семнадцать или восемнадцать лет леникананская малышня докарабкалась по шестам и канатам, наверное, до самой Луны, и будь при том хоть один случай травматизма, многочисленные, мягко говоря, оппоненты Аракеяна непременно отметили бы сей факт в своих реляциях.

А еще увидели приехавшие из Москвы специалисты, что малыши вполне грамотно играют в баскетбол, прыгают в длину, выполняют висы на шведской стенке и многие другие «крамольные» упражнения. И при этом остаются детьми — веселыми и непосредственными, только более складными и ловкими, чем в других детских садах.

Экспериментировать нужно с оглядкой. И если сейчас директор Всесоюзного НИИ дошкольного воспитания академик АПН А. В. Запорожец считает, что в Лениканане отличная экспериментальная база, если министр просвещения СССР М. А. Прокофьев награждает Аракеяна почетной грамотой за многолетнюю научно-педагогическую деятельность и активную работу в научно-методическом совете по дошкольному воспитанию, то уже не нужно пояснять, что опыт был тысячекратно и всесторонне проверен.

Новый метод значительно увеличил объем основных физкультурных занятий. Содержание: ходьба, бег, метание мяча, лазание, упражнения на гимнастической стенке, гимнастическом бревне, элементы баскетбола, настольного тенниса, плавания, велосипед. Зимой — лыжи.

Утренняя зарядка, как здесь считают, потеряла изначальный смысл для садов, где детей разбирают домой по вечерам. Ведь приводят малышей часто в разное время, в разном состоянии, одних еще почти не проснувшихся, других уже после завтрака. Роль утренней зарядки взяла на себя физкультура после дневного сна.

Большое внимание в новом методе уделяется так называемым физкультминуткам — коротким разминкам, проводимым во время занятий по музыке, рисованию, лепке, устному счету и так далее. Надо позаботиться и об оборудовании, снарядах, затратить на это время, деньги, но главное, вложить душу, без чего мертво любое дело, а работа с детьми особенно.

О. Г. Аракелян и его первая помощница кандидат педагогических

наук Л. В. Карманова выпустили объемистую брошюру «Двигательный режим в старшей группе детского сада». Подобные пособия изданы и для других возрастных групп. Ученица Оганеса Галустовича сотрудник его кафедры Сусанна Мадоян активно исследует вопросы физподготовки двух-трехлетних малышей.

Новая система столь же естественна, как дыхание или детская игра. Никаких «ультра-си», никаких вычурных элементов, недоступных для неподготовленных детей. Нагрузка детьми даже не переносится, а скорее усваивается, как, скажем, легкий завтрак.

Вот, например, после дневного сна — пятнадцатиминутная зарядка. По ее завершении, когда малыши хорошо размялись и напрыгались, последовала команда сесть и тут же лечь. Они дружно плюхнулись на спину и, подогнув по-лягушачьи ноги и закрыв глаза, замерли. Прошло минуты две — две с половиной. Встали и под музыку зашагали из зала.

Оказалось, что за это время пульс у детей снизился до исходного, а был 160—180 ударов в минуту. Старая же детсадовская программа предусматривает, что пульс в таких случаях должен при-

кан — город весьма и знаменито спортивный. И вопрос о массовом вовлечении в занятия физкультурой и спортом школьников и молодежи здесь, не побоимся сказать, решили. В городе двенадцать детско-юношеских спортшкол, открыты специализированные школы по боксу, плаванию, самбо, дзюдо, тяжелой атлетике, зимним видам спорта. В 1976 году стала действовать школа высшего спортивного мастерства, что для города, насчитывающего всего двести тысяч жителей, явление редкостное. Уже много лет в Лениканане проводятся ежегодные спартакиады среди жэков. Полторы тысячи детей участвуют в розыгрыше призов «Кожаный мяч» и даже «Золотая шайба». Да, да, в «глубоко» южном городе Лениканане детвора всю игру играет в хоккей. Жэковские футбольные команды города трижды привозили домой золотые медали всесоюзного турнира «Кожаный мяч».

Убежден, что Аракелян имеет ко всему сказанному прямое отношение. И не только потому, что ребята эти прошли первичный курс физкультурных в «его» детских садах. А еще и потому, что он, как и председатель городского спорткомитета, человек нескончаемой

Воспитанники О. Г. Аракеяна.

ходить в норму через пятнадцать минут. Нужно ли быть специалистом, чтобы уяснить разницу?..

Но вот ребенок, пройдя в детском саду курс физвоспитания по методу Аракеяна, поступает в школу и... его занятия кончаются. По крайней мере на первые три года, в течение которых физкультуре уделяется крайне мало внимания и места. Об этом мы разговорились с первым секретарем Леникананского горкома партии Донарой Асганазовной Арутюнян.

— С физкультурой в детских садах у нас все в порядке, — сказала она. — А вот дальше... И грустно вздохнула. — Все же с нынешней осени мы собираемся ввести в этом направлении определенные изменения. Как? Усилиями таких же энтузиастов-общественников, как Аракелян. Другого пути пока не вижу.

Как уже говорилось, Ленина-

энергии, Роберт Гарникович Оганесян, как и большинство тренеров города, как и все студенты факультета физвоспитания, неизменно и обязательно проходящие практику в дворовых спортклубах, преданно и одержимо вершат общее большое дело — растят крепких и здоровых ребят. Может быть, потому и растет, ширится спортивная слава города Лениканана.

Справка, полученная мною в городском комитете партии: за последние семь лет правонарушений среди несовершеннолетних в городе резко снизились. Массовые занятия школьников спортом, увлечение им, как считает Д. А. Арутюнян, — одна из первых тому причин.

Что же касается системы Аракеяна, то, думаю, рождение ее и прописка именно в Лениканане — факт весьма логичный.

В ГЛУБИНКЕ МЕЩЕРЫ

**Алексей ПАНЧЕНКО,
фото Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА,
специальные
корреспонденты «Огонька»**

Три недели назад в Московском Доме ученых проходил тематический вечер «Эстафета поколений». Ведущий — известный летчик-испытатель, Герой Советского Союза, писатель М. Л. Галлай приглашал на сцену династии ученых-геологов, врачей, артистов, музыкантов. Он предоставил слово и двум председателям владимирских колхозов — Гининым: кандидату экономических наук Степану Петровичу и Валерию Степановичу. Зал зааплодировал, сразу поняв, что это отец и сын.

Выступление Гинина-старшего, глубокое и обстоятельное, сдобренное оригинальным юмором, в очерке приводить не буду. Скажу только, что держался Степан Петрович уверенно, в нем чувствовался опытный оратор, умеющий говорить в любой аудитории.

Потом, когда я поздравил его с удачным выступлением, он засмеялся:

— Практика немалая. Одни отчетно-выборные собрания в колхозе чего стоят. А потом выступления на Совете колхозов России, на коллегии Минсельхоза РСФСР, на партийных конференциях — в районе и области, на семинарах ВДНХ... А дискуссии в «Сельхозтехнике», Мелиоводхозе, во всяческих «долгостроях» — это ведь все нынешние «бочки Диогена» и «камешки Демосфена». В этих организациях мы и ораторы и оратели.

Рассказ Валерия Степановича был короче:

— Принял колхоз «Вперед», недалёкий от колхоза, где председателем отец, год с небольшим назад — через год после окончания Тимирязевки. Экономист. После академии год стажировался у отца. Потом меня рекомендовали председателем в экономически слабое хозяйство: общая задолженность по ссудам Госбанка шесть миллионов, восемьсот работающих, из них многие в отходничестве.

— Трудно, наверное? — спросили из зала.

— Отцу четверть века назад было труднее, — смущенно улыбнулся Валерий. И пояснил: — В колхозе он тогда был один с высшим образованием, а у нас в хозяйстве сейчас таких специалистов больше десяти — почти все моложе меня. (Валерий сказал о возрасте своих помощников, и в зале засмеялись.) — Отец только через три года после того, как стал руководить колхозом, раздобыл грузовик, а у нас — почти сто тракторов и автомашин, много другой техники.

Сын говорил, и чувствовалось, что молодой председатель четко представляет завтрашний день своего колхоза. А в конце его выступления ведущий сказал:

— Хорошо начинает Гинин-младший. Сегодня ему исполнилось двадцать пять. Поздравим Валерию Степановича с днем рождения и пожелаем ему успехов!

Отец все-таки дополнил:

— Я принимал колхоз в тридцать один год, и я был фронтовиком. Так что Валерию труднее...

Два поколения, два колхоза — они рядом, на одной земле. Но пора, очевидно, и более подробно рассказать о Гинине-старшем, человеке, с чьей деятельностью в колхозе имени XVI годовщины Октября, Гусь-Хрустального района, связывают успехи хозяйства.

* * *

...Впервые я встретился с ним почти девять лет назад. По пути в хозяйство бывший секретарь райкома партии В. С. Татаров завез

меня в поле, на котором лучшее звено колхоза сажало картошку. Через некоторое время у окраины участка, где работал зеньевой Василий Чикунин и его товарищи, остановилась и другая машина.

— Никак Горшков в гости пожаловал? — механизаторы узнали именитого соседа, председателя колхоза «Большевик».

Он был при полном параде — строгий темный костюм, звезда Героя Социалистического Труда, депутатский значок.

— А ну-ка, покажитесь, богатыри, — начал Аким Васильевич. — Хочу посмотреть, кто это у моих хлопцев знамена, областное и республиканское, отобрал. — И всерьез: — Приехал поздравить с победой и вас и председателя вашего. Заслуженно обошли. Механизаторы мои, видать, немножко успокоились...

Акиму Васильевичу договорить не успел: ныряя на ухабах, к массиву подъехал (случайно или колхозная «разведка» успела предупредить) Гинин. Председатели тепло поздоровались. Нас представили друг другу. Вскоре, извинившись, Гинин и Горшков отошли в сторонку.

— У предков, как водится, всегда есть свои «секреты», — пошутил Татаров.

...Дорога на центральную усадьбу колхоза — в село Уляхино тянулась через песчаные бугры и забытые мелкой, как мука, песчаной пылью низины. Окрест, за небольшими полями, во все стороны по горизонту темнели леса — знаменитые боры Мещеры.

— Поля у нас от природы бедные, — повернувшись ко мне с переднего сиденья, сказал Гинин, — пески, супесчаные, суглинки. Слышали, может быть: «Земли у нас нет, но пейзажи красивые» — это о наших местах сказано. Да и дороги... Но скоро здесь протянем асфальт — и в Уляхино и в остальные четыре деревни колхоза, даже в Трушкино, где всего два десятка дворов.

Помнится, тогда, на обратном пути из Уляхино, я заехал в колхоз к Горшкову. Акиму Васильевичу сам заговорил о Гинине:

— До сих пор не верю, что он до прихода в колхоз никогда не работал в сельском хозяйстве, — так глубоко Степан Петрович знает все его отрасли. Хотя сам он мне признавался, что село знал главным образом по очеркам Валентина Овечкина «Районные будни». Диссертацию кандидатскую скоро защищать будет. Слух прошел, что после защиты расстанется с колхозом. Но я уверен, что он этого не сделает, хотя Степан Петрович по интеллекту, эрудиции, складу мышления — сложившийся ученый. И все-таки он больше председатель, чем ученый. Главное — у него есть характер, энергия и своя точка зрения на все. Любый враг формулы: «Делай, как все». Оптимист, но с изрядной долей хозяйского скепсиса — очевидно, для равновесия. Он ведь знает, что в сельском хозяйстве могут быть самые неожиданные повороты, и, как хороший шахматист, рассчитывает многие варианты, прежде чем выбрать выигрышный.

В моем корреспондентском блокноте хранится эта характеристика, записанная по свежим следам. И еще запись — тогдашние слова Акима Васильевича: «То, что Гинин стал тридцать первым председателем колхоза, по-моему, всесоюзный «рекорд». Во всяком случае, я такого уникального факта больше не знаю».

* * *

...1956 год. Заместителя директора стекольного завода Гинина пригласили в райком партии. Секретарь начал без обиняков:

— Присмотрелись мы к тебе, Степан Петрович. Убеждены — потянешь.

— А что тянуть? — осторожно осведомился Гинин.

— Воз трудный, скрывать не стану.

— В колхоз? Кем?

— Председателем. У тебя за спиной — фронт. Ты на войне был кем? Авиамехаником?

Серьезная профессия, а главное — ты экономист. Плехановец!

Вернулся тогда Степан Петрович в заводской поселок домой, к жене Капитолине Васильевне, ожидавшей ребенка, будущего первенца Валерия.

...Потом в районе Гинин попросил годовые отчеты всех колхозов, где меняли председателей.

Изучил их и остановил свой выбор на одном. Райкомовцы поразились: на слабом из слабых. Он не знал еще, что выбрал колхоз, в котором до него за двадцать три года сменилось тридцать председателей. У него спросили:

— Почему ты все-таки остановился на уляхинской сельхозартели?

— Там больше всего людей. Основной капитал. Это я как экономист знаю.

Людей в пяти деревнях колхоза действительно было много, но половина из них (считай все мужчины) восемь месяцев в году работали в отходничестве («Экспортировали труд», — говорит Гинин).

— И так, тридцать первый! — после собрания секретарь райкома пожал Степану Петровичу руку. — Не придется тридцать второго искать!..

— Постараюсь не затруднять вас.

...Старенький счетовод, знакомя Гинина с описью имущества колхоза, тихо и безрадостно произносил: крупный рогатый скот — 179 голов, из них коров — 100 — на четырех фермах, свиней — 59, овец — 45, курей — 60, в том числе 22 петуха.

— Петухов, кажется, многовато, — не удержался от шутки Степан Петрович.

Заглянули в графу «продажа государству за год в тоннах»: молока — 49, мяса — 12, картошки — 55 тонн.

Но самой удручающей была графа «средний годовой выход на работу в человеко-днях» — 68. Значит, только один день из пяти отводился труду в коллективном хозяйстве.

Принимал Гинин хозяйство в тесном кабинете — одной из двух комнат правления. Стол, стул, маленький сейфик для печати. И вроде чего-то недоставало. Наконец, догадался: колхозного знамени. Спросил, где оно. Никто не мог ответить.

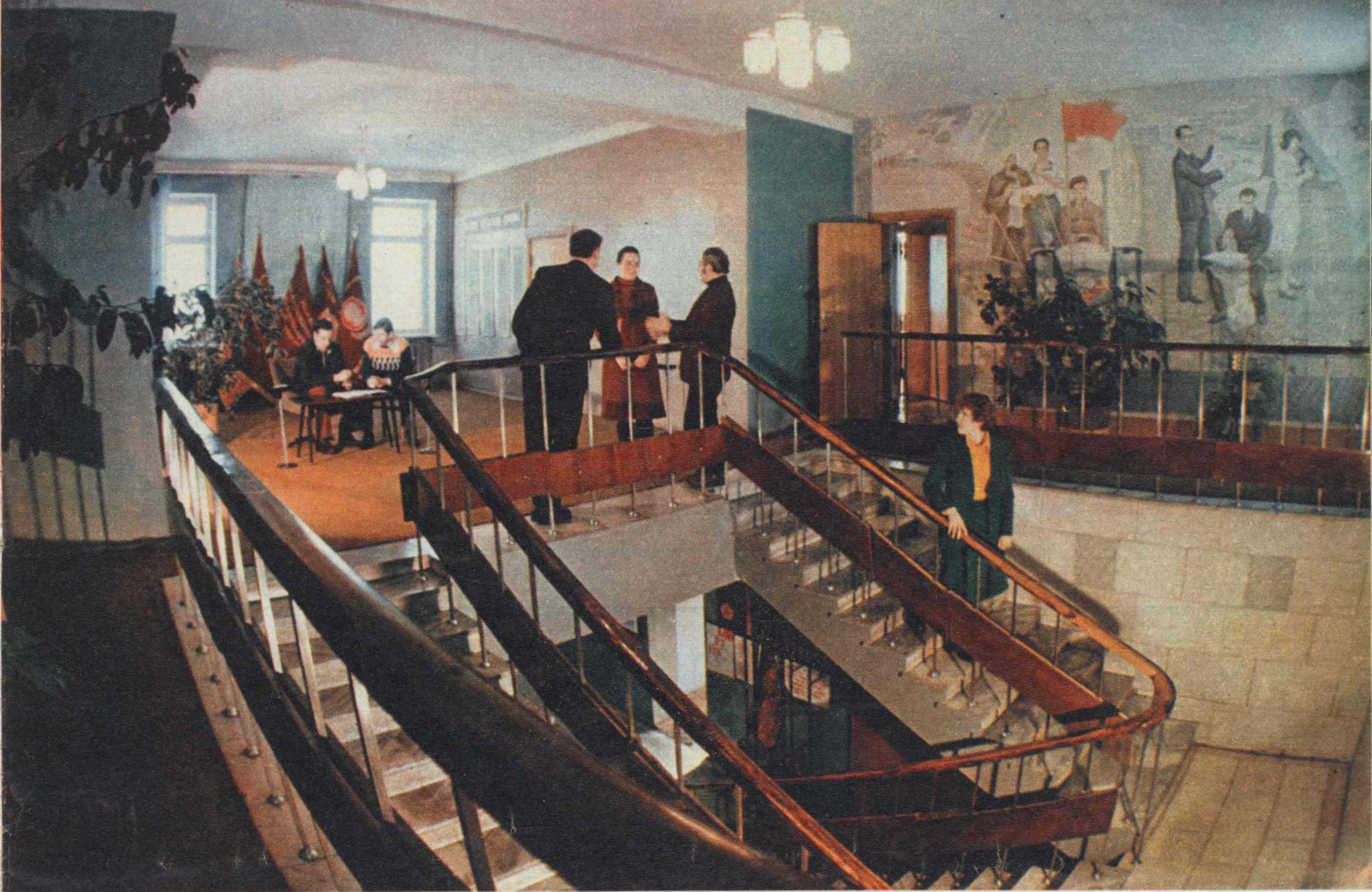
— Да и честно говоря, — рассказывал мне он, как-то в один из приездов, — мой вопрос тогда просто удивил. Утром поехал в райцентр, там купил — благо в магазине была — красивую матерью, попросил знакомого учителя рисования начертить на флаге название колхоза, сам вытесал древно, вырезал и насадил на древо фанерную алую звезду и привез знамя в правление. Сейчас это кажется наивным и трогательным. Но, верите, поначалу своего рода экскурсии были. Заметил я, что скромное самодельное знамя это тронуло какие-то струны в душах людей. Жаль, что не могли спасти его при пожаре нашего старого клуба.

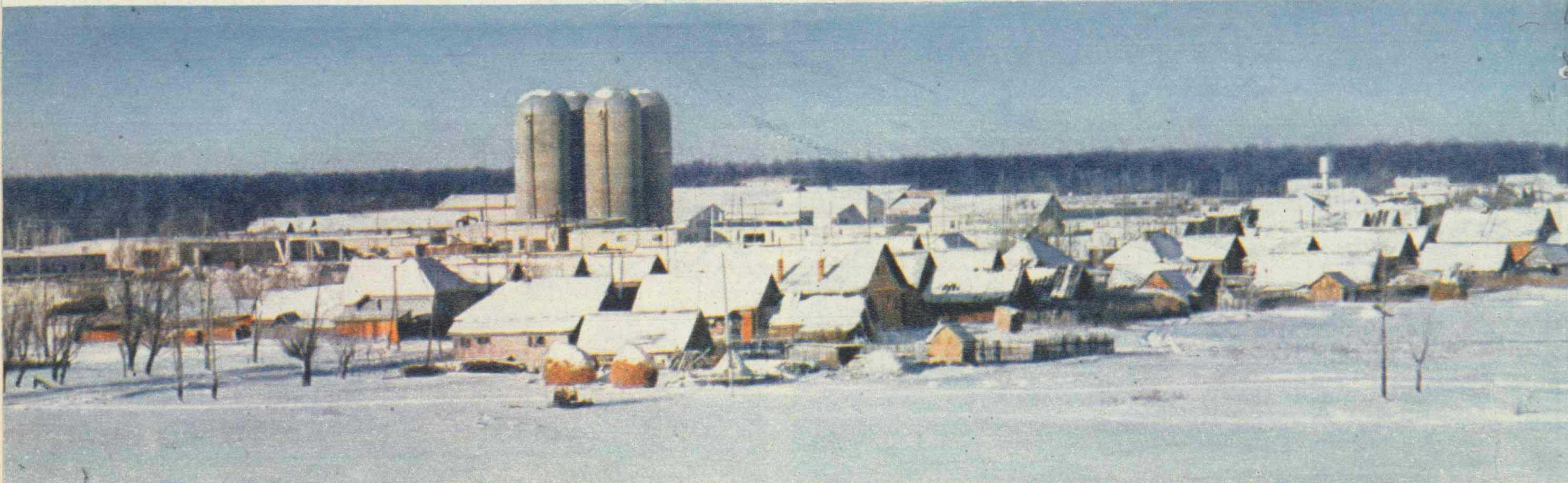
Он говорил, а я представил, как стояла бы сейчас эта реликвия в отделанном мрамором и медью холле нового здания правления в ряду бархатных знамен — наград колхоза: только за минувшую пятилетку колхозу трижды присуждалось переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. (Вот уже пятнадцать лет кряду колхоз выполняет планы по производству и продаже всех видов продукции. Задания минувшей пятилетки по продаже государству мяса были выполнены к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, по молоку — к середине августа, а к октябрю — по всем видам.) Рядом с почетными знаменами из Москвы стоят знамена областных организаций. А на комсомольско-молодежной молочной ферме, которую вот уже семь лет возглавляет делегат XXVI съезда партии Нина Ивановна Гладилкина, свое знамя: коллектив победил в соревновании молодежных ферм области.

Но не хлебом единым жив человек: отме-

В правлении колхоза имени XVI годовщины Октября. * Отец и сын Гинины — председатели соседних колхозов. * Вечереет. * Сено на фермы и к дворам колхозников. * Ветеринарные врачи Евгений Марков и Сергей Москалев.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Делегат XXVI съезда КПСС, бригадир Краснополянской фермы Нина Гладилкина. * Доярки молочного комплекса [слева направо]: Валентина Гладилкина, Зоя Тихонова, Любовь Искричева, Галина Агафонова, Зинаида Шестакова и Татьяна Дядькова. * Центральная усадьба колхоза — деревня Уляхино.

ВАШУ РУКУ,

С. ФЕДОРОВ,
доктор медицинских наук,
профессор

Год назад (№ 14, 1980 г.) «Огонек» опубликовал выступление видного советского врача-окулиста, директора НИИ экспериментальной и клинической хирургии глаза профессора Святослава Николаевича Федорова. В нем были затронуты многие острые вопросы нашего здравоохранения. Сотни читательских откликов подтверждают, что эти вопросы были поставлены верно и своевременно.

Институт, которым руководит С. Федоров, организован совсем недавно, но у него уже есть шестнадцать филиалов в разных концах страны. Интенсивно развивается и сотрудничество института с иностранными специалистами. Отироем на минутку книгу отзывов, которая лежит в директорском кабинете. Здесь оставили свои записи зарубежные врачи, побывавшие в стенах института.

«Ваши успехи в новой хирургии роговицы потрясающи. Я и мои коллеги обсуждали вашу технологию и то, как мы, к сожалению, мало знаем об этом», — записал доктор К. Фалгоуст, американский хирург. «Русские являются лидерами в глазной хирургии», — констатировал профессор М. Гелин из Нью-Йорка. Ему вторит доцент С. Хент: «Примите мои поздравления. Это самое большое достижение в хирургии глаза».

А вот слова еще одного американского врача, Д. Ламброса: «Поверьте, это — начало новой эры в офтальмологии. Еще бы — хирургия для исправления близорукости!»

«Ваше превосходство в стиле и классе очевидны, как и то, что великое солнце поднимается на востоке...» — так выразился доктор Д. Морис.

Операция по устранению близорукости, восхитившая американских хирургов, проводится в институте уже шесть лет, для многих наших врачей она стала привычной. Но тот, кто впервые знакомится с ней, с методикой ее проведения, конечно, не может остаться равнодушным. Шестнадцать микроскопических разрезов роговицы, и через несколько дней возвращается нормальное зрение. Как просто все выглядит на словах! Но какая сложнейшая, сверхточная за этим скрыта работа! Ошибка всего на одну сотую долю миллиметра (!) снижает результат операции на половину диоптрий.

...Семь лет назад в клинику привели близорукого мальчишку, которому в школьной потасовке разбили очки, и в глаз ему попало несколько осколков. Их вытащили, а через несколько дней оказалось, что зрение у мальчика стало лучше, чем было до травмы... Так родилась идея операции, при которой хирург надрезает роговицу, чтобы сделать ее более плоской, тем самым изменить форму глазного яблока и избавить пациента от близорукости. Главная сложность — точно рассчитать, насколько глубокими должны быть надрезы.

С тех пор профессор С. Федоров пропагандирует операцию и у нас в стране и за рубежом, он посетил семнадцать стран, читал лекции, делал операции на добровольцах. Только в США он провел более тридцати таких операций. В минувшем году трижды побывал в Соединенных Штатах. Об этих поездках мы попросили его рассказать нашим читателям.

— Первая поездка состоялась в марте, я выступал с докладом на четвертой международной конференции по глаукоме. У нас в институте накопилось достаточно фактов, которые доказывают, что эту коварную болезнь, во-первых, надо диагностировать и начинать лечить значительно раньше, чем это делается теперь, и во-вторых, что применение общепринятых лекарственных средств не только не способствует излечению, но иногда и усугубляет болезнь.

Вторая поездка была в июне. Меня пригласило Общество по борьбе с близорукостью, оно состоит из 220 человек. С большим удивлением и, конечно, не без радости я узнал, что являюсь президентом этого общества. Мне была предоставлена возможность прочитать лекции перед очень большой аудиторией американских врачей, поделиться своим опытом с хирургами.

А в ноябре мне довелось стать участником большого конгресса офтальмологов в Чикаго, куда приехали почти девять тысяч врачей из Южной и Северной Америки. Перед конгрессом меня пригласили прочитать несколько лекций в трех городах для врачей-окулистов из разных штатов. Эти лекции в общей сложности слушала почти тысяча человек.

Во время всех этих визитов в различных городах США я проводил операции по устранению близорукости.

— Святослав Николаевич, как к вашим визитам в Соединенные Штаты относились американские власти? Ведь администрация Картера в одностороннем порядке прекратила с Советским Союзом научные и культурные обмены.

— Всякое бывало. Мартовская поездка, например, могла и вовсе не состояться. Госдепартамент США был против моего визита и до самого последнего часа не давал на него согласия. Только под давлением американских врачей, заявивших, что эта поездка нужна не советскому хирургу, а в первую очередь американцам, страдающим глазными болезнями, госдепартамент был вынужден уступить.

Со следующими визитами было полегче.

— Среди американских врачей много нашлось сторонников ваших методов лечения? Как их приняла общественность страны, пресса?

— Нередко я сталкивался с противниками самой идеи хирургического исправления зрения. Довольно быстро я понял, что этих противников особенно много среди специалистов по контактным линзам, среди тех, кто близок к производству очков (а это целая отрасль индустрии). Наши операции они воспринимают как некоего конкурента, способного отнять у них часть прибыли. Конечно, сказывается тут и инертность иных врачей, нежелание переучиваться, осваивать совершенно новые методы лечения.

Как бы там ни было, но в не-

скольких американских газетах появились выступления врачей, которые высказывают весьма скептическое отношение к нашим операциям. Вот что писала, например, «Дейли Ньюс»: «Хирургическое вмешательство в глаз не дает осложнений через два-три года после операции. Но можем ли мы сказать, что будет через 10—15 лет? Вполне возможно, что такое вмешательство может со временем привести к полной слепоте...»

Известный врач профессор Трoutман писал, что эта операция «напоминает ему русскую рулетку», то есть когда в барабан нагана вставляют один патрон, резко прокручивают барабан и нажимают на спуск. Застрелиться — один шанс из семи. Вот так же и при операции, уверяет Трoutман, вероятность восстановить зрение невелика.

Надо заметить, что профессор в свое время был так же скептически настроен и по отношению к имплантации хрусталика. Когда в 1970 году я выступал с докладом в его госпитале о наших операциях, он негативно отнесся к идее операции. А три года назад на двери его офиса я увидел медную табличку, где красивыми буквами выгравировано «специалист по имплантации искусственных хрусталиков». Жизнь заставила.

— Скептицизм таких людей, как Трoutман, вызван только ли профессиональными соображениями?..

сколько осложнений и теперь делает такие операции намного реже. А Трoutман и другие американские хирурги, которые входят в общество, продолжают практиковать эти операции, потому что связаны обязательствами перед фирмами, выпускающими дорогое оборудование. Вполне понятно, почему они неодобрительно отзывались о наших операциях.

Есть тому и еще одна причина. Многие американцы подвержены так называемому синдрому «не здесь предложено». Если не здесь, не в Америке, предложено, то это заведомо плохо. Лучшие машины могут быть только в Америке, лучшие корабли, фотоаппараты, магнитофоны — только американские... Американцев, конечно, можно понять — это страна с очень высоким уровнем развития техники, но в последнее время, надо заметить, американские товары все чаще вытесняются иностранными. К слову сказать, в Нью-Йорке в магазинах японские фотоаппараты я видел чаще, чем американские.

— Вернемся к публикациям в американских газетах, которые вы привезли из последней поездки. Как из них явствует, многие специалисты США считают вашу операцию по устранению близорукости преждевременной и призывают врачей сначала провести серию экспериментов на обезьянах, а потом несколько лет ждать отдаленных результатов.

— По-моему, это совершенно неоправданная предосторожность.

АМЕРИКА

— Многие американские хирурги, в том числе и Трoutман, состоят в обществе по устранению высокой близорукости методом Хосе Баракера. Это колумбийский врач, он предложил иссекать поверхностный слой роговицы, замораживать его в углекислом газе, обрабатывать на токарном станочке — снимать лишние 120—150 микрон и возвращать роговицу на место. При этом она уплощается, и больной хорошо видит. После первых таких операций хирурги были настроены очень восторженно, но вскоре восторги поутихли. Во-первых, очень сложной и дорогой оказалась аппаратура, а во-вторых, — что намного хуже — нередко происходило осложнение. Дело в том, что крайне трудно предугадать, как поведет себя роговица, уточненная на столь значительную величину. Мы у себя в клинике делали около ста таких операций и столкнулись с тремя осложнениями, когда силы внутриглазного давления так вытягивали роговицу, что у больного после операции развивалась близорукость в 25—30 диоптрий, то есть он становился полуслепым, и нам приходилось делать пересадку роговицы.

Сам Баракер тоже получил не-

Так могут говорить люди, плохо знакомые с техникой операций. Мы их делаем у нас в клинике вот уже шесть лет, провели около 3,5 тысячи и в 97 процентах случаев добились положительного эффекта. Ни у одного из пациентов пока не проявились «отдаленные результаты». Дело в том, что роговицу мы надсекаем вне пределов центральной зоны глаза и не затрагиваем оптическую ось, вот почему операция безопасна и даже полезна для зрения.

Это понимают и многие американские хирурги, побывавшие в нашем институте, видевшие больных сразу после операции и через несколько лет после нее.

— Когда в Соединенных Штатах вы делали операцию, ваши пациенты знали, что ее методика, технология разработаны у нас в стране?

— Да, знали, там об этом говорится в открытую. Операцию так и называют — русская. Вообще к вопросу приоритета американцы относятся весьма щепетильно. Возможно, что кто-то и не хотел, чтобы успех этих операций был связан с именем советского врача, но американская пресса настолько широко их разрекламировала, что скрыть это уже не удастся. Но вместе с тем я пони-

мал и всю меру ответственности, которая на мне лежала. Ведь без преувеличения можно сказать, что об этих операциях знала вся Америка — этому помогло телевидение, оно рассказывало о них по многим программам.

— Святослав Николаевич, вы были в США много раз. Что вам как врачу показалось там интересным в организации медицины?

— Каждый раз, приезжая в Америку, не перестаю удивляться необычайно широкому внедрению там компьютеров в медицинскую практику. Без ЭВМ врач уже не представляет свою жизнь. Машина даже дает врачу советы, какие ему нужно назначить процедуры и когда вызвать пациента на повторный осмотр... Американцы очень любят создавать всевозможные общества. Те, например, американские хирурги, которые поддерживают и практикуют операцию по устранению близорукости, объединены в два общества. Там у них четкое разделение обязанностей: кто-то исследует саму роговицу, кто-то разрабатывает и совершенствует инструменты для операции, кто-то изучает воздействие на глаз сверхглубоких разрезов, и так далее. Все данные собираются у руководителя, закладываются в электронно-вычислительные машины, обрабатываются, и получается объективная картина.

Вообще говоря, подобные общества — вещь для нас непривычная. Каждый член общества вносит определенную сумму, создается бюджет, на эти деньги выпускается журнал. Из него врачи узнают, что появился новый аппарат или инструмент, где его можно приобрести, узнают, как прошли новые операции в такой-то клинике, как закончились очередные эксперименты на животных, и тому подобное.

А надо сказать, что она обходится пациенту на одном глазу в одну или полторы тысячи долларов. Как мне сообщили во время последней поездки, во Флориде и в Джорджии уже принят закон, обязывающий страховые общества полностью выплачивать эту сумму.

Конечно, все новое пробивает дорогу с трудом. Прямой дорога эта никогда не бывает. Но иногда зигзаги на ней появляются по причинам совсем неожиданным, самым разным. Полгода назад группа американских врачей добилась у своего правительства двух с половиной миллионов долларов на осуществление довольно странной программы. Они хотят провести по нашей методике несколько сот операций у страдающих близорукостью, но оперировать только один глаз, а второй оставить контрольным и затем в течение пяти лет наблюдать этих пациентов. Но ведь это значит на годы лишить людей нормального бинокулярного зрения. Врачи, которые уже были у нас в клинике и провели в Соединенных Штатах не одну сотню успешных операций по устранению близорукости, возмущены такой программой. Они совершенно логично утверждают: зачем ставить эксперименты на людях? Если вы хотите удостовериться в успехе операции, узнайте отдаленные результаты, поезжайте в Советский Союз, посмотрите больных, которых оперировали шесть лет назад. И действительно, у нас в клинике более 300 человек наблюдаются свыше четырех лет.

— Судя по книге отзывов, у вас побывало уже немало американских хирургов. Это случайные гости или существует какая-то программа таких посещений?

— Вместе с «Медэкспортом» мы решили организовать специальные

Профессор С. Н. Федоров (слева) и его американские коллеги — хирург из штата Нью-Джерси Гарольд Уолдман (в центре) и хирург из штата Нью-Мексико Лео Борес.

они первоклассные хирурги, которые хорошо знают, что такое оперировать с микроскопом. До поездки многие из них были настроены весьма скептически к нашим методам лечения да и к нашей жизни вообще. Вначале это были люди осторожные, подозрительные. А когда в последний вечер мы встречались, чтобы в неофициальной обстановке обсудить итоги их визита, это было больше похоже на расставание старых друзей.

Американцы — очень любознательный народ. Их интересует в нашей жизни все — как мы работаем, как отдыхаем, в каких школах учатся наши дети, какие у нас детские сады, ясли, здравницы для рабочих, наше искусство, ар-

Нередко приходилось слышать самые восторженные отзывы и о наших методах исправления зрения. Не случайно поэтому хирурги из США приезжают к нам в клинику по нескольку раз и хотят приезжать еще и еще.

Я знаю, что многие американцы возвращаются от нас с убеждением, что нашим странам надо поскорее наладить тесное сотрудничество, обмен опытом, специализациями.

— К большому сожалению, для подобного обмена сложилась не самая благоприятная обстановка. Отношения между нашими странами ухудшились, а ведь на двух наших странах лежит главная ответственность за судьбу мира, за будущее планеты, эта ответственность ложится и на деятелей культуры, на-

НСКИЙ КОЛЛЕГА!

Общество существует до тех пор, пока новая операция, к примеру, находится в стадии исследования. Как только она становится обыденностью, общество распадается. Так было с обществом по имплантации хрусталика. Оно образовалось в 1975 году, тогда в нем было около ста человек, через три года — уже свыше двух тысяч, а сейчас, когда в Америке имплантировано свыше 300 тысяч искусственных хрусталиков и техника этой операции считается отработанной, состав общества постепенно сокращается.

Еще один любопытный факт. Когда в небольшом городке Дилленд больные, вылеченные от близорукости, прочитали в газетах, что многие американские врачи скептически относятся к этой операции, отговаривают от нее пациентов, то они возмутились и организовали «Общество близорукых Центральной Флориды», его целью поставили обеспечение правильной информацией о состоянии больных, перенесших операцию. Они регулярно публикуют статьи в газетах, ведут борьбу со страховыми обществами, которые не очень-то охотно оплачивают больным эту операцию.

курсы, чтобы к нам приезжали не по одному, а группами, человек по двадцать. Пять-шесть таких групп в год. Им можно прочитать небольшой цикл лекций, показать наших больных, операции, инструмент и расчеты, которыми мы пользуемся, рассказать о возможных осложнениях после операций, провести эксперименты на глазах животных, например, на глазах свиньи, которые мы вкладываем в специально сделанный для этого муляж.

— Каким операциям вы обучаете иностранцев?

— Исправление близорукости и близорукое астигматизма. Хотелось бы показать больше, но не хватает времени: курс длится всего три-четыре дня. Но даже для подготовки и проведения такого короткого курса надо отрывать наших специалистов от основной работы. Значит, в клинике меньше делается операций, меньше принимается больных. Очень хотелось бы, чтобы Минздрав нашел возможность выделить средства, людей и помог нам с организацией этих курсов.

В сентябре прошлого года у нас побывали 45 врачей, почти все

хитектура... Вот почему их поездки надо оценивать не только по тому, как много становится последователей нашей методики лечения, но еще и по тому, как много появляется доброжелательно настроенных к нашей стране людей. Мне не однажды приходилось слушать выступления побывавших у нас американских врачей перед аудиторией своих коллег. Вот когда я испытал, что такое чувство национальной гордости! Американцы с восторгом рассказывали, что они не ожидали встретить в России таких культурных, открытых, гостеприимных людей, не ожидали, что Москва такой чистый, симпатичный город, что у нас такие красивые театры, такое замечательное метро, что по улицам можно ходить в любое время суток и на тебя никто не нападет и не ограбит, что, к кому бы из прохожих ни обратился, тебе всегда рады помочь, и так далее и так далее. Я сам о нашей стране много нового для себя узнал из этих рассказов. К тому хорошему, что у нас есть, мы настолько привыкли, что даже не замечаем этого, воспринимаем как должное, а для американца оно кажется удивительным, необычным.

уки. Писателей называют совестью мира. Думаю, что в не меньшей степени это относится и к ученым. Понимают ли американцы, врачи, в частности, меру ответственности, лежащую на них?

— Уверен, большинство понимает. Часто я слышал от своих американских коллег такие слова: наша совместная работа должна вестись еще и потому, что она нужна для прогресса и мира на планете. Помню, как хирург Хэл Уолдман, прощаясь с нами, взволнованно говорил: «Это прекрасно, что дружба между русскими и американцами, несмотря ни на что, все-таки существует. Мы очень похожи, и мы должны быть друзьями». Многие могли бы сказать то же самое.

Надо заметить, американцы у себя на родине находятся в трудном положении. Американская пропаганда ежедневно льет столько грязи и лжи на нашу страну, что американцу весьма непросто бывает разобраться, где правда и где кривда. Прозреть он может, побывав в нашей стране. Вот почему так важны наши контакты. Уверен, что со мной согласны и мои американские коллеги.

Беседу вел Сергей ВЛАСОВ.

ЛЮБЛЮ ЖИЗНЬ

Юрий КАРЯКИН

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

А. С. Пушкин

29 января 1881 года (10 февраля по нашему стилю) на вечере памяти Пушкина, в день смерти поэта, Достоевский должен был произнести о нем речь и читать его стихи — «Пророк», «Подражания Корану», «Странник», «Из Данта» («И дале мы пошли — и страх обнял меня»; «Тогда я демонов увидел черный рой»).

Отыщем и перечитаем их сейчас, подумаем над этим его выбором, которому суждено было оказаться последним...

В воскресенье 25 января он внезапно и серьезно занемог, а в среду 28 января (9 февраля) скончался, в 8 часов 38 минут вечера.

10 февраля умер Пушкин, 9-го — Достоевский.

Странно, знаменательно и навсегда сошлись эти даты, эти имена.

...Достоевскому было почти шестнадцать, когда умер Пушкин. Почти шестнадцать лет они прожили вместе на этой земле, то есть могли встретиться. Мечта страстная, заветная — он мог видеть Пушкина живым, слышать его, спросить о чем-то... И смерть Пушкина была для Достоевского таким же страшным ударом, что и смерть матери.

«У нас всё ведь от Пушкина... Пушкин — знамя, точка соединения всех жаждущих образования и развития... Скажи мне одно слово (Пушкин), но самое нужное слово...»

Вот исторический факт, вот уже заслуга навсегда: никто так много не сделал для утверждения этих мыслей и чувств, как Достоевский. Всю жизнь он и прожил с ними. Здесь он был однолюб. Всю жизнь он и искал «самое нужное слово» и особенно ясно и пламенно сказал его 8 июня 1880 года своей речью при открытии памятника Пушкину в Москве, на Тверском. А в ночь с 8 на 9 июня подвез его в пролетке к Пушкину — с тяжелым лавровым венком, которым сам был увенчан днем, и возложил его к подножию — в одиночестве, в полутьме... Мгновение тихое, великое. О чем он тогда думал? Что чувствовал? Благодарил? Обещал? Набирался сил?..

А вскоре произошла встреча другая: 29 января (10 февраля) 1881 года, на вечере памяти Пушкина. Друг Достоевского О. Миллер говорил: «Нам приходится поминать не только Пушкина, но и Достоевского... Вот теперь, именно в это время, должен был бы приехать Достоевский и быть горячо приветствован нами...» Вместе с портретом Пушкина выставлен был и портрет Достоевского, обрамленный черным крепом...

Как привыкли мы к фразам: «Пушкин, Достоевский, Толстой не умерли, они только ушли в бессмертие свое...» О да, конечно. Они (как и Сервантес, Шекспир, Гомер) вроде бы и не умирали вовсе для нас, даже и не рождались, а всегда были и есть. Почему так? Не потому ли, что жили и умерли они не

Ф. М. Достоевский. Портрет работы В. Г. Перова. 1872 год. [Фрагмент].

при нас? «Ушли в бессмертие»... А сколько унесли с собой навсегда! А как не хотелось им уходить туда, в бессмертие это, из живой жизни своей. Пушкин и об этом сказал за всех: «Но не хочу, о други, умирать; Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...». А потом — Ахматова: «Но я предупреждаю вас, что я живу в последний раз».

И не хотелось им уходить туда не потому только, что не довзjali они от жизни, от людей, а потому больше всего, что не дали ей, жизни этой, недодали им, людям этим, нам, — всего, что жаждали, мечтали, могли отдать.

Как представить себе всю остроту, боль, всю безмерность этой потери?

Вообразить, будто Достоевский живет сейчас, здесь, среди нас, и вдруг — умирает?.. Или вспомнить его планы, наброски, оставшиеся неосуществленными?

«РОМАН О ДЕТЯХ, ЕДИНСТВЕННО О ДЕТЯХ И О ГЕРОЕ-РЕБЕНКЕ... Заговор детей составить

свою детскую империю. Споры детей о республике и монархии... Дети — поджигатели и губители поездов. Дети обращают черта...»
«Фантастическая поэма-роман: будущее общество, коммуна, восстание...»

Еще: «Житие великого грешника... огромный роман... Объемом в Войну и мир...»

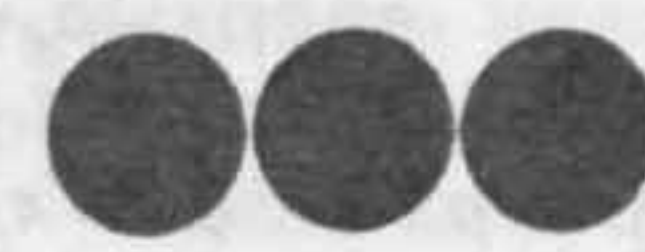
А такая вдруг блоковская молния: «Христос, баррикада...»

Планов таких — десятки, набросков — сотни. Ошеломляющих, грандиозных, ослепляющих. Знакомиться с ними — и такое впечатление, будто присутствуешь при первых днях творения целых художественных Вселенных. Или: будто смотришь из тогдашнего времени в будущее через какой-то фантастический телескоп, и — то пугающе туманно, то вдруг неправдоподобно резко — проступает даль XX века, даже второй его половины (а наверное, и дальше)... А впереди — главная часть «Братьев Карамазовых»: Алеша уходит в революцию и гибнет на плахе...

Перед нами словно наметки мировой литературы чуть ли не на целый век — больше! И десяти жизней Достоевского не хватило бы на осуществление этой программы. А все-таки, а все-таки...

ДЛЯ

ЖИЗНИ

Россия Достоевского. Луна
Почти на четверть скрыта колокольной.
Торгуют кабаки, летят пролетки,
Пятиэтажные растут громады
В Гороховой, у Знаменья, под Смольным...
Страну знобит, а омский каторжанин
Всё понял и на всём поставил крест.
Вот он сейчас перемешает всё
И сам над перевозанным беспорядком
Как некий дух взнесется. Полночь бьет.
Перо скрипит, и многие страницы
Семеновским припахивают плацем...

(А. А. Ахматова)

И вот его нет, а есть 50-тысячная процессия от Кузнечного переулка, через Владимирскую, Невский, к Александрово-Невской лавре, а потом — на Тихвинское кладбище при ней... «Похороны, вынос, вообще все эти дни были что-то никогда не виданное. В России никого так еще не хоронили...» (Из письма современника).

Иван Аксаков: «Достоевский умер! Потеря незаменимая!.. В нашей современной литературе это была чуть ли не единственная положительная сила, не растлевающая, не разрушающая, а укрепляющая и зидительная...»

Лев Толстой: «Достоевский был для меня дорогой человек и, может быть, единственный, которого я мог бы спросить о многом и который бы мне на многое мог ответить!.. Я его так и считал своим другом, и иначе не думал, как то, что мы увидимся, и что теперь только не пришлось... И вдруг... опоздал — только умер. Опора какая-то отскочила от меня...»

Никто не знал еще тогда его слов из записной книжки:

«О том, что литературе (в наше время) надо высоко держать знамя чести. Представить себе, что бы было, если б Лев Толстой, Гончаров оказались бы бесчестными? Какой соблазн, какой цинизм и как многие бы соблазнились. Скажут: «если уж эти, то... и т. д.»

Никто не знал и таких его слов: «Во мне много есть недостатков и много пороков. Я оплакиваю их, особенно некоторые, и желал бы, чтоб на совести моей было легче. Но чтоб я вилял, чтобы Федор Достоевский сделал что-нибудь из выгоды или из самолюбия — никогда вы этого не докажете и факта такого не представите... С гордостью повторю это... Направление! Мое направление то, за которое не дают чинов».

Какая здесь мощь, твердость — и молодость, какое достоинство и простодушие, а еще какая боль от непонимания, от нелюбви людской и какая тоска, мольба (так и оставшаяся молчаливой) о любви, понимании, помощи...

Никто не знал этих слов, но они были оплощены в его произведениях, в его жизни, и — услышаны, и — нашли отклик.

Как и недавние пушкинские праздники 1880 года, похороны Достоевского оказались проявлением какой-то неведомой еще в России духовной, общественной силы, вышедшей из официальных берегов и весьма напугавшей тогдашние «верхи»: все это стало для них расплатой за воровские похороны Пушкина (ночь; сани; гроб в рогоже; жандарм...). Среди поистине невиданной похоронной процессии преобладала молодежь. Она многое не принимала (а многое и не понимала еще) в Достоевском, но словно магнитом притягивалась к нему, доверяла неподкупности, искренности, прямоте его слова, стремилась к соединению страстной социальности с высшей духовностью. Было много казенных благонамеренных речей, но был и такой вызывающий ответ на вопрос из толпы: «Кого хоронят?» «Каторжника!» Были, конечно, церковные службы, а на студенческих поминках по нему юноша и девушка играли на двух роялях траурный марш из «Героической симфонии» Бетховена. Не Наполеона — Достоевского отыскала эта симфония.

Он писал: «Мысль, всё более меня занимающая, — где те пункты, в которых мы могли бы все, разных направлений, сойтись?»

Мысль — выстрадавшая, спасительная, хотя

сам он далеко не всегда был верен ей, сам «подрывал свое дело» (Салтыков-Щедрин).

Об этом же: «Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь...»

И вот еще та же мысль, мысль самокритичная, мысль, всю ценность которой мы в силах понять, может быть, только сегодня.

«И чего мы спорили, когда дело надо делать!.. Заговорились мы очень, зафразировались, от нечего делать только языком стучим, желчь свою, не от нас накопившуюся, друг на друга изливаем, в усиленный эгоизм вдались, общее дело на себя одних обратили, друг друга дразним, ты вот и отстал, ты вот не так общему благу, а надо вот так, я-то лучше тебя знаю (главное: я-то лучше тебя знаю). Ты любить не можешь, а вот я-то любить могу, со всеми оттенками, — нет, уж это как-то не по русски. Просто заболтались. Чего хочется? Ведь, в сущности, все заодно. Нашу же сами разницу выводим, на смех чужим людям... Ведь только чертей теми раздорами нашими!»

И ведь была же, была здесь основа основ, идея идей социально-духовного союза против чертей, сиречь бесов: «Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верою, что все наши девяносто миллионов русских, или сколько их тогда будет, будут образованы и развиты, очеловечены и счастливы... С условием 10-й лишь части счастливых я не хочу даже и цивилизации... мы, может быть, видим Шекспира. А он ездит в извозчиках, это, может быть, Рафаэль, а он в кузнецах, это актер, а он пашет землю. Неужели только маленькая верхушечка людей проявляется, а остальные гибнут (податное сословие для подготовки культурного слоя). Какой вековечный вопрос, и, однако, он во что бы то ни стало должен быть разрешен».

Смерть Достоевского (как и пушкинская речь его) примирила на мгновение самых непримиримых, примирила не только понятной, естественной скорбью самой смерти, но и вдруг открывшейся беспощадностью и неотложностью самых «последних», самых высших, таинственных вопросов духовного (оказалось — и физического) бытия человечества. А еще: люди как-то интуитивно поняли и физически, что ли, почувствовали, что гений нации — это ее высший цвет, ее величайшая гордость, ее дар и труд, это и есть не отложенный куда-то, но уже осуществленный, уже воплощенный, уже реализованный идеал, идеал национальный, народный, общечеловеческий. И пусть это было только мгновение, только момент, пусть его вскоре забудут, а самые веселые и осмеют, но, может быть, это и был момент прозрения, момент из тех, каких мало случается на веку, но ими тоже жива, и движется, и спасается живая жизнь, из тех, без которых горе и человеку, и народу, и человечеству. Вспомним, перечитаем «Сон смешного человека» — там ведь как раз и изображен подобный момент...

И эта идея примирения была тем желаннее, чем утопичнее казалась она самому же Достоевскому: «...если богатые не уступят вовремя, то выйдут страшные дела. Но никто не уступит вовремя, — может быть, и оттого, что уж прошло время уступок...» Ровно через месяц после смерти Достоевского, 1 марта 1881 года, был убит Александр II...

Да, Достоевский — воплощенное, живое и непримиренное противоречие, замолчать или смягчить которое — дело безнадежное, глупое и нечестное. Это факт. Но факт и то, что слишком долго имя его ассоциировалось со злобой дня. Это выражение — злоба дня — употребляется обычно в одном-единственном и, так сказать, положительном смысле: предельная актуальность. Но по своему происхождению оно означает ту дурную, суетную актуальность, означает ту злобу в буквальном смысле слова, что лишает спорящих сначала объектив-

ности, а потом, незаметно, и добросовестности.

Сколько исписано, наговорено об «ушибленности» Достоевского жизнью, о его чуть ли не мизантропии. Но вот стали известны его слова: «...несмотря на все утраты, я люблю жизнь горячо, люблю жизнь для жизни и, серьезно, все еще собираюсь начать мою жизнь. Мне скоро пятьдесят лет, а я все еще никак не могу распознать, оканчиваю ли я мою жизнь или только лишь ее начинаю. Вот главная черта моего характера; может быть, и деятельности». Только совсем недавно мне впервые понастоящему удалось приблизиться, может быть, к их пониманию как в внутреннею эпиграфа всего его творчества. Для этого понадобилось самое простое: поставить их в жизненный контекст, отдать себе отчет, когда они были написаны, отечанены: 31 января 1873 года. Только что, месяц назад, вышли «Бесы», а 5 февраля появляется «Бобок» — самые, казалось бы, «черные» его произведения, подобные «Капричос» Гойи или его же серии из «Дома Глухого» («Колосс», «Сатурн»...). Но, стало быть, и они созданы во имя «жизни для жизни». Стало быть, и они непостижимы без этого главного, поистине пушкинского ориентира, как и самый «черный» Гойя непостижим без солнца... И какая прекрасная ошибка, какая обаятельная оговорка: «Мне скоро пятьдесят...» — Достоевский просто не заметил (в непрерывной страстной работе), что ему уже за пятьдесят...

22 декабря 1849 года его вместе с другими петрашевцами должны были расстрелять на Семеновском плацу — и неожиданно помиловали. В тот зимний вечер он писал брату: «Никогда еще таких обильных и здоровых запасов духовной жизни не кипело во мне, как теперь... Ведь был же я сегодня у смерти три четверти часа, прожил с этой мыслию, был у последнего мгновения и теперь еще раз живу!.. Нет желчи и злобы в душе моей, хотелось бы так любить и обнять хоть кого-нибудь из прежних в это мгновение. Это отрада, я испытал ее сегодня, прощаясь с моими милыми перед смертью... Как оглянуться на прошлое, да подумаю, сколько даром потрачено времени, сколько его пропало в заблуждениях, в ошибках, в праздности, в неумении жить; как не дорожил я им, сколько раз я грешил против сердца моего и духа, — так кровью обливается сердце мое. Жизнь — дар, жизнь — счастье, каждая минута могла быть веком счастья... Ах! Кабы здоровье!..»

Перо скрипит, и многие страницы Семеновским припахивают плацем...

В моменте этом, может быть, и тайна его сил; точнее — в беспощадной памяти об этом моменте. А прибавьте сюда его болезнь, прибавьте то ежедневное (если не ежечасное) ожидание очередного приступа его болезни: ведь каждый (а их многие десятки!) был новой смертью — и новым воскрешением, новой казнью — и помилованием.

Он не сморгнул, глядя в глаза своей смерти, не сморгнул, глядя в глаза смерти всех, когда Солнце почудилось ему «мертвецом» (образ из «Кроткой»). Но порой он похож на человека, открывшего ядерную энергию и вдруг ужаснувшегося: а может ли ей быть только мирный исход?.. Не придется ли крикнуть: «Пять минут, всего, всего только пять минут опоздал!.. Опоздал!!!» (из «Кроткой» же).

У Достоевского не столько человек зависит от мира, сколько мир зависит от человека. Его беспощадность прежде всего, больше всего — беспощадность к себе: «Свет надо переделать, начнем с себя... Моя мысль, что мир надо переделать, но что первый шаг в том, чтоб начать непременно с себя... Знаете ли вы, сколь может быть силен один человек?»

Он повторял: дело надо делать на век и помнить, что в любую минуту можешь умереть. И писал он каждый раз так, будто это — самое последнее его дело, будто вся жизнь уже позади, будто прощался он с жизнью навсегда, прощался, благословляя, а не проклиная ее. И писал он каждый раз так, будто это и самое первое его дело, будто вся жизнь еще впереди. «Все мое сердце с кровью положится в этот роман... Вся моя будущность» — так говорил он едва ли не о каждом своем произведении и почти всегда с запальчивым добавлением: «вся моя

прежняя литературная карьера — была только дрянь и введение» (это о «Записках из мертвого дома», о «Преступлении и наказании», об «Идиоте»...).

Наверное, можно сейчас сказать о возрождении, о какой-то новой жизни нашей классики XIX века: настоящее открытие заново, читаем, как впервые, и не перестаем удивляться, насколько мы богаты. Но, может быть, самое прекрасное в том, что великие писатели наши воздействуют на нас не только литературно, художественно, не только героями своими, но и самими собою — как живые личности, своей жизнью в целом. Происходит как бы их воскрешение.

Достоевский писал о задаче «изобразить положительно прекрасного человека»: «Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение положительно прекрасного — всегда пасовал. Потому что это задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал — ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался...»

Эту мысль можно было бы оспорить: а Пушкин? А несравненный пушкинский Моцарт? А, главное, лирический герой всей его поэзии?.. Эту мысль можно было бы оспорить, если бы ее не оспорил фактически уже сам Достоевский. Еще Гоголь сказал: Пушкин — это русский человек, каким он станет через 200 лет... Неизвестно, впрочем, как отнесся бы к этим словам сам Пушкин — сострил бы, наверное, гениально-грустно (кстати, 150 лет уже почти прошло — три четверти отмеренного срока)... Но и Достоевский был буквальный одержим этой идеей: Пушкин как реальный положительный герой русской истории, именно как не отложенный идеал прекрасного. И вот еще малоизвестный и драгоценный факт. Раздумывая над «Житием великого грешника», Достоевский записал: «Монастырь. Там отец Тихон. Тут же в монастыре посажу Чаадаева... К Чаадаеву могут приехать в гости и другие, Белинский наприм., Грановский, Пушкин даже...» Дух захватывает от этой идеи. Какие умы, какие души столкнулись бы там, в каком-нибудь трактире или в монастырской трапезной...

И рождается вдруг мысль: да не являются ли те, кто столь страстно, мучительно, трагически искал положительного героя, не являются ли они сами такими героями? Ведь действительно, эти писатели России — не просто писатели, а пророки в чисто пушкинском смысле слова, титаны духа. Мойка 12, Михайловское, Болдино, Ясная Поляна, гоголевский дом на Никитском, наемные угловые квартиры Достоевского — не здесь ли совершались настоящие, небывалые духовные подвиги?

Мы справедливо говорим о долге личности, художника перед обществом, народом, человечеством. Но ведь есть и долг общества, народа, человечества перед личностью, художником, перед своим гением. В отношении Достоевского это прежде всего долг понимания (а не славословия). Только понятый Достоевский дает и истинную свободу критического суждения. Только понятый — мирит людей, не понятый — ссорит и еще больше — злобит. Но только сейчас, по мере завершения его полного собрания сочинений в 30 томах, мы и получаем наконец полную возможность убедиться: на какую совесть человечество было бы беднее, на какую силу жизни слабее — без Достоевского! И мир, который несет понятый Достоевский, это мир, основанный не на усталости, не на беспринципности, а вот на чем: ведь в конце концов он, Достоевский, хотел спасти человека на этом свете, для этого света, спасти не иначе, как одухотворением, не иначе, как высшим порывом, подвигом.

Никогда я так остро не чувствовал это, как год назад, в Кампучии. Не раз, насмотревшись за день страшных картин и наслушавшись еще более страшных рассказов, мы вспоминали Достоевского, особенно «Бесы».

У меня и сейчас звучит в ушах одна и та же фраза на многих языках — от кхмерского до английского, но с одной и той же интонацией, интонацией неопишуемой горечи и какого-то испуганного восхищения, фраза, которую я слышал там, в Кампучии, от всех, кто вспоминал или впервые узнал «Бесы»: «Не может быть! Не может быть! Откуда он это знал?!» А я вспомнил еще, как, работая в журнале «Проблемы мира и социализма» в начале 60-х годов, слышал от одного мабиста, что: «Лучше бы «Бесов» не было» и что роман этот «никогда не будет переведен на китайский» (пока он действительно не переведен). — Пре-

восходная оценка романа: его боятся, как огня. Зачем переводить, например, такое: «Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями... мы всякого гения потушим в младенчестве...» Чем не полная программа «культурной революции»?

Больше ста лет назад критики подсчитали, что в «Бесах» — 13 смертей (семь убийств, три самоубийства, три человека умерли своей смертью) и три-четыре сумасшествия. Подсчитали — и возмутились: сплошное, дескать, кладбище и сумасшедший дом! Клевета на человека, человечество, клевета на действительность!.. Простой статистике XX века эти прекрасноречивые критики не поверили бы, наверное, ни за что. Не поверили бы, что будут такие судороги, когда число убитых будет намного обгонять «естественную смертность», которая покажется недостижимым даром, что графа «смертность» окажется слишком неопределенной (расстрел? тюрьма? голод? страх? горе?..). Не поверили бы, что число убитых будет порой превышать самое большое число уголовных преступников всех других разрядов, что профессия палача станет массовой...

Ко многому, однако, привыкли люди XX века... Но три миллиона погибших из восьми? Три миллиона в основном за три-четыре года?

Это «всего» 0,066% от 4,5-миллиардной населения нынешней Земли — все подсчитано! «Процент! Славные, однако, у них словечки: они такие успокоительные, научные. Сказано: процент, стало быть, и тревожиться нечего» (из «Преступления и наказания»). Но это 37% народа Кампучии. Это 100% для этих трех миллионов, не больше, не меньше.

А я думал: откуда он, Достоевский, предвидя такое, находил в себе силы (и тем большие, чем яснее предвидел) работать? И другого ответа, чем такой, я пока не умею найти: он, правда, на самом деле — любил людей, любил жизнь, а потому и был беспощаден к себе. «Сострадание есть главнейший, а может быть, единственный закон бытия всего человечества» (из «Идиота»).

Достоевский негодовал: «Мы видим доблесть в даре одно худое видеть, тогда как это одна лишь подлость... Самоуважение нам нужно, наконец, а не самооплевание».

Осмелюсь добавить: самоуважение нам нужно, а не самовосхваление. Это нужно и в отношении нашем к самому Достоевскому — это же есть отношение к себе, к своему.

9 февраля, как и 10-е, — вечно памятный для нас день. Это тоже день великого всенародного сиротства, день скорбного и позднего прозрения, но все равно — день святой, просветляющий.

Память — совесть, потому что совесть — это совесть (со-весть). Весть от человека к человеку, от людей к людям. О беде, вине, о помощи и счастье. Через жизнь и смерть, через любое время и пространство.

Совесть — память, память о всем худшем и лучшем в нас, позади и — впереди. Стало быть, совесть — это культура.

Какой-то гитлеровский бес выразился: «Совесть — химера, унижающая человека». Какой-то другой: «При слове «культура» моя рука хватается за пистолет»... А все-таки: больше всего на свете они боялись, подло, смертельно боялись, — совести-культуры.

Память. Совесть. Культура. Жизнь. Это, в сущности, одно и то же.

М. Цветаева — из ее детских впечатлений: «Памятник Пушкина был не памятник Пушкина (родительный падеж), а просто Памятник-Пушкина, в одно слово, с одинаково непонятными и порознь не существующими понятиями памятника и Пушкина...»

А. Блок: «Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин...»

Но верно и другое: с юношеских лет, а то и позже, нашу душу, совесть, память нашу начинает тревожить угрюмое имя: Достоевский.

Но еще вернее: понимание их кровного духовного родства.

Пушкин: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

Достоевский — подписывается: «Да здравствует солнце, да здравствует жизнь...»

«Жизнь есть то же художественное произведение самого Творца, в окончательной и безукоризненной форме пушкинского стихотворения...»

Гениальная еретическая проговорка: ведь не просто творение уподобляется пушкинскому стихотворению, а главное: не Пушкин меряется по Творцу, а сам Творец — по Пушкину! Такого еще не бывало...

И, быть может, когда-нибудь против нынешнего «Памятника-Пушкина» на Тверском будет стоять и «Памятник-Достоевского»: как много вдвоем они скажут нашим сердцам.

В. ЕНИШЕРЛОВ

В 1846 году Белинский, прочитав рукопись «Бедных людей», попросил немедленно найти автора и, когда Достоевского привели к нему, воскликнул: «Да вы понимаете ли сами-то... что вы такое написали!.. осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы нам указали? Не может быть, чтобы вы в ваши двадцать лет уже это понимали... Вам правда открыта и возведена как художнику...» И вот уже почти полтора столетия разгадывает человечество «загадку» Достоевского, пытаясь постичь глубину и значение Слова, сказанного им. Poleмика вокруг произведений писателя не затихает никогда, разное и по-разному писали о нем, «pro» и «contra» не умолкали — и объявляли его творчество философией «подполья» и «свидригайловщины» и возносили едва ли не до вершин божественных откровений. Великие книги Достоевского рождают в каждом новом поколении свой отзвук, вызывают новые исследования, стремящиеся приблизиться к разгадке «сфинксовой» проблемы гения, погрузиться в духовные глубины мира Достоевского. Быть может, лучше всех сформулировал сложность проблемы сам он в речи о другом российском гении. «Пушкин, — скажет он незадолго до смерти, вкладывая, думается, в эти слова мысль не только о Пушкине, но и себе самом, ибо всю жизнь, и особенно в конце ее, постоянно сверял себя и слова свои с этим идеалом, — Пушкин... бес-

ВЕЧН

спорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем». Нельзя не согласиться с такой трактовкой известной мысли «Пушкинской речи», высказанной Юрием Селезневым в исследовании «В мире Достоевского». Эта книга — рассказ о Достоевском, художнике и мыслителе, — открывает во многом новые пути к познанию великого писателя, автор пытается осмыслить мир Достоевского, вскрывая логику его мироотношения, в достижениях его и заблуждениях; стремится приблизиться к истокам духовного мира гения, отчетливо сознавая всю неизменность явления, имя которому — Достоевский.

Почему же нам, людям, столь по времени отдаленным от эпохи Достоевского, так притягательны именно те проблемы, которые открывал он? Отчего именно борьба «за» или «против» Достоевского отражает уровень и напряженность «духовно-нравственных, идейно-мироотношенческих исканий» нашего времени? Дело в том, считает автор книги, что Достоевский принадлежит не столько прошлому, сколько будущему, природа его художественно-идеологического сознания такова, что творчество его «пропорционально будущему». Недаром один из самых пронизательных идеологических оппонентов Достоевского, Салтыков-Щедрин, признавал, что «по глубине замысла, по широте задач нравственного мира, разрабатываемых им, этот писатель стоит у нас совершенно особняком. Он не только признает законность тех интересов, которые волнуют современное общество, но даже идет далее, вступает в область предвидений и предчувствий, которые составляют цель не непосредственных, а отдаленнейших исканий человечества».

Ю. Селезнев не ставит задачу рассказать обо всех сторонах жизни и творчества Достоевского. Исследователь выделяет ключевые, по его мнению, а по сути и объективно важнейшие проблемы, вводящие современного читателя в мир Достоевского, размышляет о по-

Юрий Селезнев. В мире Достоевского. М., «Современник», 1980, 376 с.

истине «живой жизни» его книг. И за всеми рассуждениями автора ощущается твердое убеждение в совершенно особом качестве русской литературы XIX века. «Слово было, — утверждает он, — не просто литературно-художественным словом, но словом-деянием». Несомненно, исключительно важна именно эта исходная точка зрения при анализе творчества Достоевского. Суть дела не только в том, что писатели XIX века активно вмешивались публицистическим словом в текущую жизнь (вспомним статьи Толстого, «Дневник писателя» того же Достоевского), а в том, что, по убеждению последнего, слово было жизнеобразующим и возрождающим человека чудом. «Слово, слово — великое дело!» — не переставал утверждать писатель. В слове Достоевского заложено, полагает Ю. Селезнев, приближение к его тайне, древней, как мир, ибо «через Слово человек осознал себя Человеком: творцом, а не тварью; творящим, а не только сотворенным». Поэтому Достоевский и считал литературу особым явлением, реальной силой, способной пересоздать жизнь.

Автор книги лишь прикасается к биографии Достоевского постольку, поскольку это необходимо для исследования его духовного мира. И все же есть страницы в этой работе, которые обещают нам в будущем интересное новое жизнеописание великого писателя. Психологически точно и художественно убедительно создает Селезнев сцену казни петрашевцев. «Сначала была Голгофа. Он стоял на эшафоте, ослепленный после томительных месяцев угрюмой одиночки серостью зачинающегося петербургского утра 22 декабря

особую радость Достоевскому доставили слова Л. Н. Толстого, писавшего Н. Н. Страхову: «Я много забыл, перечитал и не знаю лучшей книги изо всей новой литературы, включая Пушкина». Внимание Достоевского к мнению Толстого не было случайным. Ю. Селезнев достаточно подробно рассматривает имеющую давнюю литературоведческую традицию тему «Толстой и Достоевский». С тех пор как Д. Мережковский в своей известной работе отнес писателей к разным полюсам, определив Толстого «тайновидцем плоти», а Достоевского «тайновидцем духа», многие их истолкователи в большей или меньшей степени следовали этой формуле, которую, кстати, сам автор позднее скорректировал. Ю. Селезнев отмечает тенденцию к фактической подмене проблемы «Толстой и Достоевский» на «Толстой или Достоевский» у самых разных исследователей, но сам он стремится показать реалистическую общность мышления обоих писателей, разную, однако, выраженную в формах конкретного проявления реализма. Реализм Толстого исследователь относит к категории эпического, реализм Достоевского — фантастического. Сама по себе идея не нова, но развивает ее Селезнев оригинально, акцентируя внимание прежде всего на этических истоках мировоззрения Толстого, считавшего, что добро «есть вечная, высшая цель нашей жизни», и эстетических Достоевского, свято верившего, что «красота спасет мир». Опираясь на эти положения, Селезнев обращается к двум великим произведениям русской литературы — «Войне и миру» и «Преступлению и наказанию» и показывает, что оба романа выражают два лика, но единого мира,

делит его вывода: «Полярность художественных видений обоих писателей — явление глубоко закономерное и... отрадное, говорящее о бесконечности возможностей художественного».

Вслед за самим Достоевским Ю. Селезнев возводит его «фантастический реализм» к «Пиковой даме» и той ветви пушкинского творчества, которая представляет «верх искусства фантастического», — «Медному всаднику», «Египетским ночам». В книге интересно рассматривается эволюция романной формы в прозе Пушкина, наследуемая Достоевским, который «шел к созданию оригинальной формы своих великих романов, начиная с «Преступления и наказания», не столько от западных образцов авантюристического романа... но и от более близких и дорогих ему истоков пушкинской прозы, и через опыт ее осмысления в романе Лермонтова». Думается, что такая попытка проследить генезис творчества Достоевского крайне плодотворна. И не случайно возникает в книге имя Чехова, «емкий образ» которого также восходит к Пушкину. Чехов, многое почерпнувший у Достоевского, одним из первых понял его связь с Пушкиным. «Достоевский, — писал Чехов, — начал... в царствование Белинского и Пушкина (последний ведь имел на него громадное, подавляющее влияние)...»

Романы Достоевского насыщены фольклорной и религиозной символикой. Эта область его поэтики, несмотря на ряд появившихся в последнее время работ, наименее изучена. Рассматривая полифонию романов Достоевского, критик делает ряд очень тонких и важ-

Ы Й С П У Т Н И К

1849 года. Самого обычного для всех, последнего и теперь уже — наверное — для него. До смерти оставалось несколько минут. Троиц уже привязывали к столбам... Он стоял на эшафоте, и жить ему оставалось считанные минуты. А «кругом народ, крик, шум, десять тысяч лиц... — все это надо перенести...» Чем же была для Достоевского каторга, которой заменили в последнее мгновение казнь? Ю. Селезнев убежден, что к истине, которую нашел писатель, он пришел через страдание. Но отрекся ли Достоевский на каторге от своих прежних убеждений, как утверждают некоторые его толкователи? «Ни годы ссылки, — писал сам он, — ни страдания не сломили нас, и наши убеждения лишь поддерживали наш дух сознанием исполненного долга». На каторге Достоевский пришел к народной правде, и в этом суть его возрождения. Вера в неисчерпаемые силы русского народа, в его будущее, в великое предназначение России открылась писателю в страшной муке каторги. Селезнев убедительно доказывает это, внимательно рассматривая «Записки из мертвого дома». Это произведение привлекает современных исследователей и своей поистине новаторской формой. Ведь сейчас, когда документ, факт играет все большую роль в художественном творчестве, особенно отчетливо видно, что Достоевский в «Мертвом доме» дал разительный пример органического включения документа в целостность художественного текста. И здесь весьма существенно теоретическое рассуждение критика о проблемах пространства и времени, входящих в самое существо мировоззрения Достоевского. Рассматривая психологизм пространства и времени как способ раскрытия внутренних движений характера, исследователь приходит к принципиально важному выводу, что если «Записки из мертвого дома» по силе художественной убедительности часто сравнивались с дантовским «Адом», то причину тому следует искать не только в «потрясающих фактах, но и в их художественной организации».

Из многих откликов, которые вызвали у современников «Записки из мертвого дома»,

а суть их различия в отношениях авторов к высшим ценностям — «по преимуществу этических у Толстого и эстетических у Достоевского». Чтобы понять диалектику внутреннего притяжения-отталкивания миров обоих художников-мыслителей, Селезнев вводит конкретную и точную формулу, определяющую их отношение к идеалу: «оба подозревали в себе дар пророчества. Но и в этом они были разными: Достоевский ощущал себя как бы устами, произносящими «слово божье»; Толстой — соперником бога по сотворчеству». Это подтверждается словами и самих писателей. Так, Достоевский не раз говорил, что лучше остаться с идеалом, если и понята его ошибочность, чем даже с истиной; Толстой же относился к проблеме иначе: «Прежде я не решался поправлять Христа, Конфуция, Будду, а теперь думаю: да, я обязан их поправлять, потому что они жили три — пять тысяч лет тому назад». Именно здесь исток того типа сознания, который лежит в основе произведений Толстого, устами которого, как заметил В. И. Ленин, «говорила сама многомиллионная масса русского народа», и Достоевского, в чьих книгах звучит «слово народу и миру о них самих». Следуя за критиком в глубь миров великих писателей, мы все более убеждаемся в аргументированности и оригинальности его рассуждений. Представляется, что Ю. Селезневу удалось, не разрушая целостности этих миров, вскрыть глубокую генетическую основу их различия и в то же время доказать, что «это такие две противоположности, говоря словами Достоевского, между которыми «располагается весь... смысл... человеческого бытия». В конечной точке единство Л. Толстого и Достоевского можно определить словами А. К. Толстого, говорившего, что «сущность искусства есть высшая красота или высшая правда, что одно и то же». Позже эта мысль была развита Блоком в его рассуждениях о вершинах культуры, на которых подают друг другу руки, казалось бы, извечные враги — «красота и польза». Мы не будем рассматривать здесь всех доводов критика, с некоторыми из них можно полемизировать, но нельзя не раз-

ных наблюдений над фольклорной стихией и религиозной символикой, мерой и формой их отражения у писателя. В этом видится еще один путь приближения к «тайне Достоевского», а в данной работе и к одному из сложнейших его романов — «Бесам». Критик открыто полемизирует с исследователями, видевшими в «Бесах» главным образом памфлет, пародию на революционеров и революцию. Исследуя осужденную еще Марксом и Энгельсом «нечаевщину», которую писатель определял как «бесовство», Достоевский никоим образом не ставил знак равенства между «бесовством» и «революционностью». В своем романе он вскрыл тип сознания, в котором провидчески угадал, замечает Селезнев, такие будущие античеловеческие воплощения XX века, как, например, фашистский национал-социализм. «Уже одно это предвидение «будущих итогов настоящих событий» не дает нам права рассматривать роман «Бесы» как памфлет на революцию», — пишет критик.

«Будем, во-первых и прежде всего, добры, потом честны, а потом не будем никогда забывать друг о друге...» Эти слова Достоевского из «Братьев Карамазовых» лежат в основе нравственной концепции его учения. Ю. Селезнев не случайно взял их эпиграфом к эпилогу своей книги, в которой описывает смерть гения. Ведь здесь сконцентрирована и «слезинка ребенка» и «красота, которая спасет мир» — все то, ради чего жил и умирал в каждом своем слове великий художник-мыслитель.

В судьбе и делах Достоевского сбылись слова древней притчи, высеченные на памятнике над его могилой: «Истинно, истинно говорю вам, если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода». С достойной страстностью написанная Ю. Селезневом книга о писателе-пророке не только приближает читателя к постижению «тайны Достоевского» и намечает перспективы дальнейшего углубленного изучения его наследия, но и действительно утверждает значение Достоевского в русской национальной и мировой общечеловеческой культуре.

Ш Л

А В

Н Ш

Дмитрий ХОЛЕНДРО

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

4

Она выпуталась из марли и в палатке остановилась у самого входа, на полшага сбоку. Эти полшага в сторону автоматически сделала, стараясь, как всегда, не мешать никому. Но даже Марасул не возвращался. А комбат сидел на раскладном, вроде бы из негнущегося брезента трофейном стуле, спиной к ней. Он только что вытер и спрятал в ящичек бритву, к которой относился с нежностью, и оглянулся. Был он бледен, несмотря на лампочку, алая густота которой лежала как бы отдельно от его щек. Может быть, ее отпугивал броневой запах тройного одеколлона?

— Ехать надо, — сказала Ася, — пока не поздно. В госпиталь.

— Придумала! Короче: я не слышал!

— А я и температуру мерила.

— Не ври, — устало отмахнулся он. — До расвета я по дамбе лазил, а после дрых весь день. Она мерила! Когда?

— Вы меня еще мамой Галей называли. Вон и термометр.

Он схватил градусник с табуретки и рывком стряхнул.

— Два года я не был в госпитале. Не мочь мне голову!

— Кричите, точно я виновата.

— А кто виноват? Дохлый комар?

— Живой.

— Докажу тебе, что здоров! — весело сказал он.

Она подумала: «Сейчас вцепится в плечи, крутанет и, как всегда, вопьется в губы, расстегнет пуговку на гимнастерке». И уперлась ладошкой в его неохватную грудь.

— Что такое? — неожиданно мирно спросил он.

— Хотите умереть со мной на топчанах?

— Нет, что такое? Вы, вы! Кроме нас, никого не вижу. Что такое? — потешался он, и горячие толчки его дыхания обдавали ее лицо.

— Укушу! — пригрозила она. — У меня, между прочим, пистолет!

— Ух ты!

— Закричу сейчас, — догадалась она о том, что действительно ему было совсем ни к чему.

И он толкнул ее на брезентовый стул, а сам, не устояв на ногах, с размаху плюхнулся на край топчана.

— Ладно, — в безнадежной слабости сказал он.

— Я сама вас отвезу, хотите? — с неожиданной лаской предложила она. — Недели через две вернетесь.

— А плавни уже будут пустые!

— Правда?

— Пока только чувствую.

— А-а-а... Но вы до этого свалитесь и не встанете. Знаете, что у нас творится.

Плавни доканывали батальон. Ноги у солдат покрывались нарывами, сапога не натянешь. Я натянешь — не закроешь этих гнойных бугров. Они выскакивали на боках, под мышками, на шее... Больных отсюда отправляли не реже, чем раненых.

— Ты меня со всеми не равняй, Асенька... Я быстрый, даже болею быстро. Завтра уже буду на ногах.

— Хоть плачь, хоть смейся! У нас одна соседка во дворе так говорила.

— Где у вас?

— В Таганроге. У меня и мама там.

— Кто же увез тебя от мамы? Храбрый воин?

— Нет.

— А как было?

— Из нашей школы ансамбль на уборку хлеба отправили. Ездили мы с охотой, пели, танцевали.

— Понятно.

— Тем летом, как раз в уборку, немцы повалили на Сталинград. В Таганрог мы уже не возвратились.

— Бабочки, без дыма спаленные.

— Хоть плачь, хоть смейся!

— Но мы с тобой еще спляшем! Только... тут... плясать негде. Твердой земли нет! Как выйдем на твердую землю, так и сразу... Это я тебе обещаю, Ася. Пыль встанет. Я давно уж не видел пыли.

— А Колпак сейчас об этом стихи читал, — задумчиво сказала Ася. — И ни могил и ни следа, одна вода, одна вода...

— Откуда это он такие стихи выкопал?

— Сам сочинил. А политрук Агеев собрал солдат послушать.

— Разыгрываешь? Все с ума посходили! На час заболеть нельзя, а ты — уехать. Нет тут места для стихов!

— А какое им место нужно, Марат? Никакого, кроме сердца.

— Хм!

— Странно видеть цыгана, не любящего стихи. Право слово, как говорит Колпак. Цыгане поют. А где песни, там стихи.

— Я нынче по национальности комбат. Понятно? На войне одно годится — стрелять. Понятно? Вот и все стихи. А поэтишков надо давать. Как комаров.

— И мне понравилось.

— Тогда и тебя давить! — Романенко развел руками. — Потому что стихи, любовь, все, что мешает войне, — это разврат, Ася. Уж поверь мне! Понятно?

Легко ему жить! Все понятно. И сразу.

— А у меня — урожай, — назло ему сказала Ася. — Стихи по душе. А перед этим один человек в любви признался.

Она похвалилась тихонько и обомлела. А Романенко выпустил длинную струйку воздуха сквозь стиснутые толстые губы, точно зашвырнул. Пиявки его бровей сползли.

— Расстрелять Агеева за воспитание личного состава! Куда он смотрит?

А сам вглядывался в ее лицо — другое, неузнаваемое, изменившееся. Ее глаза смотрели на него в ответ с превосходством, и, без того большие, они стали еще больше от переполненности светом, от какого-то неограниченного простора в них. Их затопляло помидорное свечение лампочки, под которой Ася сидела, но неистребимая голубизна трогательно оживших глаз проступала даже сквозь него: оно было подделкой, свечением от аккумулятора, а из глаз ее свет вырывался, как дух. И этот свет обрисовал вдруг все, на что раньше не хватало внимания: тонкие ноздри маленького носа, выточенные ушки, еще не знавшие сережек, поэтому казавшиеся беззащитно детскими в своей оголенности — двух-трех заколок хватило на мальчишески короткие волосы. На ее бесцветных, будто бы вылинявших щеках впервые улеглись пятнышки румянца. Ну, это уж от лампочки, конечно...

— А если и я тебя люблю?

Он опять встал и протянул к ней руки.

— Не прикидывайся.

— Я всегда молчал, Ася, потому что... лучше молчать. Отвоюемся, тогда и будем любить, рожать детей...

— У тебя есть сын.

— Так поэтому...

— Поэтому я тебе, может быть, завидую! — перебила Ася.

Он медленно и осторожно вздохнул, садясь. — Кошмар, какие у тебя большие глаза! Цыганские, я думаю, по величине. Я уж не помню, правда...

— А что ты помнишь из цыганской жизни? — спросила она.

— Разве как колеса скрипят. У каждой телеги — свой голос. В общем, цыганский хор на дороге.

— Мне одна цыганка гадала: «Дай руку, красавица».

— Не ошиблась.

— Напророчила, что счастливая буду.

— Тоже не соврала. Жива, любима! Чего тебе еще?

— Ты даже не спрашиваешь, что я услышала... И от кого. Почему ты не спрашиваешь?

— У меня с солдатами и командирами чистые отношения.

— Только пусть ведут себя как положено?

— Ха-ха!

Волосы по бокам его головы раскинулись, как крылья коршуна. Красные глаза выкатывались из-под толстых и черных бровей.

— Оскорбить цыгана — смертельное дело, — благодушно сказал он, и тут на щелястом столе зазуммерил телефон.

Раньше чем комбат поднялся с топчана, из коридора вынырнул и, оценивающе поворачивая головой, втиснулся в палатку еще один величественный солдат, дежурный связист. Как его только выдерживали зыбкие здешние «сушки», никому не ведомо. Меж тем связист уже гаркал в трубку:

— Я — Фиалка! Слушаю, Сирень. Фиалка слушает!

Над бессмертной, никогда за всю историю земли не просыхавшей грязью порхали самые цветущие позывные. Комбат стоял на ногах и уже тянул руку за трубкой. Сирень — это полк.

— Слушаю. Здравствуй... Одобряете? Есть! На сто процентов. Командир у них дельный... Я его еще на Протоке хотел к ордену... Как чувствую себя? Я всегда себя прекрасно чувствую. Есть! — еще раз отозвался он, и Ася поняла, что он говорил с «первым», с командиром полка, и, судя по его подчеркнутой подобранности, по чеканности кратких ответов, о чем-то важном, потом вернул трубку связисту и постоял невидяще, глаза были уже где-то в другом месте.

А когда связист, спросив разрешения, ушел, Романенко погрозил Асе пальцем:

— Ни бойцам, ни офицерам, ни генералам, ни маршалам... короче — никому...

— Что?

— Ни слова об этом комаре. Ступай! — И прибавил, когда она была уже у выхода: — Лейтенанта Зотова ко мне!

— Зачем? — спросила она, собрав в пальцах повлажневшую марлю первой шторы в противокомарином коридоре.

Он достал из ящика стола свой планшет, раскинул, открыв схему района, проглядывающую цветными линиями, зубцами, кружочками сквозь желтую слюду, и выпрямился.

— Рядовой Панкова! Меня не спрашивают, зачем. Лейтенанта... Постой! Это Зотов? Он давно на тебя посматривает. Еще с Протоки. Влюбился, значит?

— Ну и что?

— А может быть, и ты его любишь?

— Ну и что?

— А я вот сейчас скажу Зотову про тебя!

— Ну и что?

— Сюда его!

— Есть!

Продолжение. См. «Огонек» №№ 4, 5.

Ф. Якупов. Род. 1951. КЫЗЫЛ-ТУЙ (ВСТРЕЧА). 1979.

VI республиканская художественная выставка «Советская Россия».

В. Петров-Маслаков. Род. 1930. РОМАНТИКИ. 1980.

VI республиканская художественная выставка «Советская Россия».

Ему бы склониться к планшету, а глаза все еще сурово следили за Асей, и ей вдруг стало жалко комбата по самому простому и безошибочному поводу: он болен. Но это была бесполезная жалость, когда помочь совершенно нечем, потому что самую понятную помощь он воспримет как предательство, а она не могла никого предать. Оставалось надеяться, что комбат сам отобьется от малярии и злобный комар как бы отлетит от него хоть на время. Другие воли вступали в дело.

— Марасулов! — крикнул комбат, но не дождался ответа. — Увидишь — пришли. Или нет. Агеева ко мне, сейчас же.

— Агеев уже здесь, — послышался из меркнувшей в отдалении глубины коридора знакомый голос. — Что за срочность?

— Садись, скажу, — предложил Романенко, когда Ася оставила их, и новая охапка лягушачьих голосов, которыми разоралась ночь, зашвырнула в палатку. — Идея наша — моя и Зотова, вернее, Зотова и моя, — создать плавающую минометную батарею — поддержана. Что это значит?

— Будем делать минометную батарею на плоту.

— Не понял, Саня, — с досадой сказал комбат. — Не для того мы будем делать батарею, чтобы прятаться. Нет! Сделаем и сразу — в серьезный бой! Короче: сегодня сделали, а завтра...

— Наконец-то!

— Дошло! И чтоб никто не пронюхал про нашу батарею заранее, чтоб, как это говорится, и комар носа не подточил! Собирай солдат, Саня, и пусть распевает песни, как от нечего делать, а Колпак им стихи читает. Пусть!

— Зря смеешься. Он, по-моему, сильный поэт.

— Верю. Короче, со стихами ясно. А вот сейчас придет Зотов... Я обещал ему, что в бою у него будет лодка для подвозки мин к плотам. А лодки нет!

— Слышал в политотделе разговор: лодки привезут чуть ли не из Краснодара! Попроси!

— Не дадут нам!

— Почему?

— Потому что и плавни, Саня, разные. Есть большие «сушки», почти земля. С тропами, почти дорогами! А есть одно болото, это у нас. Камыши немец выжиг, потопит на воде, как мальчишек. Я просил, а мне говорят: вы уже три плоскодонки потеряли! Бесперспективные мы. Из болота нас вытаскивать будут после всех. Сиди и жди, короче. Я еще попрошу, конечно, но...

— На бога надейся, а сам не плошай!

— Точно. Рябинин был моим богом, Саня! Имел задание — взять у немца лодку. Разыскал лодочную стоянку в большом лимане за их дамбой, там есть заводь и там... А где Рябинин? В госпитале! Малярия!

— Лодка будет.

— Кто поведет разведчиков? Командиров в обрез, и у каждого свое дело.

— Есть один бездельник. Я.

— Саня!

— На политработу я пришел из разведки...

— Санечка! Но...

— Что тебе сейчас нужней всего? Лодка.

Короче, сколько времени дашь?

— Зотов поедет в станицу за бревнами для плотов на три дня. Значит, вот и весь запас у разведчиков. Но Саня!

— Не спорь.

Романенко помолчал и вдруг, шмыгнув носом, поднял голову со смеющимися глазами.

— Знаешь, как закончим эту кампанию, я тебе бурку подарю. Мне Гогоберидзе обещал, но... Есть же ведь еще у нас грузины в батальоне, будет и бурка. Выйдем на эту косу у Черного моря, ее почему-то Чушкой величают... Ты видел Черное море?

— Нет.

— Красивое. И я подарю тебе бурку!

— Да зачем она мне?

— Как зачем? Сфотографируешься! И пошлешь фото в бурку и кубанке... Есть кому послать?

— Лучше выполни одну мою просьбу.

— Хоть десять! Короче.

— Оставь Асю. У нее появился парень.

Романенко задергал верхней губой, с которой час назад сбрил наметку черных усов, Агеев же не спускал с него глаз, но так и не

услышал в ответ ни слова. Лейтенант Зотов, появившийся в коридоре, спросил из-за его спины разрешения войти.

— Подождите на улице! Пожалуйста, — поспешно попросил Агеев. — Я позову.

Шаги Зотова, которые они прозвали за разговором, а теперь слушали, пропали в лягушачьем хоре, и комбат принялся за самокрутку, а замполит вполголоса сказал:

— Они молодые, Ася и тот парень. Не то что мы! Это настоящее... Может быть...

— Давай заниматься делом! — рассерженно перехватил комбат. — А это личное!

— Значит, не дело? Времени у нас хватит, ночь впереди. Вы же не думаете посылать нас без промедлений. — В такие минуты он переходил на «вы», чтобы держать себя в руках.

— Зотова сейчас же, — сказал Романенко и так настойчиво взгляделся в Агеева, что тот добавил:

— Не спрашивайте меня, что это за парень с Асей рядышком сидит и боится ее за руку взять. Хороший парень, а кто — я не скажу. Да это и не имеет значения.

— Я и не спрашиваю, — проговорил комбат равнодушным голосом. — Это Зотов.

— Ну и знайте. — И Агеев тоже потянулся за табаком.

Комбат неподдельно расхохотался, пока Агеев, повысив голос, не остановил его:

— Совесть-то твоя где?

— Надоел ты мне, — горестно пожаловался Романенко.

— Оставь Асю. Потом будешь...

— Вспоминать тебя добром?

— Зачем меня? Себя самого. И у меня еще вопрос. Сколько разведчиков пошлешь со мной?

— Хоть весь разведзвод!

— Дай мне двух, надежнее.

— Не мало?

— Большой группой в таком тылу действовать тяжелее. Так кого брать?

— Пышкина. Он с Рябининым там был, помнит дорогу. И второй — Марасулов. Нечего ему здесь томиться. Кипяток из чайника глотает от тоски. Все немецкие мины знает, как наши ходики. С любым сюрпризом справится, сделает проход. Пышкин и Марасулов. Эти не оставят.

— Разрешите идти, товарищ капитан?

— Слушай, не дави ты мне на психику!

— Без задней мысли спросил, как спросил бы тебя Рябинин.

Романенко тоже встал, и вдруг они обнялись, до боли притиснувшись грудью к груди, нечаянно сцепившись ремнями от портупей, и хлопнули друг друга по плечам. Завтра разведгруппа будет уходить при других командирах и солдатах, но очень-то пообнимаешься...

Назавтра, к вечеру, провожая разведчиков, Романенко вдруг сдернул с Агеева косматую кубанку и надвинул на него свою пилотку, заметно великоватую. Ничего, закроет уши от комаров, а для маскировки удобнее.

Сутки протянулись, вцепившись когтями в сердце и не отпуская. Марат не сходил с дамбы, каждую минуту готовый поддержать разведчиков огнем. Сам слушал и других, не стесняясь, спрашивал: ничего не слышно? Меня дежурных, буквально ни на минуту не оставлял пулеметы без стреляющих. Но «стреляющие» не стреляли.

Среди новой ночи, после луны, когда она закатилась за камыш, где-то далеко, за вражеской дамбой, протучали очереди. Быстрые и короткие. На нашей дамбе все дежурные миготом приготовились. Но там, в далекой перестрелке, наступил нескончаемый перерыв. Нет, не очень-то нескончаемый... Вот очереди еще короче и поспешней. Потом задался тяжелый пулемет, долго колотил в ночь.

До рассвета напряженно всматривались вдаль, словно пытались глазами пробуровать болотную тьмищу. Марат знал, что, захватив лодку (если удалось!), разведчики, чтобы обмануть немца, могли еще глубже уйти в его тыл, скрыться, там хватало для этого протоков, заросших, вроде нехоженых троп и заводей с камышами. Агеев сказал: схоронимся на сутки, есть где.

И еще ночь. Какая тихая и бесконечная, с ума сойти! Ожидание прессовалось, как взрывчатка в mine. И лишь на зорьке, на мокрой, смердной, но все же зорьке, коснувшейся розовым светом тумана над водой, по нему уда-

рили кинжалы пулеметов и автоматов, безнадежно пытаясь вспороть туманное одеяло над разливом.

В ухо занесло и оставило в нем растущий стрекот лодочного мотора. Агеев идет! Моторку взяли! И сердце заколотилось чаще. Обещал, будет лодка, и еще не видно, а уже слышно: идет. К пулеметному огню немец прибавил мины. И все туда же — по лодке.

Из центра и с флангов нашей дамбы, прикрывая невидимых разведчиков и отвлекая на себя вражеский огонь, всю заработали пулеметы. Минометчики тоже уже обстреливали своих противников и разделили их: вражеские мины полетели и в разлив и над нашей дамбой, в глубь камышей, а наши мины вдруг тревожно оборвали свой трепещущий клетот. Нет, вот он, вот они! Меняли позицию, значит. Зотов понаделал множество позиций, чтобы путать немца. Да тут долго с одной и не постреляешь, оседет, заглохнет. Командир первого взвода, которого он оставил на эти дни за себя, стрелял уверенно и расторопно, а ведь был уж совсем мальчишкой с виду, щуплым и писклявым, прямо с цыплячьим голосом. Все они, эти молодые минометчики, постепенно заменившие «стариков», были похожи на мальчишек. А дело знали...

Когда наши минометы снова замолкли, «переползая» на другие «сушки», из тумана показалась лодка. Одна. Что за черт! В ней не было видно ни фигуры, ни головы. Она приближалась, выбираясь из белых облаков, засвеченных зарей.

Наши минометы вновь ожили, создавая огневую завесу, и Марат умолял лодку прибавить скорости, но она шла все так же ровно, и так же ровно трещал ее мотор, как будто ничего ее не касалось. Она шла, как пустая, сама по себе.

Едва она, не сбавляя ходу, вонзилась в нашу дамбу и мотор забурлил, превратив только что тихую воду в пену, а пену смешав с туманом, Марат, не первый раз забыв об опасности, прыгнул в лодку. Слава богу, сказала бы мама Галя, побегал на моторках по Днепру, без труда справился с подвесным мотором на этой железной посудинке, аккуратно, как на парад, покрытой зеленой краской, и сопровождаемый каруселью пуль, завел ее за дамбу.

В лодке на спине, ногами вперед, лежал Пышкин. Его круглая щека была глубоко расколота пролетевшим осколком мины, который пробил один борт и упал у другого. В двух местах гимнастерка намочена от крови. Пышкин чуть дышал...

Военфельдшер, прибежавший со своей укладкой в деревянном чемоданчике, сделал Пышкину два укола, вырезал куски гимнастерки, вытер кровь, стал щедро мазать йодом и бинтовать. Комбат просил, а потом и кричал, чтобы разведчику вернули сознание, хоть на миг, для ответа: где Агеев?

Военфельдшер приминал свои нелепо торпорщившиеся усы к щекам, будто вытирал о них кровавые пальцы.

— Его надо в медсанбат. Срочно.

Комбат плакал. Позже ему сказали, будто из его глаз непривычно покатались слезы. А самому помнилось, что кричал:

— Но я должен узнать про Агеева! И Марасула! Где они? Этого никто не скажет, кроме Пышкина!

И вдруг оба увидели, что Пышкин открыл свои кукольные глаза, ясные, как у проснувшегося ребенка.

— Можешь говорить? — спросил комбат.

Пышкин долго набирал воздух маленькими ноздрями курносого носа, а выдохнул враз, будто сказал: да.

— Где Агеев? Убит? Ты сам видел?

Пышкин опять вздохнул и завозился, пытаясь приподнять остатки гимнастерки. Военфельдшер помог раненому, и тогда оба увидели пилотку, полузаткнутую в штаны. Марат сразу узнал ее. Это была его пилотка. Та, что в последние минуты их общения он надвинул на Саню Агеева взамен кубанки. Она, значит, осталась на воде, и Пышкин подобрал ее. Он взял и помял ее в руках...

— Говорил что-нибудь Агеев? Ну, вспомни!

Пышкин опять медленно набрал в себя воздух и, преодолевая боль в щеке, пробормотал странные агеевские слова:

— Какая красотища... Жить нельзя, а любоваться есть чем...

Романенко ушел с пилоткой в руках. Где-то остановился и сдвинул зубы так, что в ушах заняло. Вернулся чуть ли не бегом и спросил фельдшера:

— Кого пошлете сопровождать раненого?

— Санитара Малахова.

— Нет. Пошлите Панкову.

— Дорога такая... Не справится.

— Она? Заготовьте требование, пусть получит перевязочные средства. На это ей прибавьте время. А вернется с минометчиками... Понятно?

Под его свирепым глазом военфельдшер больше не решился возражать.

Шагая к штабу, комбат снова остановился по колено в грязи, разгреб камыш и невольно подумал: «Где тут красотища? Какая? Чем любоваться?» Ничего, кроме гнева, не вызывало это гиблое место в его изнурившемся сердце. Сквозь камыш мимо пробежала Ася. Остановить ее? Нет. Поздно. Вот и нет Аси... С кем же он остался?

И совсем нечаянно из каких-то глубин пришел облик маленького человечка. Его сына. «После войны привезу мальчишку в плавни. Вдвоем подплывем на лодке к какой-нибудь «сушке», походим и найдем старые гильзы...»

5

Военфельдшер отпустил усы, чтобы занять хоть что-то от бравой военной стати. Выросли усы страшные, с двумя непослушными пучками на длинных концах. Больше всего они походили на черные веники, сомкнутые ручками под вислым носом.

Объяснив Асе, в чем дело, «Веник» — такая уж была у фельдшера кличка — предупредил, что раненый очень плох, но ничего не поделаешь. Приказ комбата. А вась! Вернуться Асе с минометчиками.

— Где я их найду?

— Комбат сказал: двор слепого старика. Выдирая ноги из грязи, как будто в ней лежал специальный магнит для подметок, Ася уже на первом километре догадалась, что послал ее в станицу, к Зотову, не комбат, а Агеев. Это последний его приказ в жизни. Ему мерещилось что-то хорошее, чего не может быть...

Она все скажет этому свихнувшемуся лейтенанту. Для этого она и встретится с ним на короткое время... На земле время суровое, и она не в силах этого изменить.

Когда она недавно начала рассказывать Романенко, как попала в армию, он, не дослушав, сказал: «Понятно». А не так все было просто, чтобы сразу понять. Она и сама не понимала, что и как случилось в то лето.

Пыль, с утра поднимаемая отходившими войсками, не успевала осесть на землю, как ее взвирывали колеса и она снова взлетала. Все, когда-то зеленое, как лист на дереве, светло-бордовое, как черепица на крышах, голубое, как небо или тихий пруд, желтое и яркое, как солнце или пшеница, становилось одноцветным от пыли.

Ася видела, как из одной машины направо и налево сбрасывали ящики со снарядами, чтобы убавить груз и укатить быстрее. Боец, едва увернувшийся от ящика, посмотрев на длинные и тонкие снаряды, придавившие пыльную пшеницу и оставшиеся в ней, сказал:

— Зенитные.

Видела, как сидели на обочине другой боец и генерал с небритыми щеками. Боец безмолвно грыз соломинку, а генерал безмолвно делился с ним папиросами.

Разгоняя ночи, где-то вполне полахали железнодорожные станции, деревянные склады, забитые грузами, нужными для войны, элеваторы со свежим зерном, товарные вагоны и цистерны на путях. Вот так и было: днем

вокруг темнело от пыли, а ночью светлело от понятных и непонятных огней.

Их ансамбль дышал той же горячей пылью, что и войска, и удалялся от родного города по той же дороге, и многие вокруг них при остановках у разломившихся, не выдержавших неожиданной ноши войны мостиков удивлялись, что это за ватага девчат и пареньков шагает, плетется, тащится с аккордеоном, гитарами, мандолинами и даже небольшим барабаном. Куда? Никуда. Их кормили кашами из армейских концентратов, реже звали на грузовики — только девочек, да и то не всех, а по одной, сколько могли втиснуть. Но они поклялись не расставаться — от дружбы или от страха, не сказать. И то и то сопровождало их всю дорогу.

Иногда их просили поиграть и спеть. И они пели, и играли на своих пыльных гитарах, и били в свой барабан, из которого при каждом ударе неистощимо вылетала пыль.

Их захватил поток, движущийся к Кавказу. Начинались просторы, будто бы выметенные ветрами, как небо, казавшиеся им не только далекими, но и пустыми, и тогда страх и усталость распоясались, точно ждали этой минуты, а может быть, убийственная разумность победила и пришел день разлуки для школьных друзей, которым не хватило десятилетия. Сначала, посовещавшись, мальчишки объявили, что уходят в армию. Где-то они сейчас? А девчат разобрал кто смог: авиаторы, штабники, полторка какой-то редакции, от перегруза хромавшая на все четыре колеса, госпиталь.

Еще издали Кавказ среди лета забелел вершинами, которые, приближаясь, теряли блеск, зато из этого блеска все резче выступали очертания. Отстал Пятигорск, где гениально-го юношу Лермонтова убила ничтожная Мартинов, и не успела память перебрать строки из «Мцыри», как уже загремел Терек, стре-

мившийся утащить в море камни, вцепившиеся в его дно.

Начальник госпиталя, в котором очутилась Ася, был величавым, как кавказская гора со снежной головой. Сначала подумалось, как же такого старца, хоть и богатырского вида, призывали на войну, а потом оказалось, что ему всего сорок, и это будто немного. В тот вечер, когда начальник вызвал Асю к себе в комнату, где жил, он расспрашивал о многом, а отвечал на ее робкие вопросы всего каким-нибудь одним словом: «Обучим», «Оденем», «Дадим». Уходя из этой комнаты бывшей больницы на земле осетинской, он зачем-то поддел Асю под нос грубым и могучим пальцем, как делают, когда подбадривают маленьких. И велел обождать. Часа полтора она просидела, как пойманная, в этой комнате. Вспоминать об этом сейчас было страшнее, чем сидеть и ждать тогда. Ни о чем она не думала, только горько и грустно, как бы прощаясь, воскрешала свой Таганрог, песок на приморском берегу, осенние купания, за которые всегда влетало от мамы...

Жизнь накапливала потери. Сначала оторвало от дома, потом от школьных товарищей, она до смерти боялась потерять крышу, уютлившую ее. Боялась одиночества, как щенок на дожде. Сейчас, вспоминая, понимала, что тогда смалодушничала, но тогда не думала, что наступит это сейчас. И знать не знала, что где-то на земле живет лейтенант Зотов...

Вернувшись, начальник госпиталя спросил: — Еще сидишь? — и погладил ее по голове. Она стянула и повесила на стул юбочку...

Среди ночи он много курил, а у нее мокрели глаза, и он отмахивал от нее дым. Потом круто повернулся к стене и уснул, а она еще долго промокала глаза углом простыни, дыша как можно тише, чтобы не разбудить похрапывающего соседа.

После нескольких месяцев переставшей быть страшной, а только трудной жизни, когда им без остановок привозили раненых из долин сражений, в новогоднюю ночь вслед за войсками, перешедшими в наступление, госпиталь рванулся вперед, стараясь не отстать. В ее палату с легким ранением попал один штабник, ну, бывают же такие, весь добрый, добрые глаза, доброе лицо, она не выдержала, заговорила, и он понял все-все, хотя она, кажется, и не намекала на свои горести. Хочу, дескать, в действующую часть, чтоб война — так война... Он пообещал устроить перевод. Где это было?

Ее встряхнул Георгиевск, приземистый городок, показавшийся ей больше деревянным, чем каменным. Гитлеровцы набили деревянные сараи городка бутылками, этикетки на которых украшала типографская строка по-русски: «Спирт». Люди сами пили и угощали воинов-освободителей, веселились, а через два-три дня сотни некрашенных гробов двинулись к кладбищу Георгиевска на грузовиках, затряслись на подводах, закачались на руках. Спирт был метиловый, древесный, не спирт, а яд, о чем умолчали этикетки.

Под январским снегом, негустым в здешних краях, у госпиталя почти на ощупь вытянулась очередь людей, терявших глаза. И все от того же зелья, выпитого на радостях. Что она вдруг поняла, столкнувшись с ними? Что нельзя опускать руки в какой угодно беде? Что, если можешь помогать другим, и себе помощи? Что если погибать, так уж там, где убивают не зря? А может, ничего отчетливого и не было, а вот очнулась — и все, потому что удары людского горя непременно будят других? И добрый штабник не забыл о ней.

Провожая, начальник госпиталя поправил свою седую гуцу на голове и негромко сказал:

— Ну, не поминай лихом... Хотя куда тебе от этого деться?

В весенних разливах грязи за Краснодаром Ася отыскала батальон и доложила о прибытии.

— Из тишины госпиталя на передний край? Ох, какая лихая! Это мне по душе! — приветствовал ее комбат.

Так она и попала из огня да в полымя.

Она все скажет Зотову сама. С любовью надо быть чистой. И прости-прощай, эта любовь, которой она не просила и не ждала.

Продолжение следует.

МАСТЕР ИЗ СЕНТЕНДРЕ

Евгений СВЕТЛАНОВ,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии

Несколько месяцев назад, во время Дней культуры СССР в Будапеште, мне довелось попасть в городок к северу от столицы Венгрии — Сентендре. Это место давно уже облюбовали поэты, художники, музыканты. Хлестал дождь, который, как назло, не переставал несколько дней, раздражая своим неустанным стремлением залить все, что только возможно.

Недолгий путь, и вот мы у цели. Чудесный миниатюрный городок, разместившийся на высоком правом берегу Дуная. Крохотные улочки. То там, то сям разбросанные несимметричные маленькие площади. Складенькие, веселенькие дома и домики, дворики, любовно засаженные разными деревьями и цветниками.

Наша «Лада», едва маневрировавшая по лабиринтам Сентендре, остановилась у дома, в котором явилось мне чудо. Здесь размещается музей-мастерская керамиста Маргит Ковач. Мир этого скульптора не похож ни на что, ранее виденное. Но прежде, чем поведать о том, что открылось моим глазам и сердцу, хочу привести слова самого художника.

Вот что писала Маргит Ковач: «Глина — мой хлеб, моя радость и печаль. Уже при первом прикосновении она стала элементом моей жизни. И с тех пор этот элемент, попадая в ток моей крови, возносит меня то на вершину радости, то ввергает в отчаяние... Я бы желала, чтобы эта страсть сопровождала меня до последнего дня жизни.

Это старое ремесло — чудесное. Когда первый гончар изготовил впервые полезную посуду, он словно играл и, наверно, очень обрадовался. Поэтому и выдал на ней орнамент. С тех пор из поколения в поколение передается это мастерство. И делают уже не только посуду, но фигуры и рельефы. Гончар обрабатывает, формирует глину. Обжигает на открытом огне и в электрической печи, придавая ей металлическую жесткость. И наслаждается своими попытками: сырой красотой материала или миражем цветов и бликов. Сколько творцов, столько вариантов. Каждый из них отдает глине свою душу, радость и печаль. И ка-

кое чудо: гончара давно нет, но его веселье, юмор, радость и печаль продолжают жить, и петь, и рассказывать о нем потомкам. Приветствую глину и это красивое мастерство!»

Так Маргит Ковач ввела нас в свой мир, в свое творчество. Когда смотришь на ее работы, кажется, что сама Венгрия, ее земля, душа, ее история смотрят на тебя.

Темы, положенные в основу работ художника, — это мир сказочный и мир реальный, крестьяне, рабочие и короли, цветы и животные, легендарные персонажи национального эпоса, фрагменты подлинной истории, опозитивированная «проза жизни», мужчины и женщины, ремесленники и поэты... Все, что волнует человека, нашло свое место в творчестве мастера. Мне как музыканту особенно дорого то, что многие произведения Ковач рождены под влиянием народной музыки. Мой гид остановила меня около чудесных скульптурных групп, навеянных народными венгерскими песнями, и тихонько, приятным голосом, проникновенно их напела. В доме Ковач постоянно бывали музыканты, поэты, художники. Большая личная дружба связывала ее с великим венгерским композитором Золтаном Кодаи, по просьбе которого она сделала несколько керамических фигур.

Творения Маргит Ковач неповторимы, оригинальны. Я не знаю ничего, что было бы на них похоже. Восхищают ее произведения и тем, что каждое из них несет в себе огромную мысль, образ, обобщение. Это не игра с материалом, это разговор по душам с человеком. Перед каждой работой (а их выставлено около двухсот!) стоишь долго, и невозможно оторваться и идти дальше. Не случайно создания венгерского скульптора были не раз удостоены самых высших наград во многих странах мира, в том числе в Италии, Франции, Бельгии.

В самых разных жанрах проявился талант Ковач — во фресках, фигурах, посуде. Первые ее произведения относятся к концу двадцатых годов, последние отмечены 1973 годом. Она скончалась семидесяти пяти лет — в 1977 году.

С фотографий, сделанных при жизни, смотрит на нас умная, обаятельная женщина. Глаза ее излучают свет, добро, мудрость.

Таково и ее творчество.

Будапешт — Москва.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

АННА ПАВЛОВА

Игорь ДОЛГОПолов,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Ровно сто лет тому назад Римский-Корсаков создал свою «Снегурочку», и в том же 1881 году 12 февраля у петербургской прачки Любви Федоровны родилась дочка Анна. Просто Нюра. Отец ее, из тверских крестьян, Матвей Павлов был солдат Преображенского полка. Вот и вся родословная будущей королевы балета.

Малютка появилась на свет семимесячной и была очень слаба. Еле-еле ее выходили. Нюра росла болезненно хрупкой, задумчивой, нескладной, тонконогой девчонкой... Если вспомнить сказку Ганса Христиана Андерсена «Гадкий утенок», то это почти слепок с детства, отрочества и... взлета Анны Павловой.

А пока мать частенько горевала, глядя на дочку, и втихомолку плакала. Соседи шептались: «Не жилица она». Но Аня упрямо росла, крепла и — вдруг нечаянно для бабушки, у которой она жила в Лигове, зажглась мечтой о танце.

И когда восьмилетняя Нюра впервые попала в Мариинский театр и увидела балет «Спящая красавица» Чайковского, то судьба ее была решена.

«Она будет Авророй!»

Может, кому-то и покажется смешным твердое решение ребенка. Но ведь никто не ведал, какая могучая душа скрывалась в этом тщедушном теле. Жизнь дальше раскроет нам невероятную власть, капризность, отзывчивость, простодушие и жесткость великой актрисы.

Десятилетней Анне удалось поступить в Петербургское балетное училище. Начался нелегкий путь школы. Годы труда, учения, труда, труда, труда. И вот, наконец, наступил 1899 год. Канун нового века. Выпуск училища. «Павлову вторую» заметили. Так окончился путь «гадкого утенка». Пройдет всего восемь лет, как на абсолютно пустынной сцене Мариинского театра, без привычных роскошных декораций, без звучания традиционного симфонического оркестра, без призрачного, «загадочного» балетного света — одна, перед ошеломленным залом, наполненным до отказа выдавшей виды петербургской публикой, под аккомпанемент арфы в первые проплывет гордый Лебедь... Анна Павлова — символ балета нашего века. Это был 1907 год. Так, казалось, исчерпался сюжет сказки Андерсена. Но... впереди была реальная жизнь, сегодня уже ставшая легендой, легендой трагической...

Вернемся в 1899 год. Вскоре после окончания училища Анна Павлова была зачислена корифейкой в балетную труппу Мариинского театра. Ее мечта исполнилась. Начался блистательный путь восхождения новой звезды. Молодая балерина покоряла одну за одной труднейшие роли. Знаменитый балетмейстер той эпохи Мариус Петипа особо привечал искренний, лирический талант Анны Павловой, обладавшей редким даром перевоплощать музыку в танец. Ее дарованию была присуща неповторимая легкость, прозрачность в исполнении самых, казалось бы, сложных технических задач. Но это не была холодная виртуозность. Нет! Величайшим качеством молодой прима-балерины была духовность, наполненность создаваемых ею образов. Балерина вложила в традиционно классическую оболочку живую душу современности, трепетную и прекрасную.

Анна Павлова... К ногам этой дочери прачки были брошены все цветы земли. Она заставила рукоплескать себе саму планету и, казалось, собрала всю славу мира. И, однако, несмотря на этот триумф, она не будет иметь самого главного — счастья. Она отдала всю себя людям, но не оставила для себя радости бытия.

Прочтите эти строки: «...Ветер колышет вершины сосен перед моим балконом — тех самых сосен, среди которых я гуляла в детстве. Звезды светят, озаряя северную густую ночь. Я кончила свои записки. Теперь я вижу, что жизнь моя представляет собой единое целое. Преследовать одну и ту же цель — в этом тайна успеха. А что такое успех? Мне кажется, он не в аплодисментах... а скорее в том удовлетворении, которое получаешь от приближения к совершенству. Когда я ребенком бродила среди этих сосен, я думала: успех — это счастье. Я ошибалась. Счастье — мотылек, который чарует на миг и улетает».

Заметим, что эти слова написаны тридцатилетней знаменитой балериной, завоевавшей мировую славу.

В чем же секрет счастья по мысли Павловой? В приближении к совершенству.

Вспомним ее биографию... Когда Анна Павлова создала свой шедевр? Вопрос сложный и неоднозначный. Но все же период создания «Лебедя» и «Шопенианы» — 1907—1909 годы, — выступления на сцене Мариинского театра в балетах Чайковского, Глазунова, «Жизели» Адана были поистине звездными часами жизни актрисы. Она была прима-балериной лучшего балета мира — Большого Балета России. Ее окружали великолепные балерины и танцовщики, с ней работал сам Мариус Петипа. Пусть классический балет считался некоторыми новаторами «архаичным», но сама Анна Павлова всю жизнь пропагандировала именно классику, внося в нее свою «павловскую» трепетную струну, создав ряд изумительных по своей филигранности танцевальных миниатюр. Но удалось ли Павловой в период последних двадцати лет жизни перешагнуть мастерство своего первого десятилетия? Создала ли она нечто превосходящее «Лебедя» 1907 года? Увы, нет!

История рождения «Лебедя» похожа на сказку. Однажды к известному танцовщику и балетмейстеру Михаилу Фокину пришла Анна Павлова. Фокин знал Павлову с детства. Он помнил ее девочкой в синем форменном платье с белым фартуком, в белой пелеринке, с туго заплетенными косами. Они вместе учились в Императорском театральном училище, окончили его, вместе не раз танцевали классические па-де-де, а потом уже целые балеты... Наконец, Фокин поставил «Виноградную лозу», «Шопениану», «Египетские ночи», «Сильфиды». Во всех них блистал юный дар Анны Павловой. И вот Павлова пришла просить Фокина помочь ей сделать концертный номер. В ту пору

Фокин разучивал музыку «Лебедя» Сен-Санса. Один взгляд на тоненькую, хрупкую фигурку Анны, и Михаил решает — вот «Лебедь»! Дальше все было, как во сне. Репетиция заняла... несколько минут. Это была почти импровизация. Фокин танцевал впереди Павловой, она следовала за ним. «Потом, — вспоминает Фокин, — она стала танцевать одна, а я уже следовал за ней сбоку, показывая, как надо держать руки... Этот танец стал символом Нового русского балета. Это было сочетание совершенной техники с выразительностью. Это было доказательством того, что танец может и должен не только радовать глаз, он должен проникать в душу».

Так родился шедевр.

Случилось, что дальнейший сложный и драматический путь балерины станет дорогой бесконечных вояжей по белу свету. Анна Павлова будто искала в феерическом калейдоскопе путешествий спасения от ностальгии. Забвения... Но даже весь сонм ее блистательных ювелирных танцевальных мозаик не мог унять тоски по Большому Балету России, ибо адаптированные варианты классических постановок были лишь упрощенными цитатами из спектаклей Мариинского театра. Сама Павлова лучше всех ощущала печальную суть этих потерь...

Внешне все было весьма респектабельно. Цветы, пресса. Нескончаемые овации. Улыбки.

Но она тосковала.

Взгляните на одну из известных фотографий Анны Павловой — великой балерины. Она в зените славы. Гордый профиль. Высокий чистый лоб. Взлетели тонкие брови. Трепещут нервные ноздри прямого, точеного носа. Сжаты губы. Углы рта чуть-чуть приподняла ироническая усмешка. Темные блестящие волосы обрамляют бледное лицо. Горький наклон головы, мягко очерченный подбородок, невыразимого изящества линии шеи, плеч, будто изваянных из мрамора. Мягкие точеные руки устало брошены на белое облако юбок. Веки опущены. Глубокие тени запали в глазницах. Трагическая тишина, грусть разлита в портрете...

Наступил последний, 1931 год.

Что вспомнила великая Анна Павлова на страшном рубеже бытия и небытия?

Гага... Полночь. Белый сумрак спальни. В сугробы подушек вмят женский лик. Опущены веки. Глубоко обозначились впадины глазниц. Скорбно сомкнуты губы. Тишина. Только мерное тиканье старинных часов отмеривает грань жизни. Вдруг женщина открыла глаза. Черные, последние зарницы ослепили людей, застывших у постели. Женщина с трудом подняла тонкую руку. «Приготовьте мне костюм Лебедя...» — еле слышно прошептала она. Упала рука на снежную простыню. Закрылись веки. Исчезли морщины страданий.

Великой Анны Павловой не стало.

Это произошло 23 января 1931 года. Балерине не исполнилось пятидесяти лет.

За четверть века до того дня в Петербурге молодая Анна Павлова впервые станцевала «Лебедя». Это была пора ее высшего счастья.

Тишина... В высоком, просторном окне — панорама ночной Москвы, россыпь тысяч мерцающих огней, отражающихся в Москве-реке. Мягкий свет лампы растворен в огромном, от потолка до пола, зеркале. Вокруг него вьется зеленая ветка плюща. Здесь живет Галина Уланова. Еле слышно шумит город.

У меня в руках маленькая розовая туфелька. Атлас от времени выцвел.

«Это балетная туфелька Анны Павловой», — звучат, как во сне, слова.

Ветхий клочок материи... Какой невыразимый поток ассоциаций рождает он. Кажется, видишь несметные толпы людей, слышишь овации, перед тобою встает легенда.

«Она не танцует, а летает», — писал об Анне Павловой скупой на похвалы, скептический Дягилев, на первых порах не понявший гений балерины.

Прошли годы...

Передо мною медаль имени Павловой. Большая, серебряная. Она учреждена французской академией музыки и танца и первой преподнесена Галине Улановой за выступление в роли Жизели на сцене Гранд Опера, где танцевала Анна Павлова. Потом этой почетной премии удостоены Майя Плисецкая, Наталия Бессмертнова, Екатерина Максимова, многие другие наши прославленные балерины.

...Продолговатый конверт из палевой плотной бумаги. Пестрые марки, штампы. Твердый почерк с крупными прописными буквами. Письмо пришло из Венеции. Адрес: «Москва. Галине Сергеевне Улановой. Театр Большой». «...Я всегда признателен людям, подарившим мне познание красоты и давшим радость прикоснуться к их творческому огню... 1981 год перед нами... Пятьдесят лет тому назад внезапно нас покинула Анна Павлова, и наш долг — достойно помянуть это «Наше, Святое» — осветившие танцевальный путь нашего века...» Подпись: Сергей Лифарь.

Лифарь — известный европейский танцовщик и балетмейстер. Пожалуй, один из немногих оставшихся в живых людей, знавших близко Анну Павлову, Фокина, Нижинского, работавших рядом с ними.

Эхо времени... Как оно пронзительно доносит до нас сам воздух давно ушедших дней. Всего лишь маленькая розовая туфелька, листок бумаги, исписанный нервным почерком, старая, выгоревшая фотография.

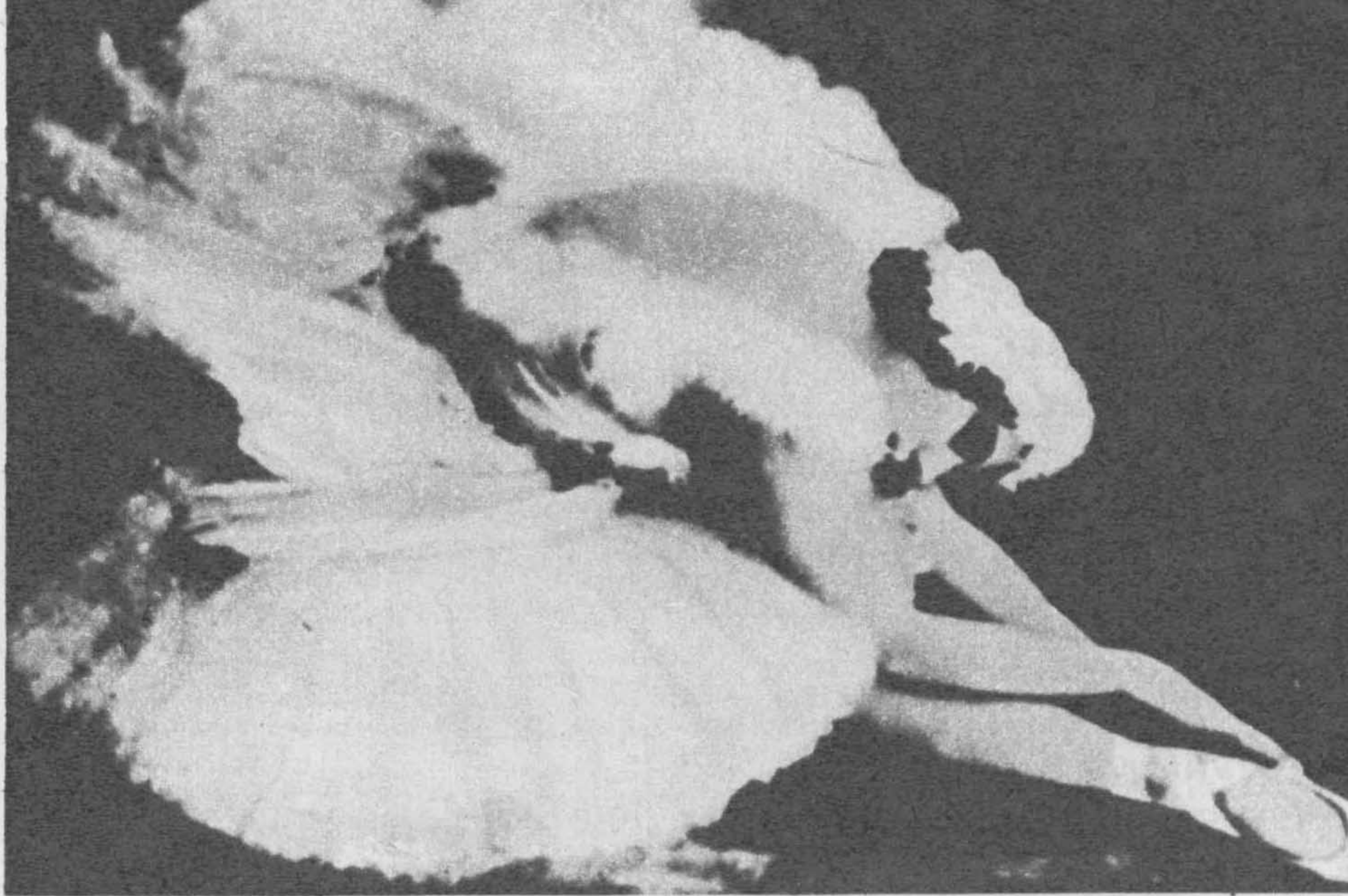
Бесценные свидетели славы.

...И снова и снова звучит связь времен. Неумирающая эстафета прекрасного.

Мария Тальони, Анна Павлова, Галина Уланова...

Великие балерины.

В репетиционном зале.

«Умиравший Лебедь».

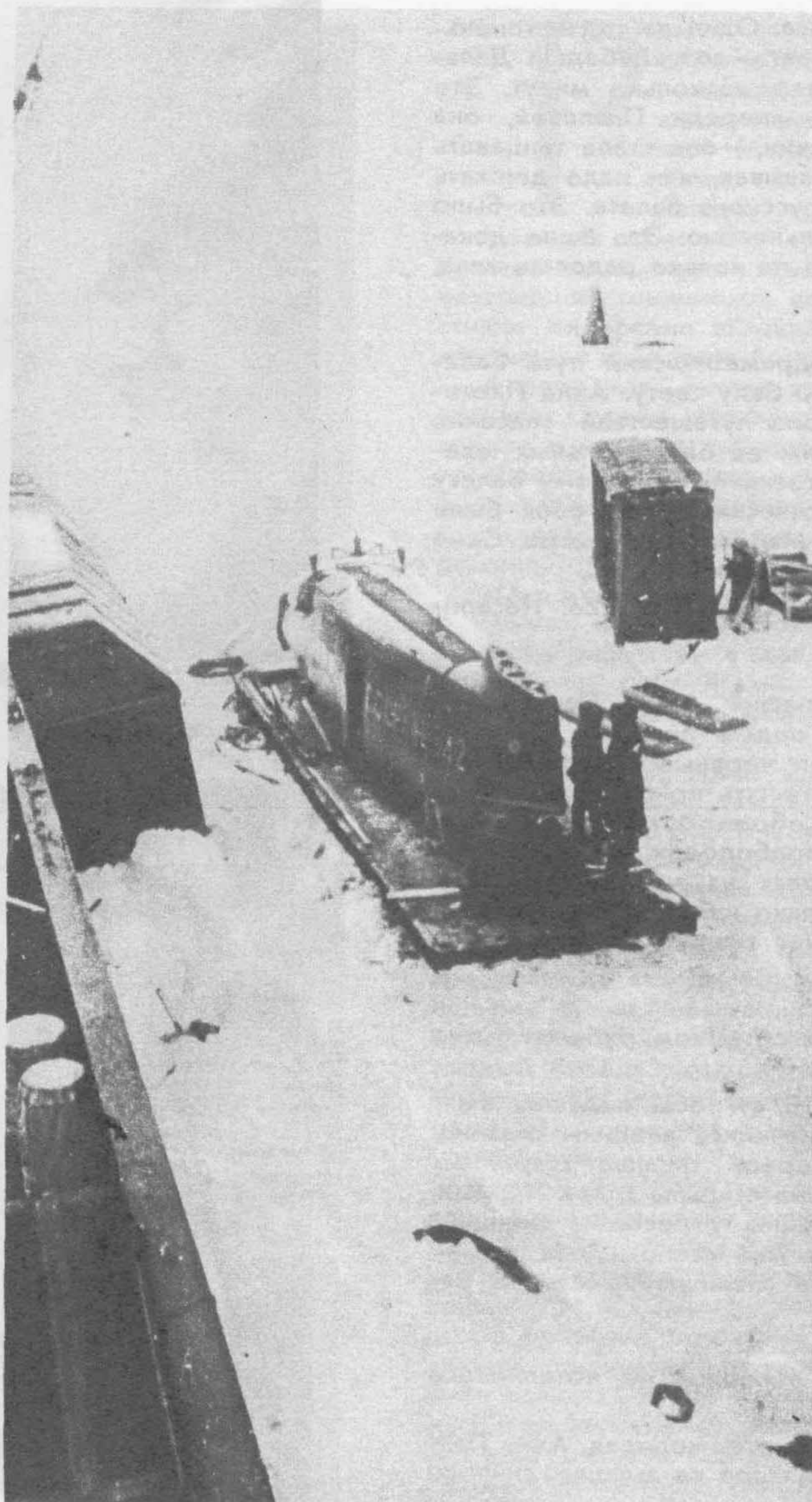

«Бабочка».

«Обь» прибыла в Антарктиду.

Началась выгрузка самолетов.

Первое знакомство с пингвинами.

ЧТО НОВОГО НА КРАЮ СВЕТА

Обложка 28-го номера «Огонька» за 1956 год: 13 февраля 1956 года на сопке Комсомольской в антарктическом поселке Мирный был поднят Государственный флаг СССР.

Евгений РЯБЧИКОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»
в первой советской Антарктической
экспедиции.
Фото автора

Гудели корабли в порту и на рейде. Гудели паровозы. Я смотрел с капитанского мостика «Оби» на заполненные народом берега: сурово и торжественно провожал город моряков Калининград первую советскую Антарктическую экспедицию. И здесь, на борту дизель-электрохода, знали меру ответственности и риска, выпавших на долю тех, кто уходил на край света.

Готовясь к плаванию, я перечитал материалы об открытии Антарктиды в 1820 году русскими моряками, совершившими дерзновенный поход на кораблях «Восток» и «Мирный» под командованием Беллинсгаузена и Лазаре-

ва. Как ни парадоксально, но с тех пор люди мало что узнали об Антарктиде, и известный американский исследователь адмирал Бэрд огорченно заявил: ледовый материк — сплошная загадка, и внутренние его области известны меньше, чем освещенная сторона Луны.

Советская наука повела изучение и невидимой, обратной стороны Луны и Антарктиды. Перед нашими полярниками стояла задача: исследовать весьма значительную территорию Антарктиды и раскрыть ее тайны. Для этого и была подготовлена научная экспедиция, в которую вошли опытные полярные исследователи, получившие закалку на Северном полюсе, на арктических станциях и зимовках. Они и уходили к Земле Тайн, что вызвало крайнее раздражение наиболее реакционных газет Запада. Что только не писали они тогда о нас, — и что экспедиция беспомощна, и планы наши рухнут при первой встрече с грозными айсбергами, и вообще экспедицию ждет гибель. Недруги знали: нам досталась наиболее труднодоступная часть Антарктиды, где лютуют жесточайшие морозы, неистовы снежные бу-

ри, нет там подхода кораблям к берегу, нет материковой тверди для строительства научной обсерватории. Успех или неуспех советской экспедиции приобрел политическое значение.

На долю первого похода выпало все, что достается идущим в неизвестное: и бури, и схватки со льдами, и трагедии... Даже теперь, по прошествии четверти века, в бессонный ночной час вырастают из прошлого белые призраки ледовых видений. Вновь штурмуют «Обь» айсберги, взбешенные ледяные горы. Кажется, они опять окружили наше судно и стиснули его до ломоты, до треска стальных ребер — шпангоутов. Не совладав с кораблем, они отступают, унося на своих ледяных боках отпечатки черной бортовой краски.

Ледовая эпопея завершилась победой мужества и опыта советских моряков. Разорвав «ледовый пояс» Антарктиды, дизель-электроход «Обь» подошел к кромке загадочного континента. Начались наземные и воздушные поиски места для разгрузки корабля и сооружения южнополярной обсерватории Мирный. Строить его на ледниках, миллионы лет неудержимо сползающих в океан и превращающихся в айсберги, было бы сущим безумием: лед унесет строения и сбросит их в океан. Требовался незыблемый фундамент — выходы коренных пород. Когда их обнаружили, то началась мучительно сложная разгрузка судна. Тревожны были дни и ночи, проходившие под вопли внезапно налетевших черных бурь. Трагически погиб на разгрузке тракторист Иван Хмара. Но ничто не остановило полярников — они поставили и жилые дома и радио- и электрические станции, оборудовали научный центр и ледовый аэродром. 13 февраля 1956 года на скале Радио собрался митинг победителей: над Мирным торжественно поднялся красный флаг Страны Советов.

С той поры прошло 25 лет. Что нового на краю света? На ледниках шестого континента побывало уже 15 тысяч советских ученых и специалистов. В Антарктиде работает сейчас 26-я советская экспедиция. В ее распоряжении 7 удобных для жизни и труда станций, да еще в глубине материка, на полюсе холода земного шара, действует уникальная обсерватория Восток. Центром научных исследований теперь стала станция Молодежная, там регулярно запускают метеорологические ракеты, используют электронно-вычислительную технику, ведут прямые радиотелефонные разговоры с Москвой. В Антарктиду из Москвы проложен воздушный путь.

За все эти годы советские ученые выполнили огромную работу — создали первый в мире атлас Антарктиды, определили ее подледный рельеф, мощность ледников. Установлено: общая масса льдов колоссальна — 25 миллионов кубических километров! Если бы льды растаяли, уровень всего Мирового океана поднялся бы на восемьдесят метров. Доказано: Антарктида — материк, площадь его 14 миллионов квадратных километров. В далеком прошлом он был единым с Африкой и Южной Америкой, являясь частью грандиозного суперконтинента Гондваны. Особенно важно то, что Антарктида объявлена зоной мира. Это сделано по предложению и настоянию советских полярников.

Конечно, и сейчас Антарктида остается Антарктидой со всеми присущими ей жестокостями природы. Но она уже не сплошная загадка планеты. Исследуются ее недра, изучается воздушный бассейн, на учет берутся пингвины, морские львы, киты — в «стране белой смерти» охраняется все живое.

Сумев сфотографировать невидимую, обратную сторону Луны, советские ученые знают теперь многое и об Антарктиде. Они верят: шестой континент, объявленный зоной мира, будет служить человечеству богатствами своих недр. Не за горами то время, когда из Антарктиды начнут буксировать айсберги в Европу, Африку и Америку — туда, где все острее ощущается нехватка чистой пресной воды. Создаются проекты превращения Антарктиды во всемирный холодильник для сохранения больших масс пищевых продуктов, и, конечно же, отсюда всегда будут сообщать прогноз погоды для всей планеты. У Антарктиды — большое будущее.

Открытие выставки.

Фото С. Петрухина

НАШИ СОВРЕМЕННОКИ

В Москве открылась выставка заслуженного художника РСФСР, лауреата премии Ленинского комсомола Александра Шилова. В экспозиции широко представлены портреты современников, пейзажи, натюрморты.

Покорители космоса — одна из центральных тем в творчестве живописца. Еще будучи студентом Московского государственного художественного института имени В. И. Сурикова, он написал Юрия Гагарина. На нынешней выставке показаны новый портрет первого космонавта — «Сын Родины», а также изображения летчиков-космонавтов, дважды Героев Советского Союза П. И. Климчука и В. И. Севастьянова.

Портрет Героя Социалистического Труда ткачихи В. Н. Голубевой, народных артистов СССР И. К. Архиповой и Н. С. Плотникова, заслуженного учителя школы РСФСР В. А. Воронина, ла-

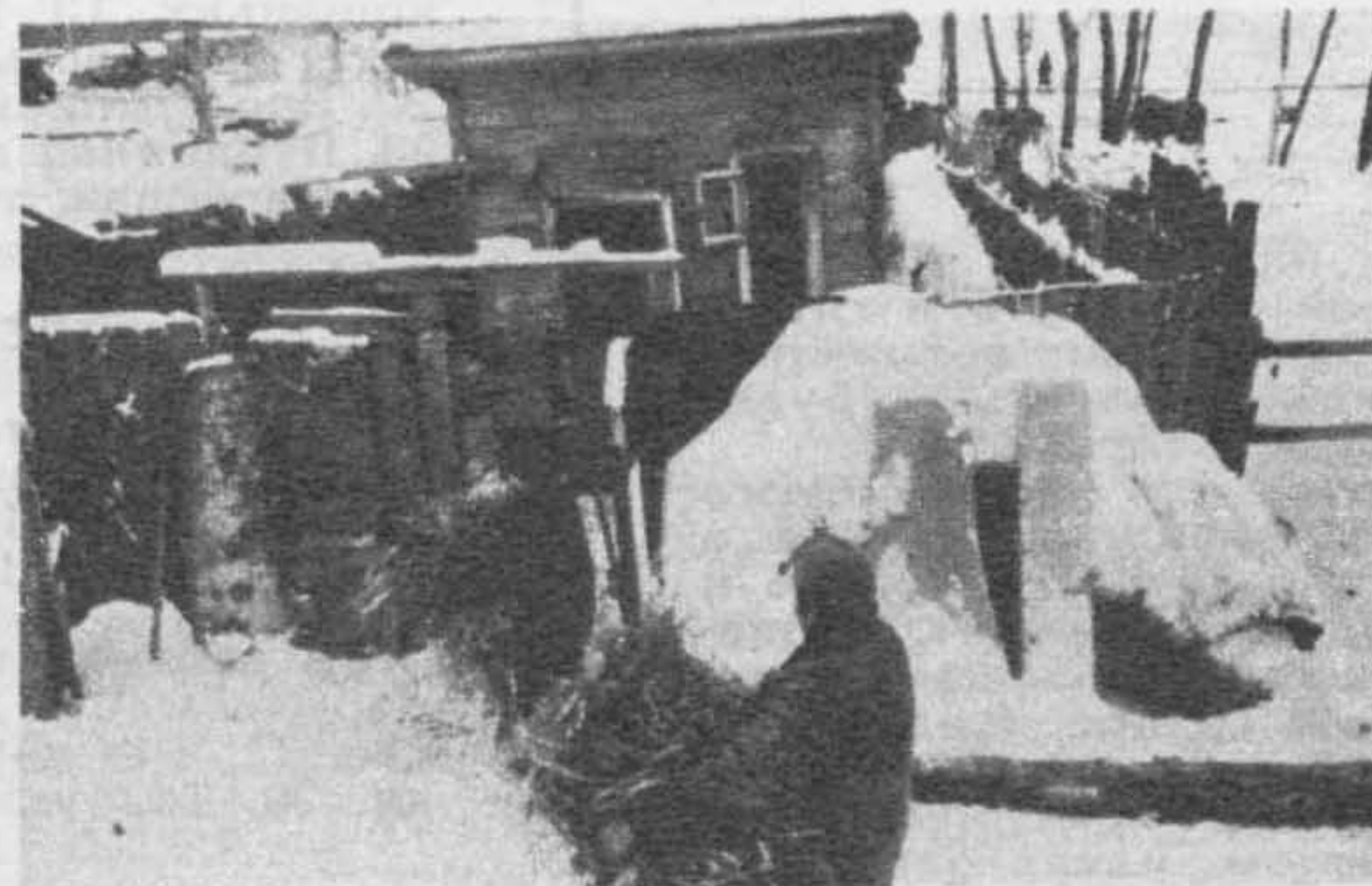
уреата премии Ленинского комсомола композитора В. А. Овчинникова, писателей Р. М. Ермольевой, А. А. Лиханова, С. А. Абрамова, Ю. И. Селезнева, матери-героини П. И. Деминой, старого егеря, колхозников, студентов — вот далеко не полный перечень работ художника в портретном жанре, привлекающих внимание посетителей.

Особенно интересны полотна, раскрывающие глубокий психологический мир человека. Среди них широко известны холсты «Защел багульник», «Хозяин земли», «Ожидание».

Нельзя не отметить сочный, реалистический язык живописи молодого мастера, внимательно изучающего великое классическое наследие мирового и русского искусства.

Выставка пользуется большой популярностью.

РЕПОРТАЖ, КОТОРОГО МОГЛО И НЕ БЫТЬ

А вот тот сарайчик, где эти лошади содержатся...

ВЗЯЛИСЬ ЗА ГУЖ...

Аттракционы. Как много их стало в последнее время в парках культуры и отдыха нашей столицы! И количество их с каждым годом увеличивается. Автодромы, кегельбаны, колесо обозрения, не говоря уже о качелях и каруселях. И вдруг... пара гнедых, запряженных в сани. Такое не часто увидишь в Москве.

Этот необычный аттракцион недавно появился в Лианозовском парке культуры и отдыха. На лошадях здесь катают два раза в неделю — в субботу и воскресенье. Интерес, конечно же, огромный. Дети в восторге. Ведь некоторые из них впервые в жизни видят лошадей живую, а не на картинке.

Организовал этот аттракцион, по сути, один человек — В. Ионубайтис. Он родился и вырос в деревне, всю жизнь, можно сказать, провел с лошадьми, работал сторожем лианозовских садов. Он и предложил директору парка В. Д. Ивашкину создать этот аттракцион. Обратились за советом в райисполком, там дали «добро». И повалил народ на аттракцион, от

ребятни отбоя нет, да только сани-то одни, а лошадей всего пара, не успевают они прокатить такую массу народа, многим так и не удается добраться до заветных саней.

— Так за чем же дело стало? — возникает вопрос. Казалось бы, если аттракцион одобрен, то надо создать для него условия. Увы, таковых пока нет.

Сейчас все заботы по содержанию лошадей ложатся на плечи все того же В. Ионубайтиса и его единственного помощника В. Бобкова. Да и материальная часть не обеспечена. Коляска, как и сани, тоже одна, и та вряд ли понадобится, так как нет летней гаревой дорожки. Вот и получилось, что этим дождливым летом на коляске катались всего несколько раз.

А ведь прошло достаточно времени со дня открытия аттракциона, чтобы утвердить обслуживающий персонал и уж, во всяком случае, определить постоянное жилье для лошадей вместо старой, гнилой пристройки дома, где сейчас они содержатся.

Директор парка В. Д. Ивашкин делает все от него зависящее. Старается ему помочь и отдел культуры Тимирязевского райисполкома, но эти старания пока ни к чему не привели. Вот что рассказала нам заведующая отделом Л. И. Сидорова:

— Проблему эту нам не удастся решить, пока не появится проект реконструкции всего парка, который находится в весьма запущенном состоянии. А появится он в мастерской номер 6 «Моспроекта» не раньше второй половины 1982 года.

А пока остается только ждать. Ребятам — в длинной очереди, В. Ионубайтис и В. Бобкову — когда у них найдутся помощники, лошадям — когда для них построят приличное помещение.

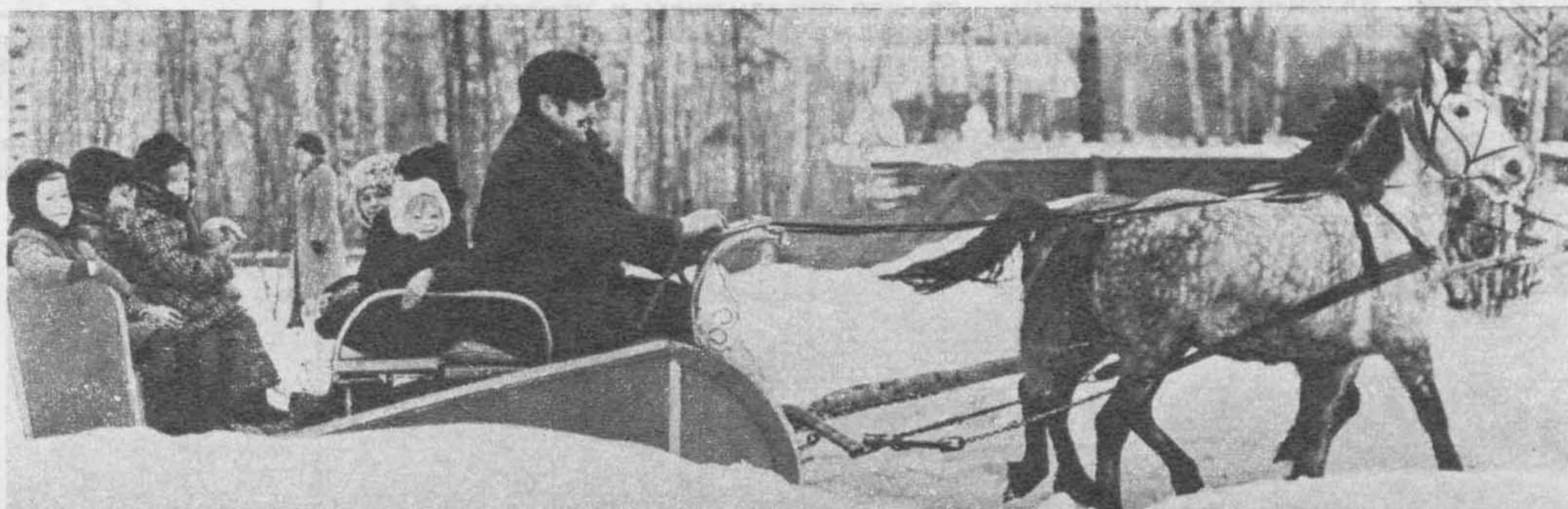
О том, что так будет, конечно, стоило подумать раньше. Но и сейчас еще не поздно исправить положение.

«Взялся за гуж — не говори, что не дюж» — старая истина, но иногда и старые истины не мешают напомнить.

И. СБИТНЕВ

Фото С. ПОРТЕРА

Сколько радости доставляет ребятам пара красавиц лошадей!..

ОТКРЫТИЕ ДРАМАТУРГА

Передо мной небольшая книжка, изданная в Чебоксарах: «Драмы и комедии Николая Терентьева». Автор ее — заслуженный деятель искусств РСФСР Ю. А. Зубков.

О чувашском драматурге известный театралный критик пишет с любовью, проявляя подлинное знание его творческого пути, его индивидуальности. Ю. А. Зубков глубоко и тщательно анализирует ряд пьес Н. Терентьева (а их у него более двадцати), имеющих принципиальное значение для понимания идейных и нравственных позиций драматурга.

«Читаешь пьесы Н. Терентьева одну за другой, — пишет Ю. А. Зубков, — и словно оживают перед тобой самые важные страницы жизни чувашского народа, его духовные истоки и связи, националь-

ные обычаи и, как самое главное, то новое, что сложилось за годы Советской власти и что роднит его со всеми народами нашей страны».

Критик подчеркивает, что в драматургии Терентьева уловлен и образно передан самый дух народной жизни, ее поэзия и проза, народные поверья, обычаи, убеждения. Но — и это особенно важно — «пьесы Терентьева напрочь лишены, однако, черт национальной замкнутости. Их герои живут теми же заботами и радостями, которыми живут все советские люди». Поэтому и все творчество Терентьева Ю. А. Зубков рассматривает не изолированно, а в сопоставлении с творчеством других советских драматургов, обнаруживая глубокую внутреннюю связь между героями пьес, выявляя близость тематики, наличие общих народных корней, общность нравственной проблематики.

За обычным, будничным течением жизни в пьесах Терентьева ощутимо ее глубинное течение, за гранями повседневности открываются нашему взгляду глубинные общественные, социальные, философские проблемы. В самых разных по жанру произведениях драматурга Ю. А. Зубков обнаруживает его неизменное стремление утвердить победу добра над злом, нравственную высоту человека.

Книга написана талантливо, живо, с сердечным теплом. Она представляет несомненный интерес не только потому, что расширяет наш кругозор, знакомит с крупным представителем чувашской драматургии, но и потому, что, анализируя его творчество, автор попутно затрагивает много остро звучащих проблем, таких, например, как проблема современного героя; раскрывает сущность таких понятий, как социальный оптимизм, народность, гражданственность, партийность советского искусства.

Г. МЕНГЛЕТ,
народный артист СССР

ГОСТИ

«ОГОНЬКА»

ГИТАРА — ИНСТРУМЕНТ ГОРДЫЙ...

Эти слова о гитаре сказаны композитором Владимиром Дубовицким строго, серьезно: «Почему гордый?.. Да потому, что самостоятелен! Не хочет зависеть от сопровождения фортепьяно, скрипки... Ведь иногда слышишь удивленное восхищение: «Представляете: Бокерини на гитаре!» Пора перестать

удивляться кажущейся простоте гитары. В ней сложность и глубина. Люди воспевают волшебные звуки скрипки, флейты... Будет воспет и голос гитары!»

Имя Владимира Дубовицкого встречаем на афишах: записи в его исполнении звучат на радио и телевидении, он выступает с известными музыкантами и дает сольные концерты. Гитаре предан беспрдельно.

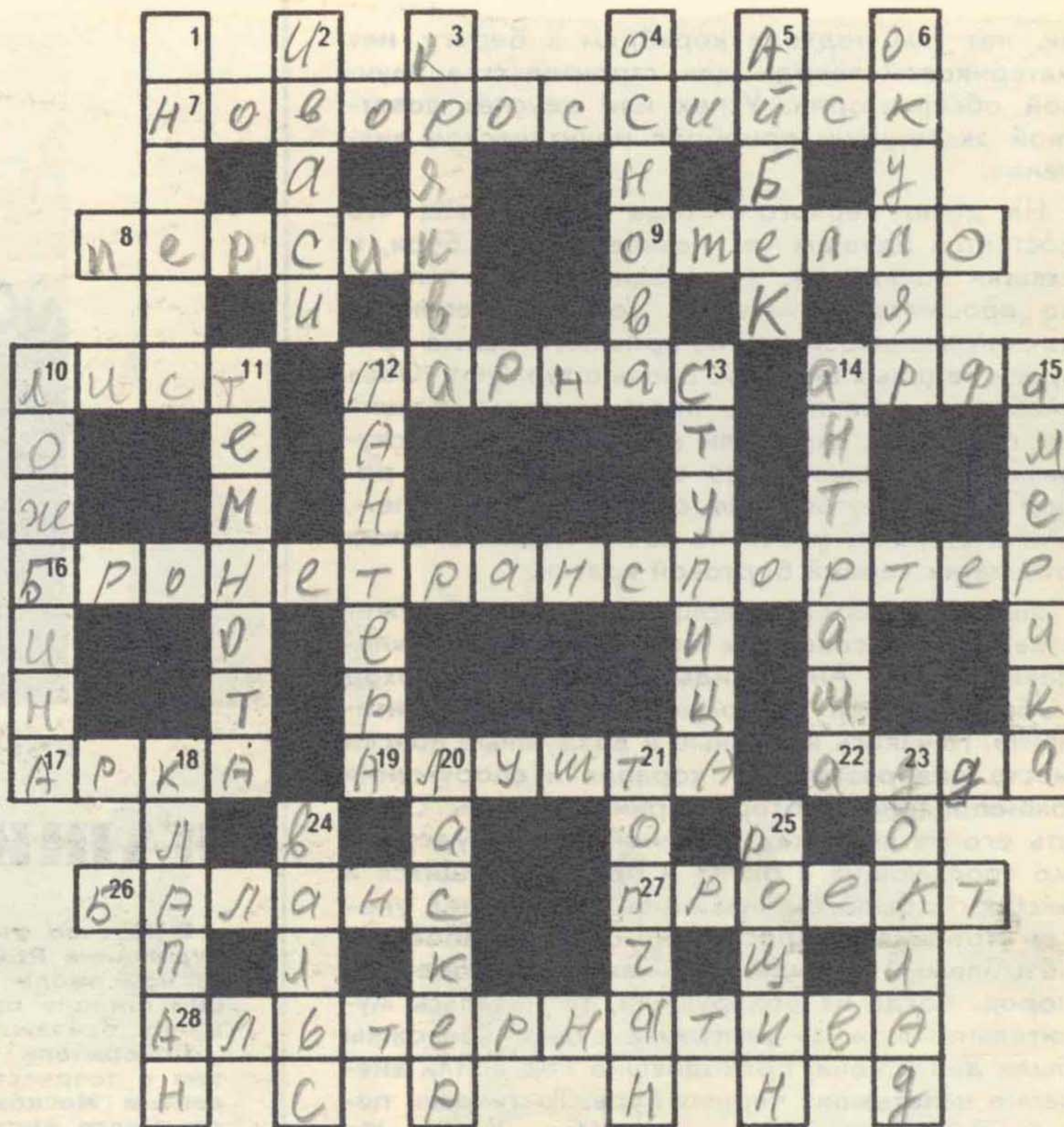
Он работал на «Трехгорке» слесарем-механиком, начал заниматься в самодеятельности, в оркестре народных инструментов. Через год он уже солирует в оркестре на семиструнной гитаре; поступает на курсы преподавателей-гитаристов при Гнесинском институте, где экзамены по специальности принимал Иванов-Крамской.

Работая в Оренбургской филармонии, стал сочинять сам. Как-то на гастролях, встретившись с Ивановым-Крамским, сыграл ему свои вещи и был приглашен в училище при консерватории; но тут началась служба в армии... С тех пор прошло много лет. Владимир Михайлович Дубовицкий руководит ансамблем гитаристов Дома работников просвещения Ждановского района, ведет занятия в университете музыкальной культуры. В программе названы темы: «Гитара в России», «Гитара в Италии», «Гитара в Аргентине», «Композиторы-классики для гитары»... Темы, сами по себе оспаривающие мнение, что гитара — это пустяки, детская забава...

Сочинения Дубовицкого, переложения, обработки для гитары печатаются у нас в стране и за рубежом.

Но главное в работе Владимира Дубовицкого, наверное, даже и не то, что он однажды и навсегда полюбил гитару. Главное — его страстное и деятельное желание, чтобы как можно больше людей разделили с ним счастье его привязанности.

Л. ЛУКЬЯНОВА

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Город-герой. 8. Южное плодородное дерево. 9. Трагедия Шекспира. 10. Венгерский композитор, пианист, дирижер XIX века. 12. Горный массив в Греции. 14. Многострунный музыкальный инструмент. 16. Боевая машина. 17. Дугообразное перекрытие. 19. Курорт в Крыму. 22. Река на севере Италии. 26. Равновесие. 27. Разработанный план сооружения. 28. Необходимость выбора решения, варианта.

По вертикали: 1. Указатель, реестр. 2. Рыба, обитающая в морях Дальнего Востока. 3. Дикая утка. 4. Продольные нити в ткани. 5. Народный писатель Узбекистана. 6. Оптическая система. 10. Впадина с пологими склонами. 11. Рассказ А. П. Чехова. 12. Хищник семейства кошачьих. 13. Центральная часть колеса, маховика. 14. Прыжок в балете. 15. Часть света. 18. Деталь механизма духового инструмента. 20. Экс-чемпион мира по шахматам. 21. Деревянная койка на козлах. 23. Публичное выступление на определенную тему. 24. Бальный танец. 25. Персонаж трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали: 1. Каратаев. 5. Скафандр. 10. Лиана. 11. Рюмин. 12. Ейск. 13. «Млада». 14. Данте. 15. Параллелограмм. 19. Опал. 20. Енот. 21. Киль. 22. Метр. 24. Естественное знание. 29. Колье. 31. Нигер. 33. Удав. 34. Летка. 35. Шипка. 36. Габардин. 37. Небраска.

По вертикали: 2. Анапа. 3. Атабаска. 4. Волейбол. 5. Стаккато. 6. Аэродром. 7. «Демон». 8. Фламинго. 9. Интернат. 15. Платье. 16. Лаплас. 17. Гудрон. 18. Мериме. 21. Каракуль. 23. Репортаж. 25. Серенада. 26. Толбухин. 27. Зеравшан. 28. Иванушка. 30. Литва. 32. Гопак.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В цехе эмалированной посуды Новомосковского трубного завода. Старший эмалировщик Вера Сидоренко. (См. в номере материал «Посуда на выбор?») Фото И. Гаврилова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Работы венгерского скульптора-керамиста Маргит Ковач. (См. в номере материал «Мастер из Сентендре».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ [заместитель главного редактора], И. В. ДОЛГОПолов [главный художник], Д. К. ИВАНОВ [ответственный секретарь], Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ [заместитель главного редактора], Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

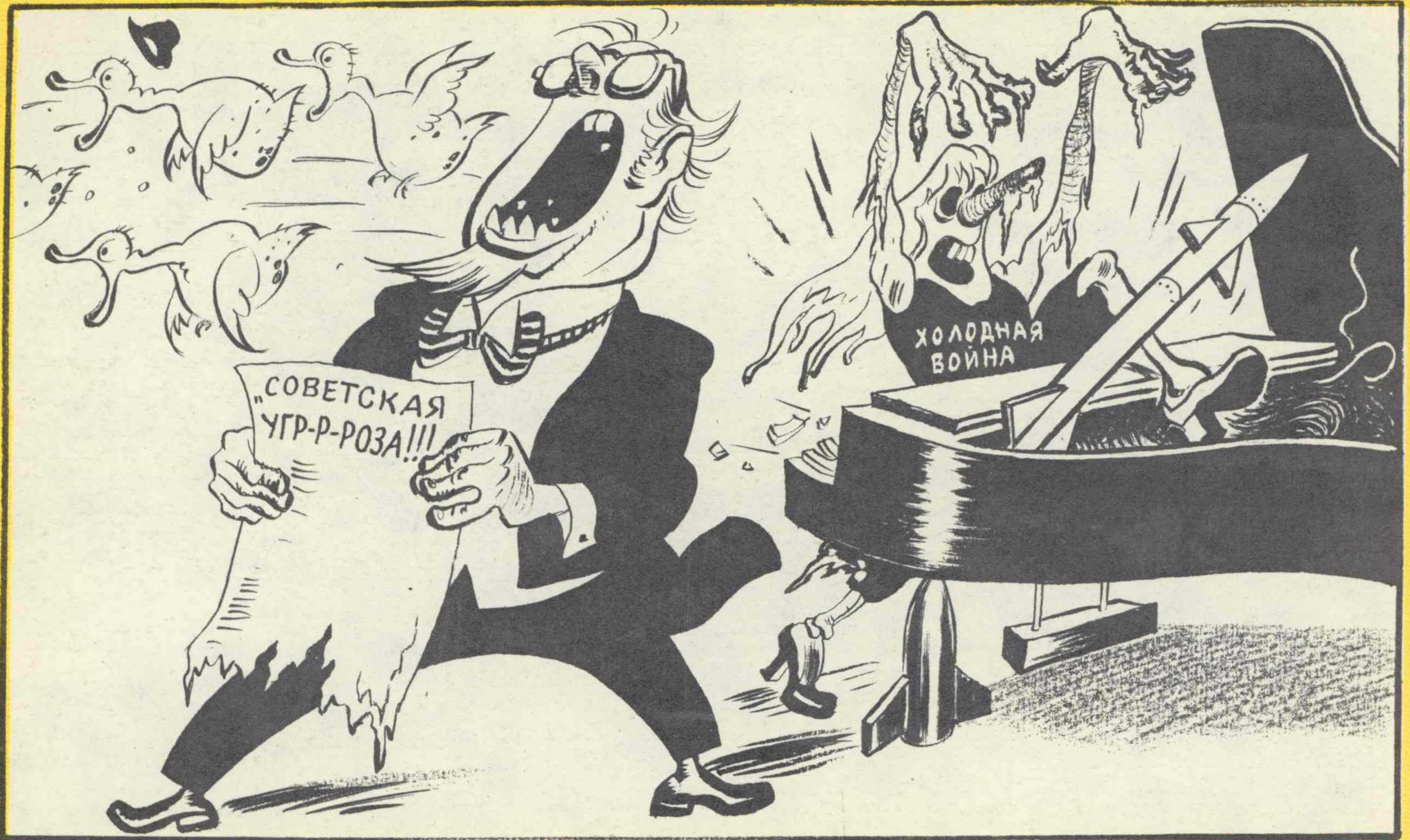
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 19.1.81. Подписано к печати 3.2.81. А 00325. Формат 70x108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 790 000 экз. Изд. № 520. Заказ № 3546.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Все та же старая песня...

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

Где искать «международный терроризм»!

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663